

64

СССР
Учен в 1962 г. 1777

НКВД

Край-То ПОСТ

УПРАВЛЕНИЕ

по Татарской АССР

Александр Аввакумов

Вх. № 1727
13 " " 199г.

БАНДА

РАССЕКРЕЧЕНО

в составе Корнилова В.,

29670

Мухоморова А.И., Тобаева А.И.

~~801228~~
г. Лизинь

в 1-м издании НКВД
загекте ризовато

20/6/66 Печато 10 мая 1945г.

Окончено " октября 1949г.

На 250 листах

16+

Александр Леонидович Аввакумов

Банда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56954943

SelfPub; 2020

Аннотация

Стихли ожесточенные бои на фронтах Великой Отечественной войны, но война продолжается. Теперь полем боя стали дворы и улицы Казани. В городе действует неуловимая банда, совершающая дерзкие преступления: налеты на государственные склады и жилища граждан. Она оставляет после себя лишь трупы сотрудников милиции и мирных жителей. Все совпадения имен и событий случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Василий стоял у окна и внимательно рассматривал двор большого частного дома, который находился напротив старого дореволюционной постройки барака. Этот двухэтажный барак построил еще фабрикант Алафузов перед самой революцией и с тех пор, это деревянное строение не знало ремонта. Темное, грязное, покосившееся от времени окно было свидетелем многих исторических событий: Первой мировой и Гражданской войны. Пережил барак и очередную войну – Великую Отечественную. Потускневшие от времени стекла плохо пропускали уличный свет и поэтому в коридоре барака царил полумрак. В помещении пахло мочой, пищей и человеческими испражнениями. Где-то в темноте длинного и темного коридора слышались чьи-то шаги и натруженный кашель.

За окном накрапывал дождь. Это был первый весенний дождь этого победного года. Капли дождя монотонно стучали по стеклу окна, словно в сказке, превращаясь в тонкие струйки, которые исчезали где-то на покато́й крыше крыльца. Стоило только прекратиться дождю, как улицу наполнили мальчишки в черных и синих трусах, которые с криками и смехом бегали по теплым лужам.

Василий, глядя на них, невольно вспомнил свое босоногое детство, когда и он вот так радовался теплему дождю и пускал в лужах кораблики, сделанные из спичечных коробков. Василий невольно вздрогнул, услышав за своей спиной

скрип открываемой двери. Корнилов резко обернулся. Рука парня невольно потянулась к карману, в котором была финка. На лестничной площадке стояла древняя старушка, которая, щуря свои подслеповатые глаза, подозрительно рассматривала Василия. Она морщила свой крупный нос, словно стараясь не только разглядеть молодого незнакомого ей парня, но и учуять его запах. Корнилову было около двадцати пяти лет. Его светло-русые волосы выбивались из-под черной кепки с маленьким блатным козырьком. Подобные головные уборы в те годы, в основном, носили бывшие заключенные и «приблатненная» молодежь.

– Что уставилась, старая карга? На мне узоров нет! – грубо произнес Василий. – Давай, топай отсюда, пока не развалилась.

Парень сплюнул на пол и растер слюну носком сапога.

– И чей ты будешь, нахаленок? – смешно кривя губы, спросила его старуха. – Чего здесь околачиваешься?

Старушка уперлась своими костлявыми руками в бока и приняла «боевую» стойку.

– Ты сам, вали отсюда, шпана дворовая, пока я мужиков не позвала. Ходят тут всякие, а потом галоши пропадают....

Василий поморщился. Вступать в спор со старухой явно не входило в его планы.

– Давай, не ори, старая раскладушка, а то окончательно очучуришься, – со злостью в голове произнес Корнилов. – Видал я твоих мужиков, да и тебя тоже. Пошла ты ....

Василий снова сплюнул на пол и, демонстративно достав из кармана пиджака папиросу, закурил. Выпустив струю голубоватого дыма в сторону старушки, он начал медленно спускаться по деревянной лестнице вниз. Лестница скрипела под его шагами, словно продолжая ворчать на него в тон старушки. Корнилов неторопливо вышел из подъезда и, сняв с головы кепку, посмотрел на солнце, которое, словно умывшись этим теплым весенним дождем, ярко сияло между разрывами тяжелых свинцово-черных туч.

«Тварь старая, – подумал Корнилов. – А ведь могла такой шум поднять, мало бы не показалось».

Василий оглянулся назад и, посмотрев на темное здание барака, сплюнул на землю.

***

В мае 1941 года Василий Корнилов был осужден на четыре с половиной года за подделку больничных листов. Отбывал он свой небольшой по тем временам срок в Мордовии, где быстро сошелся с ворами и блатными. Освободившись из мест лишения свободы полгода назад, Василий попытался устроиться на работу, не потому, что ему вдруг захотелось поработать на благо страны, а потому, что к этому стал принуждать его местный участковый уполномоченный, угрожая Корнилову новым сроком. Однако, несмотря на острую потребность в рабочих руках, принимать его на работу никто не хотел из-за наличия у него судимости. Два дня назад Кор-

нилов получил очередной отказ в трудоустройстве. Сейчас он стоял около пивной палатки, цедил кислое старое пиво и с интересом разглядывал стоявших у столиков мужчин, в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых.

– Молодой человек, вы не разрешите воспользоваться свободной частью вашего стола, – произнес мужчина лет пятидесяти в светлой соломенной шляпе, держа в руках две кружки с пивом.

Василий посмотрел на мужчину. Ему было чуть больше пятидесяти лет. Чистое лицо, серые глаза. Он был каким-то случайным человеком среди этого общества, которое курило, сквернословило и пило водку с пивом.

– Чего? – процедил сквозь зубы Корнилов, заметив в руках незнакомца кружки с пивом.

Он отодвинул в сторону чьи-то забытые пустые кружки, освобождая место мужчине. Тот поставил свои кружки на стол и, посмотрев по сторонам, достал из кармана пиджака початую бутылку с водкой. Это было так неожиданно для Корнилова, что он невольно улыбнулся мужчине.

– Не составите компанию, молодой человек? – обратился он к Василию. – Простите меня грешного, но я так и не научился пить один. Говорят, привычка – это вторая натура человека.

Корнилов кивнул головой и пододвинул к мужчине свою кружку с пивом. Незнакомец плеснул себе в кружку грамм пятьдесят водки, а затем остатки вылил в кружку Корнилова.

Сунув пустую бутылку в урну, мужчина посмотрел на Василия.

– Спасибо. Прицеп еще никогда и никому не мешал, – ответил Корнилов и улыбнулся своему красноречивому выражению.

– Ну, давай, сынок, за весну, за нашу победу над фашистами, – произнес мужчина. – Воевал или на брони? Впрочем, простите меня старика....

Василий не ответил. Они чокнулись кружками и, сделав несколько глотков, поставили кружки на стол.

– Клава! Красавица ты моя, – крикнул мужчина буфетчице. – Дай нам что-нибудь к пиву, воблу или еще чего-нибудь солененькое.

В «амбразуре» палатки показалось полное лицо женщины, которая приветливо улыбнулась мужчине. Через минуту она принесла тарелку, на которой лежало несколько бутербродов с черной икрой.

– Может еще чего-нибудь? – спросила Клава мужчину.

– Спасибо, красавица.

Женщина развернулась и, виляя массивными бедрами, направилась обратно в палатку. Проводив ее взглядом, мужчина повернулся к Корнилову лицом.

– Закусывай! Как вас величать, молодой человек? – спросил его мужчина, с аппетитом жуя бутерброд.

Корнилов взял в руки бутерброд и осторожно надкусил его. Бутерброд был очень вкусный и, чтобы как-то сдержать

себя от желания моментально покончить с ним, он положил его на край тарелки.

– Василий, – неуверенно ответил Корнилов.

– Значит, Василий... А меня – Дмитрий Константинович, – представился мужчина и протянул ему мягкую пухлую руку.

Взгляд Василия замер на руке Дмитрия Константиновича. На пальце мужчины, играя всеми цветами радуги, сверкал перстень с большим зеленым камнем. Поймав его взгляд, Дмитрий Константинович смутился и быстро убрал руку в карман.

– Что, нравится? – спросил он Корнилова. – Да, вещь красивая, старинная и уникальная. Этот перстень когда-то принадлежал одному известному в Казани ювелиру. Он не принял новую власть. Просто не хотел ее понимать и вот теперь его нет, а перстенок принадлежит мне. В жизни часто так бывает, Василий. С властью спорить нельзя...

Корнилов смутился под пристальным взглядом Дмитрия Константиновича.

– Ты знаешь, Василий, я раньше, по молодости служил в ЧК. Что это такое, ты, наверное, и без меня знаешь. Мы тогда чего только не изымали во время обысков. Вот через эти руки, какие только ценности не проходили, – произнес Дмитрий Константинович и вытянул перед Василием свои белые холеные руки.

Корнилов посмотрел на руки собеседника.

– А вы не боитесь меня? – спросил он Дмитрия Константиновича. Рассказывать не знакомому вам человеку об этом не совсем умно. А вдруг я побегу в НКВД и «запалю» вас? А что? Вот возьму и побегу...

– Нет, не побежишь, Василий, не побежишь. Да и кто тебе поверит, бывшему зека... Я смотрю, ты ранее судимый парень? Такой молодой и уже судимый... Нехорошо. А я вот хотел тебе помочь, а ты в НКВД...

Корнилов словно с разбега ударился в невидимую им стену. Он сглотнул внезапно наполнившую рот слюну и посмотрел на Дмитрия Константиновича, который снисходительной улыбкой посмотрел на него.

– Спасибо, но мне не нужна ваша помощь. У меня «масть» не позволяет принимать подачки от государства.

– Блатной выходит.... Что ж, каждому свое. Только глупо отталкивать от себя руку дающего.

Дмитрий Константинович поднял кружку и в упор посмотрел на Корнилова. От этого колючего взгляда серых глаз Василию стало как-то не по себе. Он почувствовал, как между его лопаток потек холодный, липкий и противный ручеек. Он сразу представил этого человека с «Маузером» в руках, расстреливающего «врагов народа».

– Ну что, вздрогнем, Василий! Жизнь, между прочим, великолепная штука, если ею пользоваться с умом. Что я могу сказать – я помогу тебе, Василий, с работой, если ты нуждаешься в ней.

Василий вздрогнул и взглянул на Дмитрия Константиновича.

«Откуда этот человек знает, что он ищет работу?» – подумал Корнилов и словно, испугавшись своей мысли, поглядел по сторонам.

Мужчина засмеялся, увидев растерянное лицо парня.

– Не пугайся! Я просто сегодня видел тебя в отделе кадров Льнокомбината. Как я понял, они отказали тебе в работе. Там, на комбинате работает мой старый товарищ по ЧК. Он многим мне обязан и поэтому моя маленькая просьба о твоём трудоустройстве не останется без его участия. Зайди завтра в отдел кадров, думаю, что там все будет хорошо.

Корнилов с недоверием посмотрел на Дмитрия Константиновича.

– Почему вы решили мне помочь, если это не секрет? Вы же меня не знаете, а вдруг я – убийца или был осужден по пятьдесят восьмой?

Мужчина громко засмеялся.

– Потому что я, Василий, христианин и обязан помогать людям по мере возможности, даже вот таким блатным, как ты.

Он дружески похлопал Василия по плечу и, развернувшись, направился к остановке трамвая.

***

Загасив папиросу в остатках пива, Василий направился

следом за Дмитрием Константиновичем. Мужчина иногда останавливался, здоровался с попадавшими навстречу ему мужчинами и женщинами, а затем спокойно продолжал свой путь. Зачем он пошел вслед за этим человеком, Корнилов не знал, просто пошел и все. Василий не верил ни одному слову этого таинственного для него человека. Жизнь в местах не столь отдаленных научила его не верить никому, а особенно тем, кто связал свою жизнь с ЧК-НКВД.

«Интересно, зачем он подошел ко мне? – размышлял Василий. – Ведь были абсолютно пустые столы, а он подошел ко мне? Почему начал угощать меня водкой, а затем бутербродами с икрой? В этой жизни ничего просто так не бывает. А эта его реплика, что он служил в ЧК. Этот перстень... Все очень странно».

Он не мог ответить ни на один вопрос, который всплывал в его голове. Отсутствие ответов пугало Корнилова.

«Приходи завтра в отдел кадров, – вспомнил он слова мужчины. – Все будет хорошо. Все как-то странно. Добрых людей в этой собачей жизни не бывает. Выходит, имеет какой-то интерес ко мне. Но, какой?»

Дмитрий Константинович остановился у калитки большого «купеческого» дома. За высоким забором громко залаял пес. Он открыл калитку и ласково потрепал громадную кавказскую овчарку. Мужчина прошел по длинной, выложенной камнем, дорожке, открыл входную дверь и исчез за ней.

«Мой дом – моя крепость», – вспомнил он услышанное

на зоне выражение.

Василий обошел дом, его размеры впечатлили Корнилова. Он остановился около калитки, чтобы лучше рассмотреть подходы к дому и дворовые постройки. Собака, обнажив свои большие желтые клыки и злобно рыча, медленно направилась в его сторону. Вид у нее был таким угрожающим, что Василий невольно попятился от забора.

– Эй, парень! Отойди от забора! Это не собака, а зверь! – услышал он у себя за спиной.

Василий вздрогнул от неожиданности и оглянулся. За его спиной стояла пожилая женщина. Ее седые волосы были аккуратно уложены на затылке, а глаза излучали какую-то доброжелательность. Женщина чем-то напоминала ему волшебницу из сказок, что рассказывала ему в детстве мать. Она поправила на голове платок и посмотрела на Василия.

– Извините, а вы случайно не знаете хозяина этой собаки? Хочу договориться в отношении щенка.

– Кто его здесь не знает, знаю, конечно. Это – дом Пирогова. Они живут здесь совсем недавно, заехали во время войны. Говорят, что они – эвакуированные.... Раньше, до войны, они жили в Ленинграде.

– Дом то очень большой, хороший.... Наверное, стоил очень дорого?

– Да, такой особняк просто не купишь. Видно деньги были у хозяина.

Корнилов сразу вспомнил перстень на руке Пирогова.

– А где он работает, не подскажете? Наверняка, большой начальник?

– Зеркальщик он. Ремонтирует зеркала.

– На деньги зеркальщика такой большой дом не купишь, – словно взвешивая что-то, произнес Корнилов.

– Вот и я, тоже так думаю, – произнесла женщина и, опираясь на палочку, направилась дальше.

«Вот бы «обнести» дом, – первое, о чем подумал Василий. – Добра, наверное – море».

До этого ему еще не приходилось воровать, и опыта в этой части преступной профессии у него не было. Корнилов сплюнул на землю и, взглянув на оскаленную пасть овчарки, направился в сторону своего дома. Теплое майское солнце ласкало его лицо, заставляя щуриться от ярких лучей. Василий любил это время года, он глубже натянул на голову кепку и улыбнулся проходящей мимо него девушке. Бросив еще раз свой взгляд на высокий забор дома Пирогова, он закурил. Засевшая в его голове мысль о краже, похоже, намертво засела в его голове.

Корнилов плохо спал в эту темную весеннюю ночь. Перед глазами Василия по-прежнему стоял дом Пирогова, его сверкающий на солнце перстень. Он встал с койки и, прошлепав босыми ногами по полу, подошел к стоявшему на столе чайнику. Сделав несколько глотков, он снова вернулся на место. Сев на край койки, он закурил.

«Интересно, сколько их проживает в доме? Наверняка,

жена, возможно, есть и дети, – размышлял он. – Одному голыми руками – не сладить. Нужно искать оружие, а для того, чтобы его приобрести, нужны деньги. Круг замыкается....».

Василий встал с койки, вышел на кухню и подошел к окну. Он не заметил, как на кухне появилась одна из соседок по коммунальной квартире.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – решил он. – Один «скачек» и ты богат, как султан».

– Ты что здесь делаешь, Вася? – спросила его Галина. – Ты, как настоящий футболист – в трусах, только мяча не хватает.

Женщина громко рассмеялась над внешним видом Корнилова. Налив из чайника кипяток, она присела напротив него.

– А тебе, что не спится, Галина?

– Мерзну, Вася. Некому погреть..., – она опять громко рассмеялась, глядя на Корнилова.

Соседка была чуть старше Василия. В 1943 году она получила похоронку на мужа, который скончался в местах лишения свободы. Галина после возвращения из мест лишения свободы Корнилова старалась, как можно чаще попадаться ему на глаза, однако, то ли она вела себя вызывающе, то ли была не во вкусе Василия, но он почему-то не обращал на нее никакого внимания. Вот и сейчас Галина, словно кошка, неслышно подошла к нему сзади и положила свои мягкие и пухлые руки на плечи Корнилову. В этот раз Василий не

сбросил ее руки со своих плеч, а лишь усмехнулся.

– Ну, что молчишь, Корнилов? Может, скажешь, тоскующей по мужскому телу женщине, пару ласковых слов? Не умеешь? Вот и мой не умел...

Василий бросил окурок папиросы в пустую консервную банку и, встав с табурета, обнял Галину. Ее мягкое теплое тело, тонкий запах духов «Красная Москва» ударили ему в голову. Рука Василия машинально скользнула по спине женщины и замерла на ее ягодицах. Найдя губами губы Галины, он замерз с ней в поцелуе. Корнилов неожиданно для себя почувствовал, как мелко задрожало тело женщины. Дыхание Галины стало редким и глубоким. Василий не был обласкан женщинами из-за косящего правого глаза и сейчас просто был растерян.

«Что дальше? А вдруг она просто смеется надо мной?», – пронеслось у него в голове.

Он замер, так как не знал, куда вести Галину – к себе в комнату, где сейчас спала его престарелая мать, или ждать приглашения со стороны женщины. Словно догадавшись, о чем задумался Корнилов, она взяла его за руку и потянула из кухни в сторону ее комнаты.

– погоди, погоди, Василий, – прерывисто дыша, произнесла она, когда он снова прижал ее к себе. – Да, отпусти, глупый... Пойдем ко мне, Вася...

Корнилов обнял ее за плечи и, погасив свет на кухне, последовал за женщиной.

***

Шел третий день как Василий вел наблюдение за домом Пирогова, а вернее, изучал расписание Дмитрия Константиновича. Как ему удалось установить, семья хозяина богатого дома состояла всего из трех человек – жены и дочери.

«Интересно, а где он прячет свои деньги», – размышлял Корнилов, наблюдая за тем, как Дмитрий Константинович, запирает на ключ входную дверь. – Наверняка, у него есть тайник и просто так он их не отдаст. Выходит, в случае отказа добровольно отдать деньги он должен его убить, а иначе он непременно расскажет сотрудникам милиции, что он обращался в отдел кадров Льнокомбината, а там все его данные».

Корнилов вышел из подъезда дома и медленно направился вслед за Пироговым. Дмитрий Константинович прошел мимо Льнокомбината и, не останавливаясь, направился к «маленькому мостику», соединявшему два берега старого русла Казанки.

«Интересно, куда он идет? – подумал Корнилов. – Как хорошо он ориентируется в городе, словно всю жизнь прожил в Казани».

Дмитрий Константинович, тяжело дыша, стал забираться по дороге, ведущей к бывшему Зилантьевскому монастырю. Остановившись около одного из домов, он стал стучать в деревянные ворота.

– Здравствуй, Антон Гаврилович! – поздоровался Пиро-

гов с мужчиной средних лет, когда тот открыл ему калитку. – Как ваше здоровье... Давно мы не виделись.

Корнилов решил не ждать, когда Дмитрий Константинович вернется домой, и, насвистывая популярную мелодию из немецкого трофейного фильма, направился обратную сторону. Теперь он знал как «обнести» дом Пирогова. Проходя мимо Льнокомбината, Василий почему-то зашел в отдел кадров.

– А, это ты, Корнилов? – произнес инспектор отдела кадров, мужчина лет пятидесяти. – Что не заходишь? Здесь за тебя хлопотали уважаемые люди, а ты...

– Вы же сами мне отказали в приеме на работу, а сейчас спрашиваете, почему не заходил.

– Все течет, все изменяется в этом мире, – произнес инспектор, поправляя выгоревшую на солнце армейскую гимнастерку. – Вот, возьми бланк анкеты, дома заполнишь. Приходи завтра, нам очень нужны рабочие руки.

Василий взял в руки бланк и, попрощавшись, вышел на улицу. Ему верилось и не верилось в это свалившееся на него чудо.

«Может, не стоит трогать Дмитрия Константиновича. У меня в руках бланк заявления. Напишешь и считай, ты уже слесарь, – размышлял Василий, направляясь, домой. – А что скажут твои друзья, Корнилов? Продался за пайку государственного хлеба? С другой стороны – один раз рискнул и ты богат на всю оставшуюся жизнь».

Он остановился и, достав из кармана папиросы «Прибой», закурил.

– Привет, Корнилов! Идешь, сияешь, как медный пятак! Ты что, не узнаешь? – спросил его Петр Симаков, бывший его поделщик, который помогал ему оформлять больничные листы.

– А, это ты, Петр, – протягивая ему руку, произнес Василий. – Просто задумался, поэтому и не заметил...

– А я уж подумал, что ты богатым стал и уже старых друзей перестал замечать, – произнес Симаков и громко засмеялся.

– С чего ты это взял – богатый... Я, по-прежнему, скиталец и сиделец... Я смотрю, ты тоже неплохо выглядишь, словно только что из магазина.

– А я вот, в отличие от тебя, Корнилов, работаю. Ты даже не поверишь – начальником караула в одной «шараге». Мне даже «Наган» доверили, – произнес Петр и громко засмеялся, демонстрируя Василию кобуру с «Наганом», которая висела у него сбоку.

Корнилов скривил свои тонкие губы. Еще там, на зоне они разошлись – Петр влился в большую группу «мужиков», а Корнилов присоединился к ворам и блатным.

– Может, обмоем встречу? – предложил Василию Симаков. – Давно не виделись... Поговорим о жизни.

– Ты знаешь, Петька, я рад нашей встрече. Давай, встретимся, посидим, вспомним прошлое. Надеюсь, что в партию

ты еще не вступил и меня уговаривать не станешь?

– Какая партия, Василий! Да брось ты эти понятия, сейчас жизнь другая без колючки и «вертухаев». Или ты все еще с блатными трешься?

– Посмотрим, какая она новая жизнь, в твоих понятиях, Петя. Я не против встречи, буду только рад.

Они пожали руки и разошлись в разные стороны.

***

9 мая 1945 года. Утром Левитан объявил о победе Советского Союза над фашистской Германией. Весь народ буквально высыпал на улицы города. Кругом гремела музыка, развевались красные знамена. Победа!

Василий Корнилов шел по улице, обходя группы людей, которые поздравляли его с победой. В кармане его пиджака лежал остро отточенный нож, который накануне он купил на колхозном рынке у безногого инвалида. Прежде чем купить его, Корнилов долго вертел его в руке.

– Вот возьми, – произнес он и передал деньги мужчине.

– С таким ножом и на медведя можно, – ответил инвалид.

– Можно, если очко железное, – ответил Василий и громко засмеялся над своей шуткой.

Сейчас он шел к дому Пирогова, ощущая приятную тяжесть металла в левом кармане старенького пиджака. Заметив наряд милиции и участкового инспектора, обслуживающего участок, на котором проживал Василий, он преду-

смотрительно перешел на другую сторону дороги. Встреча с участковым инспектором не входила в план Корнилова.

Сегодня утром Галина отнесла по указанному им адресу записку, в которой якобы Антон Гаврилович приглашал Пирогова в гости. Он представил, как удивится приятель Пирогова, встретив его на пороге дома. Он свернул в переулок и увидел дом Пирогова, от вида которого у Корнилова учащенно забилось сердце. Во рту стало предательски сухо.

«Не бойся, Василий, – попытался успокоить он себя. – Дома никого нет, тебе только остается найти тайник хозяина, и ты сказочно богат».

Около дома Пирогова Корнилов остановился и с опаской посмотрел на собаку, которая лежала около будки, высунув большой язык, тяжело дыша от жары. Заметив остановившегося у забора человека, собака угрожающе зарычала и медленно поднялась с земли. Звеня цепью и обнажив желтые крупные клыки, собака нехотя направилась в сторону Василия.

«Вот сволочь, – подумал Корнилов, наблюдая за псом. – Такая если схватит, не вырвешься».

Наконец, Василий решился. Он обошел дом и, перемахнув через забор, подошел к особняку с тыльной стороны. Ударом локтя Корнилов выбил стекло окна и, просунув внутрь руку, он открыл створку. Мимо дома с шумом и смехом прошла большая группа молодежи. Дождавшись, когда шум шагов затих, Василий проник в дом.

В доме царил полумрак, вкусно пахло пирогами. Корнилов, осторожно ступая, прошел в зал и начал шарить по ящикам комода, вытряхивая их содержимое на пол.

«Где же деньги, ценности?», – размышлял он, понимая, что бывший чекист Пирогов не станет держать ценности в ящиках комода.

Временами Василий бросал свой взгляд на ходики, висящие на стене, которые мерно отстукивали время.

«Где ценности? – спрашивал он себя, продолжая выбрасывать на пол полотенца и наволочки из шифоньера. – Не может быть, чтобы у них не было денег! Такого просто не может быть!»

Проверив шифоньер и, не обнаружив там денег, Василий присел на табурет. Пот застилал ему глаза, руки мелко дрожали, а голова раскалывалась от охватившего его отчаяния. Корнилов снова ринулся к шифоньеру и начал собирать наиболее ценные носильные вещи. Сложив их на столе, он связал углы скатерти, превратив ее в узел. Узел получился довольно массивным. Он подтащил его к раскрытому окну и вытолкнул его во двор.

Неожиданно Василий услышал, как щелкнул замок входной двери и в дом с шумом вошли хозяева. Корнилов ментально ощутил чувство страха: сердце застучало где-то на уровне горла. Он затаил дыхание и, открыв створку, спрятался за шкаф.

– Дмитрий! Что это? – услышал он возмущенный голос

супруги. – Похоже, пока мы ходили, нас обокрали.

– Похоже, – тихо произнес Пирогов. – Вот сволочи....

– Нужно вызвать милицию! – громко произнесла хозяйка. – У тебя же есть знакомые в милиции, давай, звони!

– погоди! Не трещи! Милицию мы можем вызвать в любой момент! А вот и часть собранных ими вещей. Видимо приготовили вытащить, но не успели.

Корнилов затаил дыхание. Опасность чувствовалась везде. Ей было насыщено все пространство дома. В какой-то момент Василию вдруг захотелось стать таким маленьким и прозрачным, чтобы остаться незамеченным хозяевами. Его обостренный слух услышал, как шелкнул курок взведенного пистолета. Ноги Василия стали ватными, а по спине потек ручеек пота.

Корнилов сунул руку в карман пиджака и, выставив в кармане большой указательный палец, имитируя огнестрельное оружие, он вышел из-за шкафа.

– Брось пистолет! – громко произнес Корнилов. – Брось, иначе убью не только тебя, но и всю твою семью! Я не один и если ты выстрелишь, то точно погубишь всех!

Василий не спускал своего взгляда с лица Пирогова, который растерянно топтался посреди комнаты. В руке Пирогова был пистолет.

– Отдай, деньги и мы уйдем! – предложил ему Корнилов. – Зачем они тебе, они не стоят вашей жизни.

– Хорошо, я отдам тебе деньги, – тихо ответил Пирогов. –

Пообещай, что ты не убьешь жену и дочь.

– Зачем тебе мое обещание? Ты же все равно, мне не веришь. Подумай...

Дмитрий Константинович медленно опустил пистолет и положил его на стол.

– Отойди в сторону! – скомандовал ему Василий. – Я сказал, отойди в сторону!

Жена Пирогова – Марфа, женщина средних лет, хотела что-то сказать, однако страх сковал ее всю – от ногтя ноги до волоска головы. Она только мычала и крутила головой из стороны в сторону, переводя свой взгляд с мужа на налетчика.

– Отдай мне деньги и я оставлю вас живыми! – еще раз тихо произнес Корнилов. – Ты понял меня? Я не хочу вас убивать.

– Нет у меня денег. Были, а сейчас нет, – ответил Пировов. Он, видимо, понял, что перед ним стоит не матерый налетчик, а дилетант и он сейчас не меньше напуган, чем он.

– Мы же договорились с тобой.... Снимай перстень! – приказал Пировову налетчик. – Погреб есть?

Хозяин, молча, кивнул.

– Открывай! Я сказал, открой погреб!

Дмитрий Константинович откинул в сторону дорожку и, ухватившись за металлическое кольцо, открыл погреб. Василий посмотрел на Пирогова.

– Значит, не договорились. Спускайся! – приказал он хо-

заяину и когда тот сделал несколько шагов вниз, с силой ударил его ножом в шею. Пирогов вскрикнул и исчез в темном чреве погребца. Увидев это, Марфа потеряла сознание. Корнилов схватил ее за волосы и потащил к погребу. Последовало несколько глухих ударов и безжизненное тело женщины повалилось в погреб.

Василий сел на табурет, его всего трясло от пережитых минут страха. Он поднял с пола перстень, взял в руки пистолет и сунул его в карман. Затем схватил второй узел с вещами и выбросил его в окно. Снова заскрипела входная дверь и Корнилов, словно разжатая метнулся к раскрытому окну. Лишь оказавшись на многолюдной улице, он почувствовал, что страх стал медленно отпускать его. Закурив, он забросил узлы за плечи и направился в сторону дома.

***

Оперативная группа НКВД заканчивала осмотр места преступления. Судя по трупным пятнам на теле, убийство супружеской пары произошло более трех суток назад.

– Павел! Как думаешь, сколько было налетчиков? – спросил оперативника начальник ОББ (отдел по борьбе с бандитизмом).

– Я, что – Бог, Геннадий Алексеевич? – вопросом на вопрос, ответил ему Максимов. – Судя по большому количеству разбросанных вещей, их было не больше двух человек. Думаю, что причиной убийства являлся эксцесс исполните-

ля или, как говорят в народе, хозяева застали вора на месте преступления, вот он и психанул.

– А ты, как думаешь, Исмагилов?

Тот удивленно посмотрел на начальника и пожал плечами. Забрав с собой фотоаппарат, он вышел в соседнюю комнату.

– А ты, как думаешь, Максимов, зачем преступник убил этих стариков? – снова спросил оперативника Лосев. – Он ведь мог их просто закрыть в этом погребе? А здесь – «мокруха».

– Я думаю, что преступник и потерпевшие, возможно, знали друг друга, это и послужило причиной их убийства. А так, зачем убивать? Нужно отработать всех их родственников, друзей, знакомых и это нужно сделать как можно быстрее...

Павел Михайлович Максимов, пришел в НКВД два года назад после тяжелого ранения, полученного во время боев на Курской дуге. Глядя на его внешность, трудно было предположить, что он мог выжить после таких тяжелых ранений. Высокий, стройный, с большими серыми глазами, он был душой отдела. Природа одарила Максимова не только привлекательной внешностью, но и аналитическим умом. Казалось, что он видел то, что не видели другие сотрудники отдела, и именно, эти мелочи порой выводили его на след преступников. Бывший армейский разведчик, он предпочитал отгаливаться в своей работе только от фактов, а не от эмоций.

Павел прошел в соседнюю комнату, в которой участковый уполномоченный Строкин опрашивал соседей Пироговых.

– Ну, что скажешь Сережа? – спросил его Павел Михайлович. – Есть что-то интересное?

– Трудно сказать пока, товарищ Максимов. Вот, Грушина Фекла Гавриловна, говорит, что три дня подряд здесь отирался молодой человек лет двадцати пяти. Все говорит, выглядывал кого-то.

– И что это за парень? Местный?

– Нет. У него еще один глаз вроде бы косил чуть-чуть.

– И это тебе все Фекла рассказала? – улыбаясь, спросил Строкина оперативник. – И сколько лет Фекле то?

– Около девяноста, – ответил участковый и улыбнулся.

– Вот и делай вывод, лейтенант. В эти годы люди словно дети.

Максимов развернулся и вышел из комнаты.

***

Галина стояла у окна и ждала Василия. Сваренный ею суп уже давно остыл. Корнилов появился во дворе дома не один. Его вели под руки незнакомые ей мужчины. Она отошла от окна и присела на стул. Сердце болезненно напомнило о своем существовании. Глубоко вздохнув, она взяла себя в руки.

– Ты где был? – строго спросила его Галина. – «Нажрался», сволочь!

Василий что-то произнес непонятное и, не раздеваясь, по-

валился на диван. Галина громко выругалась матом и стала стягивать с него сапоги, а затем и брюки. Из кармана брюк что-то выпало и, сверкнув в лучах электрической лампы, покатилося под стол. Она нагнулась и ахнула – это был мужской перстень с большим зеленым камнем. Она подняла его и стала рассматривать. Перстень был довольно массивным и, судя по вензелям, украшавшим ювелирное изделие, был семейной реликвией какого-то дворянского рода.

«Откуда у Васьки этот перстень? Наверняка, украл», – сделала она вывод и, посмотрев еще раз на камень, который играл на свету, сунула его в карман своего халата.

В комнату без стука вошла мать Корнилова и, глянув на распластанное тело сына, перекрестилась.

– Как он? – спросила она Галину. – Не буянил?

– Как видите, маменька, пьяный в стельку. Где в этот раз взял деньги, если честно, не знаю. Не работает, в дом ни копейки, а на водку вот находит. Вы думаете, что я его должна содержать, бугая такого? Вот проспится, пусть собирает свои манатки и уходит к вам. Зачем мне такой мужик? От него, как от козла – ни молока, ни шерсти.

– Господь с тобой, Галина! Не дай пропасть мужику. Ты же знаешь, что мне восьмой десяток пошел, недолго мне осталось топтать эту землю. Прости его, Христом-Богом прошу...

Женщины вышли на кухню. Галина поставила на примус чайник и села за стол. Рядом с ней присела и мать Васи-

лия Корнилова. Старуха достала из кармана старой цветастой юбки обручальное кольцо и сунула ей в руку.

– Это тебе от меня подарок – примирительно произнесла старушка. – Мне оно от мамы еще досталось.... Царство ей небесное.

– Что вы делаете, Варвара Борисовна! Ни к чему все это. Вы, что думаете, я с вашим Василием из-за золота буду жить? У вас денег не хватит на это...

Галина положила кольцо на стол и посмотрела на старушку.

– Возьми, возьми, Галина! Васька, если найдет – пропьет, а тебе пригодится, – произнесла она примирительным голосом.

Старушка встала из-за стола и, шаркая стоптанными старыми ботинками, направилась в свою комнатку.

Корнилов проснулся рано. Встав с кровати, он прошлепал голыми ступнями к столу и, взяв графин с водой трясущими руками, начал жадно пить. Допив воду из графина, он поставил его на стол.

– Ну, как? – спросила его Галина. – Сушняк мучает?

– Умираю, дай опохмелиться, Галка...., – скорее простонал, чем произнес Корнилов. – Не дай умереть....

– Не умрешь, сволочь, такие, как ты – алкоголики, от этого не умирают, – ответила Галина. – Где пил, там и похмеляйся.

Василий лег на кровать и закрыл голову подушкой. Его мутило, и каждую секунду он был готов вскочить с кроватки.

ти и броситься к оцинкованному тазу, который предусмотрительно поставила около дивана Галина.

– Ой, умираю, – простонал он. – Помоги! Господи, спаси и помилуй!

Его вырвало и на какой-то миг Корнилову стало чуть легче.

– И где ты вчера так набрался? – спросила его сожительница, наблюдая за его мучениями. – И скажи, Васенька, откуда у тебя перстень взялся? У кого ты его украл?!

Василия словно прострелило от этих слов. Он буквально вскочил на ноги и бросился к брюкам. Корнилов вывернул карманы – перстня в них не было.

– Отдай! – с угрозой в голосе, произнес Василий. – Не играй с огнем, Галина!

– Не пугай, милый, я пуганная! – с усмешкой ответила Галина. – Ишь ты, орел, какой! Вчера ты сам мне подарил этот перстень, а теперь пугаешь убийством! Что не помнишь? Вот и я говорю, пить меньше надо, Корнилов!

Василий сморщил лицо, стараясь вспомнить прошедший вечер. Но сколько он не вспоминал, вспомнить ничего не мог.

– Это правда? Да не мог я его тебе подарить! Отдай!

– Тогда откуда я знаю про этот перстень? Ты сам вчера подарил его мне, – повторила она. – Говоришь, продай, но аккуратно, слишком дорогая и редкая вещь.

Корнилов слушал все это, не веря своим ушам.

«Как я мог так легко проболтаться, – размышлял он, на какой-то момент, забыв о боли в голове. – Что я еще вчера наговорил? Может, рассказал о своей встрече с Симаковым? Наверное, рассказал, смотри, как она смотрит на меня».

– Чего молчишь? – строго спросила его Галина. – Давай, Вася, выкладывай все.

Он задумался, не зная с чего начать. Галина не спускала с него своих больших холодных глаз.

– Ну, я жду.... Мне что, пытать тебя надо? Я ведь все могу...

Василий посмотрел на нее. Приступ тошноты снова подкатил к его горлу.

– Ну, короче, загубил я вчера двух стариков, вещички собрал, но кто-то вошел в дом и я выскочил в окно, – начал он. – Вот, только успел с собой перстенок захватить. Мне еще на зоне товарищ рассказывал, что во время войны многие обогатились за счет других, вот я и подумал, а почему мне не тряхануть этих людишек....

Он специально не сказал ей о припрятанных в сарае вещах.

– Где вещи? Где ты их спрятал?

– Какие вещи? – переспросил он. – С чего ты взяла?

– Где вещи? – снова спросила Галина Василия. – Ты мне вчера говорил о вещах!

Вопросы Галины были теми последними гвоздями, которые окончательно сломили волю Корнилова.

– Я их в сарае у Петьки спрятал. Побоялся я их нести домой.

– Какого такого еще Петьки?

– Друг мой... Короче, подельник...

Галина слушала все это абсолютно спокойно, ни один мускул на ее лице не дрогнул. Она догадывалась и раньше, соседски наблюдая за Корниловым, что этим все закончится, и вот это произошло.

– Кто еще об этом еще знает?

– О чем?

– Ты что не понял?

– Симаков.... Да, ты не переживай, он – надежный кореш.

Галина, молча, достала из шифоньера бутылку водки и протянула ее Василию.

– Вот возьми, а то помрешь, сволочь....

***

Старший оперуполномоченный ОББ капитан милиции Максимов Павел Михайлович вышел из кабинета начальника отдела и сразу же направился во двор. Настроение после разговора с Лосевым было окончательно испорченно.

– Ильин! Папироской не угостишь? – обратился Павел к сослуживцу.

– Так вы же не курите, Павел Михайлович.

– С нашим начальством не то, что закуришь, запьешь, – ответил Максимов, прикуривая папиросу.

Полчаса назад его вызвал к себе начальник отдела.

– Что у нас нового по двойному убийству? – спросил он у Максимова. – Там наверху требуют конкретных результатов. Город гудит, а это нехорошо, Павел, это не прибавляет нам авторитета. Ты знаешь, всем нужны результаты, а не разговоры о них.

– Причем здесь авторитет, Геннадий Алексеевич. Зацепок пока никаких нет. Опросы соседей, друзей, родственников ничего не дали. Пироговы вели замкнутый образ жизни, ни с кем не общались, – произнес Максимов и посмотрел в открытое окно, за которым во всю победным маршем шествовала весна.

Яркая зелень молодой листвы яркими пятнами облепила заборы и фасады дома. Где-то натружено гудел мотор полуторки, словно напоминая Павлу, что не только ему одному трудно в этот весенний день.

– Ты, что там рассматриваешь, Максимов? Ты хоть слышал, о чем я тебя спрашиваю?

Павел повернулся к нему лицом.

– Да, конечно, слышал, товарищ майор. Я же вам ответил на ваш вопрос. Прошло всего дня два с момента обнаружения трупов. Я же вам уже докладывал, что с места преступления изъять следы пальцев рук не удалось. Кстати, накануне вечером убитый Пирогов отмечал свой день рождения, и у него в гостях было около десятка гостей. Сейчас работаем с ними, допрашиваем, откатываем пальцы на всякий случай.

Лицо Лосева стало краснеть прямо на глазах у Павла. Это был не слишком хороший признак для Максимова – следовало ждать разноса.

– Я не первый день в милиции, Павел Михайлович, и хорошо знаю специфику работы по раскрытию убийств. Это можно рассказывать штатским, но не мне! – повысив голос до фальцета, взвизгнул Лосев. – Мне глубоко плевать, кем ты был ранее, сейчас ты мой подчиненный и должен выполнять мои указания. Это тебе ясно? Если не хочешь, пиши рапорт...

Лицо Максимова, было совершенно спокойным, он хорошо знал своего начальника, и сейчас для него было очень важно просто пережить минуты его «суворовского натиска». Лосев «пошел в разнос»: он кричал, топал ногами, зачем-то хватал со стола бумаги и тряс перед носом Максимова.

Сегодня утром Павел встречался со «своим человеком», который клялся, что блатные не имеют никого отношения к этому налету.

– Павел Михайлович! – жестикулируя руками, горячился Хрящ. – Это – не наше дело. Мы считаем, что это совершили какие-то залетные.

– Почему вы так решили? – спросил его Павел.

– А потому что налет то был не профессионально организован. Похоже, это просто был «рывок» в надежде на деньги. Они даже не взяли то, что собрали, похоже, испугались.

– Я бы так не сказал, Хрящ. А если они взяли деньги, то-

гда зачем им это барахло? И второе, откуда у тебя такие сведения?

Хрящ, словно не услышал вопроса Максимова.

– Вот сам подумай, – продолжил оперативник, – если они взяли деньги, то зачем им «мочить» стариков? Здесь что-то не так, Хрящ. Это дело рук наших, городских бандитов.

– Тогда не знаю, Павел Михайлович. Я, конечно, еще «понюхаю»....

– Давай, Хрящ, «нюхай».

Максимов, конечно, рассказал об этой встрече Лосеву, когда тот немного успокоился, но тот замахал на него руками.

– Да мне плевать, Павел, кто это совершил – наши местные или «залетные». Мне важен результат. Ты это понял? Если понял, иди, работай....

Павел не ответил – начальник, как обычно был прав, нужен результат. Он загасил папиросу и направился к себе в кабинет.

***

Петр Симаков поставил недопитую кружку с пивом на стол и растегнул нижнюю пуговицу военного кителя. Этот китель он купил по случаю и сейчас очень гордился тем, когда его принимали за фронтовика.

– Вот смотри, – произнес он и протянул Корнилову сверток.

Василий осторожно развернул ткань и увидел немецкий

«Парабеллум». Черная матовая поверхность, рифленая рукоятка вызвали неопишуемый восторг.

– Где взял? – поинтересовался у него Корнилов.

– Места нужно знать, – ответил Симаков и громко засмеялся. – Теперь можно идти на любое дело.

– Нужен еще один ствол, – произнес Василий. – Одного мало. У меня есть пистолет, но он не стреляет, похоже, сломан боек.

– Лиха беда, Вася, найдем еще. Ты посмотри, сколько ходит «мусоров» с оружием. Это же ходячие склады.

Василий отхлебнул из кружки пиво и усмехнулся.

– Пока не будет еще одного ствола, не будет и дела. Я – не мясник и с топором не пойду. С твоим «Наганом» тоже нельзя, он, наверняка, на учете в НКВД, стоит только из него выстрелить и крышка тебе, Петушок.

– Ты прав. Мало нас, Корнилов. Некому даже на «стреме» постоять...

– Подожди, Петя, будут и люди... Главное начать.

– Слушай, Вася, а давай, привлечем к нашему делу Лешку Бабаева? Шустрый мальчишка, дерзкий, а самое главное – не болтун, язык держать за зубами умеет.

– Да, он совсем пацан, Петр. Ты еще пионеров мне предложи.

– Ну и что? Я хорошо его знаю, думаю, что не подведет.

– Тогда поговори с ним сам, только без всяких там выкрутасов. Ты сам догадываешься, к чему все это может приве-

сти.

– Ты меня не учи, Корнилов, я не первый раз замужем. Тогда до завтра....

Они разошлись в разные стороны, Василий направился домой, а Симаков на работу. Вечером Петр встретился с Алексеем Бабаевым. Он хорошо знал, что тот, несмотря на свои шестнадцать лет, уже привлекался к уголовной ответственности за кражу, но по-прежнему продолжал понемногу воровать.

– Как дела Леша? – поинтересовался у него Симаков. – Все «щиплешь» старушек?

– Кормлюсь потихоньку, – ответил Бабаев, доставая из кармана брюк папиросы. – Кури, Петя, пока угощают...

Лешка был небольшого роста, светлые длинные волосы делали его лицо по-детски наивным и смешным. У него были пухлые губы, небольшой курносый нос и множество веснушек, которые буквально разбежались по его круглому лицу. Паренек носил черные матросские клеши, тельняшку и белый шарф, который смешно смотрелся на его тонкой детской шее.

– Хочешь заняться серьезным делом? – поинтересовался у него Симаков. – Чего молчишь?

Бабаев, прежде, чем ответить, глубоко затянулся табачным дымом и с интересом посмотрел на своего собеседника. Он знал, что Петр был судимым, но считал его статью смешной и не достойной настоящего воровского шика.

– Что, решил опять заняться подделкой больничных листов, дядя Петя? – ответил Бабаев и громко засмеялся. – Да не смешите вы меня! И что ты называешь серьезным делом, Петр?

– Не пыли, малыш. Как ты смотришь на настоящие налеты – на хаты? «Хапнул» и в болото! Одно дело – настоящая романтика.

С лица Лешки сошла напущенная им бравада.

– Какие налеты? Так если же сгорим – там стенка... Ты же знаешь, Петр, я – не трус, но то, что ты предлагаешь, дело серьезное.

Симаков бросил папиросу и носком сапога растер ее о землю.

– Малыш, ты считаешь, что это несерьезное дело? А вот «тырить» по карманам копейки, это серьезно? Не смей меня.

Лешка поправил на шее шарф и по-другому посмотрел на Симакова.

– Так я не понял тебя – это серьезное предложение или твоя очередная шутка? Со мной так шутить не нужно, я не люблю этого.

– Серьезней не бывает, Малыш. Но для этого тебе нужно достать ствол. Где ты его достанешь – дело твое. Без ствола не будет и разговора.

– Я найду, у меня есть у кого купить.

– Вот и хорошо, Малыш.

Бабаев пожал руку Петру.

– Думаю, ты не пожалеешь, что остановил свой выбор на мне, – произнес Бабаев. – Это я серьезно говорю...

Алексей развернулся и, насвистывая какой-то мотивчик, направился со двора на улицу.

***

Василий Корнилов проснулся от звуков гимна, которые звучали из черной, обтянутой бумагой «тарелки», висящей на стене. Он поднялся с кровати и, достав папиросу, закурил. Почувствовав на себе взгляд Галины, он повернулся к ней лицом.

– Когда пойдете? – спросила Галина сожителя.

– Завтра, – коротко ответил Василий ей. – Чего так смотришь?

– Я на сто процентов уверена, что там есть, что взять. Насколько я знаю, ее сын много добра привез из Германии... он у них – полковник.

– Посмотрим, – коротко ответил Корнилов. – Не беги впереди паровоза.

– Я врать не буду, – произнесла Галина и, поднявшись с кровати, прижалась к спине Корнилова. – Все будет хорошо, Василий... Не переживай, это по первому разу страшно, а затем ....

Она не договорила, так как и без этого все было ясно. Корнилов загасил папиросу и снова лег. Рядом с ним прилегла

и Галина. Близость женского тела, запах волос вскружил голову Василию. Он моментально почувствовал, как куда-то уходит, мучавшая его последние дни тревога, которая засела в нем, как Галина рассказала ему о семье Мифтаховых, проживающей на Малой Грифке.

Ладонь Корнилова, легла сначала на грудь Галины, а затем медленно спустилась на теплый мягкий живот. Галина еле слышно застонала и стала быстро стягивать с себя ночную рубашку.

– Погоди, Вася, погоди, – прошептала она. – Сейчас, я сейчас...

Легкая дрожь охватила женское тело. Губы Василия поймали ее сосок, который стал жестким, словно в него налили свинец. Наконец ей удалось поймать своими губами его губы, и они слились в одном неистовом поцелуе. Глаза женщины закатились, дыхание стало глубоким и редким. В какой-то миг время растянулось до бесконечности. С губ Галины сорвался стон болезненного счастья.

– Вася, Вася, – не слыша своего голоса, шептали ее губы, целуя мужское лицо. – Я люблю тебя. Ты слышишь, я люблю тебя, Вася. Я тебя никогда не предаю.

Услышав последнюю фразу, Корнилов улыбнулся. Раньше ему еще никто не признавался в любви, и поэтому какое-то непонятное ему чувство моментально наполнило его изнутри. А Галина все шептала и стонала от охватившего ее удовольствия. Громко вскрикнув, она замерла и крепко сжала

Василия в своих объятиях, не давая ему возможности шелохнуться.

– Все, все, – прошептал Корнилов. – Отпусти, а то задушишь.

Наконец она отпустила его и блаженно откинулась на белой простыне. Василий достал папиросу и закурил.

– Вот скопим деньжат, Галка, и махнем с тобой жить на море, – произнес он, мечтательно глядя в потолок. – Ты когда-нибудь была на море? Вот и я не был. Мой кореш по зоне часто рассказывал мне о море. Бывало лежу на нарах, слушаю его, а перед глазами – море, которому нет начала и нет конца... А какие там бывают закаты и восходы... Одно слово – сказка.

Корнилов мечтательно затянулся дымом и закрыл глаза.

– Вась, а как ты считаешь, у инкассаторов много денег бывает?

Корнилов, повернулся к ней лицом и засмеялся. Он посмотрел на ее обнаженное тело. Перевел свой взгляд на играющие в лучах солнца женские волосы и снисходительно улыбнулся.

– Глупая ты баба, Галина. Таскают они эти деньги мешками, а вот у самих есть или нет – сказать трудно. Вот когда схватим за задницу, тогда и посмотрим.

Василий посмотрел на ходики, они показывали начало восьмого утра. Он поднялся с кровати и стал натягивать брюки.

– Это ты, куда в такую рань? – спросила его Галина.

– Как куда? На дело! Надо еще посмотреть, что там.

Корнилов старался вести себя спокойно и непринужденно, но это была лишь маска. У него внезапно возникло чувство страха и словно гвоздь застряло где-то внутри. Чтобы как-то побороть это чувство, Василий взял в руки «Парабеллум» и передернул затвор.

– Вась, а ты стрелять хоть умеешь? – спросила его Галина. – Ты хоть потренировался бы.

– Могу. Я до войны занимался стрельбой. Думаю, что если придется, то не промахнусь.

Он сунул пистолет за поясной ремень и, надев на голову кепку, направился к двери.

***

Корнилов, хорошо ориентировался в этом микрорайоне Казани и поэтому достаточно быстро подошел к условному месту встречи. Там его уже ждали Симаков и Бабаев. Взглянув на землю, Василий сразу понял, что ждут они его уже давно, на земле валялось с десятков окурков папирос.

– Что скажешь? – обратился он к Бабаеву. – Подкоп сделал?

– Я все сделал, как ты просил, Василий. Подкоп готов.

– Тогда веди, – коротко бросил он Алексею, – чего здесь толкаться.

Высокие деревянные заборы домов позволили им скрыт-

но подойти к нужному месту – подкопу.

– Вот здесь, – произнес Бабаев и откинул в сторону набросанные в кучу ветки.

– Давай, лезь первым, – приказ Корнилов ему. – Смотри не застрянь.

Алексей скрылся в лазе. Подождав еще минут, по приказу Василия в лаз полез и Симаков. Во дворе громко залаяла собака, Корнилов отбросил окурки папиросы в сторону и, несмотря на внезапно охвативший его страх, тоже спустился в лаз. Подкоп был довольно узким и Василий дважды чуть не застрял в проходе. Проклиная все на свете, он, наконец, выбрался наружу и глубоко вздохнул. Они все оказались за высоким забором дома.

– Вот что, не мелочиться! – приказал Корнилов своим приятелям. – Берем только ценные вещи, деньги и золото.

– А если проснутся хозяева, что будем делать? – спросил его Алексей.

Корнилов улыбнулся. Он мысленно представил полные ужаса глаза хозяев дома. Василий провел рукой по горлу. Это жест понял каждый из них.

– Понял, – тихо произнес Бабаев. – Не знаю как вы, а я готов.

Они, стараясь не шуметь, осторожно сняли штапики со стекол кухонного окна и, выставив стекла, быстро забрались в кухню. Помещение было небольшим и было все заставлено коробками с немецкими сервизами и хрусталем.

– Вот буржуи, – прошипел Корнилов, – «нахапали победители».

В углу на столе стояла керосинка, на которой, словно на картинке, красовался дорогой и редкий по тем временам, эмалированный чайник. Алексей осторожно открыл створку шкафа и стал шарить рукой в шкафу, вытаскивая из него кухонную утварь. Увлечшись этим занятием, он случайно задел рукой, стоявший на столе заварочный чайник, который с грохотом рухнул на пол. Это было так неожиданно, что налетчики буквально застыли на месте. Василий поднял руку с намерением ударить Бабаева по лицу, но в это время на кухню вошла старушка, дремавшая чутким стариковским сном и просыпавшаяся от каждого шороха в доме.

– Кто здесь? Кого черт носит? – произнесла она, шаря рукой по стене в поисках выключателя.

Бабаев, не раздумывая, с силой ударил старушку «фомкой» по голове. Удар был таким сильным, что находящиеся на кухне налетчики отчетливо слышали хруст треснувшего черепа. Несколько крупных капель крови и мозгов угодили Корнилову в лицо. Старушка вскрикнула и, схватившись за разбитую голову руками, с шумом повалилась на пол.

– Ты что творишь? – прошипел Василий, схватив Алексея за руку. – Замочу!

– Ты сам говорил, если что – мочить! – ответил Алексей, вырывая свою руку из руки Корнилова.

Услышав шум падения тела, в кухню сбежалась вся се-

мья. Корнилов схватил за грудки хозяина дома и ударил его несколько раз финкой в живот. Еще находясь в местах лишения свободы, Корнилов хорошо усвоил правило, согласно которому, нужно сразу подавить желание противника оказать активное сопротивление. Единственным человеком в доме, кто мог реально оказать им сопротивление, был именно его хозяин.

– Где деньги! Говори, сука, а то убью всех! – закричал он в лицо хозяина дома. – Говори!

Мужчина хотел что-то сказать, но из его горла вырвался какой-то непонятный для Василия хрип. Корнилов повернулся лицом к женщине и схватил ее за волосы.

– Деньги! Где деньги, сука!

Женщина замотала головой. От охватившего ее страха она потеряла дар речи. Василий ударил ее ножом в горло.

– Чего смотрите! Деньги ищите! – закричал Василий остальным взрослым членам семьи.

Они бросились по комнатам в поисках тайников с деньгами. В одной из комнат спали дети. Когда в комнату вошел Бабаев, дети, проснувшиеся от шума, забились в угол и укрылись с головой одеялом.

– Корнилов! Здесь дети, что с ними делать? – спросил его Алексей.

– Мочи! – крикнул ему Василий, роясь в шифоньере.

Бабаев достал из-за голенища сапога нож и направился к детям. Вскоре, набив узлы вещами, они покинули ограблен-

ный ими дом.

***

Ранним утром прошел сильный дождь с громом и молниями, от которого воздух в городе стал заметно свежее и прозрачнее. На улицах плыл терпкий запах цветущей сирени и черемухи. Капитан Максимов вышел из отдела НКВД и, взглянув на яркое летнее солнце, неожиданно для себя вспомнил, что сегодня воскресный день. Еще в среду он пообещал сыну, что они проведут этот день на островах «Маркиз», где будут рыбачить.

«Что я опять скажу мальчишке, что я занят на работе? Если так пойдет и дальше, то он вообще перестанет верить мне», – подумал Павел.

– Дяденька! Папироской не угостишь? – обратился к нему мальчишка лет тринадцати.

На мальчишке была старенькая застиранная рубашка, короткие штаны и стоптанные ботинки. Максимов перевел свой взгляд на его грязные руки, которые тот пытался спрятать в карманах своих коротких брюк.

– А не рано тебе курить, пацан? – спросил его Павел и потрепал мальчика по длинным нестриженным волосам. – Нет у меня папирос, пацан, я их еще ночью выкурил. Скажи, у тебя отец есть?

Мальчишка отрицательно покачал головой.

– Нет! Мой папка погиб при взятии Варшавы. Он у меня

был танкистом. . . . Мамка говорит, так и горел в своем танке.

«Вот так и мой мог бегать по улице, прося папиросу», – почему-то подумал он, продолжая наблюдать за мальчишкой, который, заметив прохожего, бросился к нему в надежде «стрельнуть» у того папиросу.

По улице, сверкая медью труб, прошел военный оркестр. Звуки музыки заставили Максимова остановиться и проводить его взглядом. До войны он тоже играл в духовом оркестре на альте и сейчас звук меди почему-то снова напомнил ему об умершей жене, с которой он познакомился на танцевальной площадке. Оркестр скрылся за поворотом улицы, автоматически вернув Максимова из прошлого в настоящее.

Зверское убийство семьи инкассатора напугало весь город. По Казани поползли слухи о неуловимой банде, с которой не может совладать милиция. Павел, как и все сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом, «круглили» вторые сутки. Они «шерстили» притоны, воровские «малины», скупщиков краденного, но выйти на след банды не удавалось.

«Кто эти налетчики? Новички или профессионалы? Кем бы, они не были, хранить награбленное добро у себя дома – опасно. Следовательно, они должны сбывать это добро скупщикам, однако, проверки у них ничего не дали. Значит, сбыт идет не в Казани, а в каком-то другом городе?» – размышлял Максимов, шагая по улице.

Мимо него с шумом промчалась ватага мальчишек. Павел свернул к пивной и сразу же увидел Хряща, который стоял

за отдельным столиком и медленно цедил из кружки пиво. Максимов прошел мимо него и, купив пару кружек пенного напитка, стал искать место, где можно встать.

– К вам можно? – спросил он у Хряща. – Я вижу, что стол у вас не занят?

– Падай, мужик! – произнес тот, сверкнув на солнце золотой фиксой. – Столик большой, как наша страна, всем места хватит.

Максимов поставил на столик свои кружки и посмотрел на «Хряща».

– Закурить не будет? – обратился он к Хрящу. – Извини, поиздержался.

– Кури свои, меньше будешь кашлять, – ответил тот и громко засмеялся. – Шутка!

Хрящ похлопал себя по карманам брюк и, достав пачку папирос «Беломорканал» положил ее на стол пере Максимовым.

– Кури, братишка.

Павел взял папиросу и закурил. Он посмотрел по сторонам. Люди стояли за столами и о чем-то беседовали. Никто на них не обращал внимания.

– Что скажешь? – спросил он Хряща. – Есть что-то новое?

– Я перетер эту тему с нашими авторитетами, все в отказе. Я же вам говорил, начальник, что наши люди здесь не при делах. Такое, что творят эти «друзья», могут совершать лишь серьезные люди, а таких у нас в Казани, просто нет.

– Погоди, Хрящ, меня интересует, что они говорят? – задал Павел очередной вопрос. – Ты же сам понимаешь, что все это сделали люди, а не призраки? Может, ты просто мелко плаваешь, Хрящ, и не знаешь то, что знают другие?

Хрящ сплюнул себе под ноги и зло сверкнул глазами. Ему было обидно за то, что Максимов усомнился в его авторитете.

– Зуб даю, начальник, что это сделали не наши урки! – стукнул себя в грудь Хрящ. – Наши украсть могут, «подрезать» могут, а вот так, всю семью и деток, нет у нас таких. Нам самим интересно посмотреть на этих гадов.

– Так ищите, а иначе мы вас начнем закрывать всех до одного. Вот тогда вы все «запоеете».

– За что, начальник? Это – беспредел, а его творить не нужно. Мы же до этого как-то жили – мы воровали, вы ловили и сажали. Все было по закону и не было никаких претензий со стороны блатного мира.

Максимов посмотрел на него и усмехнулся.

– Мира между нами никогда не было и никогда не будет! Ты это понял, Хрящ! Я вас всегда давил и давить буду. Ну, что ты, так смотришь на меня? Ты знаешь, в чем у нас разница с тобой? Вижу – не знаешь! Мы вас «мочили» и будем «мочить». Ты понял Хрящ. Нюхай и нюхай. Если это дело дойдет до Москвы, сам понимаешь, что будет с вами. Вас всех упакуют в «столыпинские вагоны» и поедете вы далеко на север, к мишкам.

Павел снова достал из пачки папиросу и закурил. Он посмотрел по сторонам и убедившись, что они не вызывают никакого интереса у окружающего их народа, продолжил:

– Нет, Хрящ, как не крути, а это – местные преступники, – произнес убежденно Максимов. – Кто они, пока я не знаю, но, то, что они – местные, это точно.

– Если это так начальник, то шила в мешке не утаишь. Как сказал один умный мужик – все тайное становится не тайным.

Максимов рассмеялся.

– Философ, ты хреновый.... Нюхай, Хрящ, а иначе подсядешь вместе с братвой.... Ты же сидеть не хочешь?

– А кто хочет? Там не курорт...

– Вот и я об этом.

Оперативник развернулся и, поставив пустую кружку на стол, направился по улице дальше.

***

Галина Морозова шла по улице Ленина города Зеленодольска, всматриваясь в указатели номера домов. В доме номер восемнадцать жила ее бывшая свекровь – Нина Ивановна Галицина. Они не виделись чуть больше двух лет, с момента смерти мужа Галины. Морозова несла в руке большой узел. Судя по тому, что она часто останавливалась и перекладывала его из руки в руку, можно было судить о том, что он был достаточно тяжелым. Она остановилась около знако-

мого ей дома и громко постучала в калитку.

– Иду! – услышала она знакомый голос свекрови. – Сейчас! Минутку!

Из дома вышла женщина лет пятидесяти и направилась в сторону калитки. У хозяйки дома были темные волосы с яркими искрами седеющих волос. Сама Нина Ивановна была небольшого роста, излишняя полнота делала ее фигуру немного комичной, но она не комплектовала от этого. Вытерев руки о цветастый фартук, она открыла калитку.

– Здравствуйте, Нина Ивановна, – поздоровалась с ней Галина. – В дом то пустите, али как?

Нина Ивановна посмотрела на свою бывшую сноху оценивающим взглядом и произнесла тихим бархатным голосом:

– Проходи, коли приехала, Галина. Ты, давай, проходи в комнату, а я пойду, чайник поставлю. Давно мы с тобой не виделись, наверное, с самой смерти сыночка.

Галина прошла в комнату и, сев на стул, сняла с головы косынку. Густые волосы рассыпались по ее плечам. Она достала из кармана маленькое круглое зеркало и, взглянув в него, поправила свои волосы.

– Вот за эти волосы, видимо, и полюбил тебя мой сынок, – произнесла Нина Ивановна, ставя на стол чайник. – Зачем ты пожаловала? Я думала, что ты навсегда забыла сюда дорогу, а выходит, что нет.

Галина улыбнулась, сверкнув белозубой улыбкой. Она, похоже, готовилась к этому вопросу и поэтому он ее ничуть

не смутил:

– Я привезла вещи, Нина Ивановна. Вы же знаете, как сейчас трудно жить, вот люди и продают практически новые вещи. Сама я шить и перешивать не умею, а вы у нас мастерица. Неплохо было бы кое-что ушить, а кое-что продать. И вам приработок, и я не в накладе.

Нина Ивановна развязала узел и вытащила из него первую, попавшуюся ей вещь.

– Вещи говоришь? – переспросила ее Галицина. – Это хорошо, Галина. Я смотрю и вещи у тебя ходовые. Вот только скажи мне, Галина, откуда у тебя эти вещи? Ты работаешь, оклад у тебя небольшой, а вещи добротные, дорогие.

Сноха пристально посмотрела на бывшую свекровь. Вопрос, конечно, был провокационным, но Морозова сдержала себя.

– Раньше, Нина Ивановна при живом сыне, вы мне подобных вопросов не задавали, когда я приносила вам вещи, добытые вашим сыном. А теперь вдруг какие-то непонятные вопросы задаете. Я ведь вам их не навяливаю, хотите – берите, а хотите – нет.

Нина Ивановна усмехнулась. Приезд снохи ее, конечно, не радовал, но отказаться от денег, которые буквально шли к ней в руки, она не хотела.

– Раньше, Галя, я знала откуда и чьи это вещи, а сейчас не знаю.

– А вам это и не надо знать, Нина Ивановна. Меньше зна-

ешь, крепче спишь.

Свекровь промолчала, словно не услышав реплику снохи. Отхлебнув из блюдечка горячий чай, Галина, снова задала все тот же вопрос:

– Берешь или нет? Чего молчишь?

Нина Ивановна поднялась из-за стола, снова подошла к узлу и стала перебирать вещи, раскладывая их по кучкам. Галина сидела на стуле, наблюдая за ее руками.

– Все чистое, а кое-что совсем новое, – произнесла Нина Ивановна. – И сколько ты за все это хочешь?

Галина сверкнула глазами и, взглянув на свекровь, произнесла:

– Ты не жадничай, Нина Ивановна, в гробу карманов нет. Насколько я знаю, кроме сына родственников у тебя больше нет. Чего молчишь? Мне твой сынок все о тебе рассказал. Говорил, как ты краденые вещи у Володиных скупала. Ты думаешь, я просто так к тебе с вещами пожаловала? Представь себе – нет. Так ты берешь или нет?

Галицина еще раз перетряхнула вещи и отложила узел в сторону.

– Хорошо, беру. Расчет по мере продажи...

– Вот это другое дело. Бери, в накладе не будешь...

Галина поднялась из-за стола и, усмехнувшись, вышла из дома. Дорога до станции не заняла много времени. Поезд подошел по расписанию. Сев около окна, она взглядом проводила уплывающее назад здание станции. Паровоз свистнул и

начал набирать скорость.

***

– Здравствуй, – поздоровалась Галина Морозова с соседкой по коммунальной квартире, которая стояла около керогаза и мешала ложкой в кастрюле суп, вкусный запах которого витал в воздухе.

Женщина посмотрела на Галину и молча, кивнула ей головой. На кухню с шумом и криками ворвалась стайка детей, размахивая деревянными пистолетами и саблями.

– А ну, прекратите! – закричала на них женщина. – Вам, что улицы мало!

– Тетя Поля, это же – дети, – произнесла Галина. – Зачем на них кричать! Вы же тоже были когда-то ребенком.

– Вот заведешь своих детей, тогда поступай, как хочешь. А меня учить не надо.

Галина прошла мимо нее и толкнула дверь комнаты.

– Что за шум, а драки нет? – спросил ее Корнилов, наливая в стаканы водку. За небольшим столом, помимо него, сидел Симаков. Галина стянула с головы косынку и, молча, прошла к шифоньеру.

– Ты что, глухая? – спросил ее Василий. – Что там за шумер?

Он поднял стакан и, взглянув на Петра, опрокинул его содержимое в рот.

– Как съездила? – снова спросил он Галину.

– Хорошо, – коротко ответила она. – А у вас, что здесь за праздник? Ты, что здесь свиарник устроил? Кто за вас здесь убираться будет?

– Не ори, не дома и дома, тоже не ори, – ответил Василий и, взглянув на Петра, громко засмеялся.

Корнилов хотел еще что-то сказать, но увидев суровый взгляд сожительницы, замолчал. Он хорошо знал, чем это все может закончиться для него – Галина в порыве злости могла и ударить его, а рука у нее была довольно тяжелой.

– Чего расселись? Вам что, пивных не хватает!?

– Не кричи, Галчонок! Сейчас допьем и уйдем, – ответил Василий, разливая остатки водки из бутылки по стаканам.

– Выходит, взяла твоя, Нина Ивановна, вещи, если ты вернулась обратно без них, – примирительно произнес Корнилов, – это уже хорошо. Толкать вещи в Казани – опасно.

– Ты о чем это говоришь, Корнилов? Кого ты учишь? – с угрозой в голосе, произнесла Галина. – Придержи язык, здесь даже стены слышат! Что, жизнь ничему не научила? Вот подсядешь за свой язык, да поздно уже будет.

– Типун тебе на язык, Галина, – произнес Симаков. – Там институтов не будет. Поставят носом к стене и все.

Мужчины быстро допили водку и, поднявшись из-за стола, пошатываясь, направились к двери. Галина, молча, стала убирать со стола разбросанную закуску, то и дело, бросая на них свой недобрый взгляд. Когда они вышли на улицу, Симаков взглянул на молчаливого товарища и спросил его:

– Твоя Галка всегда такая злая?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь, Петр? – спросил его Корнилов.

– Да, так. Я бы такую бабу давно задушил бы.

Василий улыбнулся.

– Вот когда у тебя появится такая баба, как Галка, вот тогда я и посмотрю, как ты запоешь, а вернее, закукарекаешь Петруха.

Симаков промолчал на замечание Корнилова и как бы, между прочим, произнес:

– Вчера к нам на предприятие приезжали «мусора», проверяли оружие.... Каждый ствол отстреляли еще раз. Похоже, начинают просеивать местную шпану.

– И что? Ты что, Петр, решил в тину зарыться? Не получится, друг, я один за вас рамсы тянуть не собираюсь.

– Ты, что, Корнил? Я не к этому. Я разговорился с одним из «мусоров», спрашиваю это, по какому случаю проверка, а он в ответ....

Симаков оборвал свой монолог, так как из-за угла дома показался Алексей Бабаев, который заметив их, направился к ним.

– Привет! – коротко произнес Алексей и протянул им руку.

Корнилов смерил его взглядом, а затем схватил его за грудки. Пуговицы на рубашке Бабаева, словно пули, полетели в дорожную пыль.

– Ты что, сука, запалить нас всех хочешь!? Ты, что со стволом по улицам шатаешься? Романтики захотел? Вот повяжет тебя «мусарня», нахлебаешься этой романтики по самые уши.

– Да ты чего, Василий? С чего ты взял?

Бабаев испугано попятился назад.

– А вот с чего, – произнес Василий и вытащил ствол из-под рубашки Алексея. – Ты это детство брось, а то .....

Он не договорил, так как и без слов всем стало ясно, что будет.

– Галина, хату хорошую «надыбала», денег, как грязи.... – неожиданно произнес Корнилов, забыв об Алексее.

– Что за хата? – одновременно произнесли подельники.

– Есть хата. Придет время – скажу. А пока, молчок!

Они пожали друг другу руки и разошлись.

***

Павел Максимов переступил порог дома, когда на улице было уже темно. Он, молча, повесил на гвоздь свою кепку и, зачерпнув из ведра ковшом воду, жадно начал пить. Из комнаты вышел его семилетний сын и посмотрел на отца своими большими, наполненными слез, глазами.

– А я тебя, папа, весь день ждал. Все думал, что сейчас ты придешь, и мы с тобой пойдем гулять..., а ты, меня обманул, – тихо произнес он и, развернувшись, скрылся в комнате.

– Сашка! Ну, подойди ко мне! – окликнул его Павел. – Ну, прости меня, работы было много. Ну, ты же совсем большой у меня мальчик и должен все это хорошо понимать. Ну, не смог я сводить тебя в этот зоопарк сегодня, в следующий раз сходим. Я тебе обещаю.

– Ты же обещал, а я поверил тебе...., – услышал он голос сына из комнаты.

Максимов прошел на кухню и налил себе в тарелку остывший суп. Отрезав ломоть хлеба, он начал с жадностью поедать суп. За этим «пиршеством» он не заметил, как в дом вошла Глафира Матвеевна, соседка по дому. Ей было за восемь десятков лет, но выглядела она еще бодро.

– Явился? – с укором в голосе произнесла она, обращаясь к Павлу. – Сын весь извелся, все ждал тебя, а тебя все нет и нет.

– Работы много, Глафира Матвеевна. Бандиты распоясались, вот уже две семьи вырезали, гады. Никого не щадят, ни стариков, ни детей.

Женщина тяжело вздохнула и, опустив руки, села за стол.

– Слышала, я Павел. Все утихомириться не хотят, антихристы, не напились еще человеческой кровью, – произнесла она и снова тяжело вздохнула. – Жалко мне твоего Сашку, сидит дома, все боится, куда-нибудь выйти, а вдруг ты возьми и приедешь, а его дома не будет.

– Я все понимаю, Глафира Матвеевна. Мне тоже его жаль. Жизнь сейчас такая – всем трудно. Сами знаете, если бы мать

не умерла....

Павел отодвинул от себя пустую тарелку и налил в металлическую кружку кипятка.

– Зачем пришла, Глафира Матвеевна? – спросил ее Максимов. – Думаю, не для того, чтобы меня пожурить?

Женщина присела поближе на край сундука и посмотрела на Павла.

– Я, что к тебе-то зашла, Павел. Я завтра со своим внуком еду в Морквашу. Давай, я и твоего возьму с собой. Там молоко, свежие яйца.... Пусть порезвится, отдохнет от ожидания.

Максимов задумался. Предложение Глафиры Матвеевны было столь заманчивым, что он моментально дал согласие.

– Не знаю, захочет ли он ехать. Сашка! Подойди ко мне, – крикнул он сыну.

Мальчик вышел из комнаты и, опустив голову, подошел к отцу.

– Сынок! Вот мы с Глафирой Матвеевой, посоветовались и решили отправить тебя вместе с ее Егоркой в деревню. Поживете немного там, пока я с делами здесь управлюсь.

– Я не хочу никуда ехать, – твердо ответил мальчик. – Мне и здесь хорошо с тобой.

– Саша! Это же ненадолго. Ты все понимаешь сынок, у меня сейчас много работы. Поэтому поверь своему отцу – так надо, сынок. Отдохнешь, побегаешь по лесу, покатаешься верхом на лошади....

Мальчик молчал. Он все еще надеялся на то, что отец передумает, но он, похоже, ошибался.

– Поверь, так надо, сынок. . . . – снова повторил отец

– Вот и договорились, Павел Михайлович. Мы завтра прямо с утра на пароход и в Морквашу.

Глафира Матвеевна поднялась с табурета и, шаркая подошвами тапочек, направилась к двери.

– Папа, ты меня не любишь! – капризно произнес мальчик. – Я не хочу ехать ни в какую деревню. Я лучше останусь дома.

Максимов потрепал сына по вихрастой голове и, обняв его за плечи, спросил:

– Саша! Ты веришь мне? Ты пойми меня – так надо. Помоги мне, я не от хорошей жизни отправляю тебя в деревню. Мама, будь она живой, тоже бы согласилась со мной. Я, как освобожусь, то непременно приеду за тобой и заберу тебя с собой в Казань.

Сын пристально посмотрел ему в глаза.

– Не обманешь?

– Нет, Саша. . . .

Сын развернулся и выскочил из дома. Максимов достал папиросу и, тяжело вздохнув, закурил.

***

Ночь выдалась темной. Ветер гнал по небу рваные тучи, в просветах которого иногда мелькала полная луна. Две

мужские фигуры оторвались от стены и, быстро пересекли небольшой двор.

– Как? – коротко спросил Корнилов Бабаева, который вот уже два часа следил за домом.

– Все тихо, Корнил, – ответил Алексей.

– Это хорошо. Давай, действуй! – приказал Корнилов Алексею, протягивая ему «фомку».

Бабаев, молча, виртуозно, словно циркач на арене, крутанул гвоздодер и резким движением руки сорвал с двери навесной замок.

– Готово! – шепотом произнес Бабаев. – Добро пожаловать, господа налетчики в вашу светлую жизнь.

Корнилов рывком открыл дверь склада и, включив карманный фонарик, шагнул в помещение. Бархатная темнота буквально поглотила их, лишь узкий луч электрического фонарика шарил по стеллажам и стенам помещения.

– Пошли! – скомандовал он, обращаясь к Симакову, который в нерешительности остановился посреди склада.

Бабаев хотел ринуться вслед за ними, но Корнилов остановил его жестом руки.

– Будь на стреме, – произнес Василий Алексею. – Смотри в оба.

Яркий луч фонарика, словно лезвие шпаги хаотично шарил по стенам помещения в поисках дефицитного товара, который со слов Галины завезли на склад два дня назад.

– Может свет включить? – спросил Петр Корнилова. –

Разве здесь что найдешь в этой темноте!

– Ты что, Симак, с ума сошел? Что нужно, мы и так найдем.

Вскоре они наткнулись на ящики с американской тушенкой и яичным порошком.

– Давай, за машиной! – приказал Корнилов Симакову. – Алексею скажи, если что, пусть стреляет.

– Понял, – коротко ответил Петр и буквально растворился в темноте.

Василий медленно переходил от одной полки к другой, стараясь в свете фонарика рассмотреть, лежащие на полках товары. Около одной из полок он остановился, на ней лежали коробки с какими-то лекарствами.

– Пенициллин, – по слогам прочитал он.

Корнилов от кого-то из знакомых слышал, что уколами этого лекарства лечат всевозможные воспаления.

«Надо будет захватить с собой несколько коробок, – подумал Василий. – По всей вероятности, дорогое лекарство».

В склад буквально влетел Симаков.

– Все в порядке, сейчас машина подъедет, – выпалил он. – Давай, я пока начну таскать ящики с тушенкой.

Корнилов услышал шум подъехавшей машины.

– Грузим! – скомандовал он и, схватив ящик с тушеным мясом, потащил его к выходу.

Они быстро загрузили машину и закрыли задний борт. В этот момент на территорию склада въехал наряд милиции

на мотоцикле. Один из милиционеров направился в будку сторожа, а другой – к стоящей во дворе машине.

– Атаc! – громко закричал Бабаев и выстрелил в сотрудников милиции.

Милиционер побежал обратно к мотоциклу и, укpывшись за ним, как за щитом, выстрелил несколько раз в сторону машины. Завязалась перестрелка. Пули засвистели над головами бандитов, заставляя их укpываться за углом склада.

– Обойди их слева! – приказал Василий Алексею. – Никого не щади.

Тот кивнул головой и быстро скрылся в темноте. Корнилов перезарядил свой «Парабеллум» и выглянул из-за угла здания. В свете электрической лампы, что висела над будкой, Василий увидел двух сотрудников милиции, которые укpылись за мотоциклом.

– Прикрой меня! – крикнул он Симакову и быстро пересек двор базы.

Теперь он хорошо видел сотрудников милиции.

«Сейчас я вас», – подумал Василий, прицеливаясь в одного из них.

Выстрела он не услышал, просто, ствол его пистолета дернулся вверх. Милиционер, который находился ближе к нему, выронил «Наган» и повалился на землю. Второй сотрудник милиции быстро завел мотоцикл и, вскочив в седло, помчался по дороге к центру города. Выскочивший из-за угла Бабаев выстрелил несколько раз в удаляющуюся фигуру мото-

циклиста, но, похоже, не попал.

– Уходим! – громко закричал Корнилов и бросился к полуторке, около которой уже суетился Симаков.

– Давай! Гони! – выкрикнул он Петру, вскочив на подножку.

Из темноты, словно бесенок, выскочил Алексей Бабаев и, схватившись за задний борт, легко перекинул свое тело в кузов. Машина сорвалась с места и, выехав за ворота базы, помчалась по улице. Позади звонко хлопнул выстрел. Это стрелял выскочивший из будки сторож.

– Караул! Караул! – Громко закричал он и выстрелил в воздух.

Полуторка, скрепя тормозами, выскочила из узкого переулка, и, сверкнув светом фар, помчалась дальше. Наперез мчавшейся машине выскочил постовой и, размахивая зажатым в руке «Наганом», попытался остановить полуторку. Алексей Бабаев, поднявшись в кузове, выстрелил в сотрудника милиции, но снова промазал.

– Давай, в переулок! Около сараев останови! –скомандовал Симакову Василий. – До утра они нас искать не будут.

Машина свернула в сторону стоявших в ряд сараев и остановилась.

– Перегружаем все в сарай, быстро! Затем ты, Петр, отгонишь машину и подожжешь. Смотри – никаких следов и отгони как можно дальше от этого места.

Через полчаса, темноту ночи разорвал хлопок. Яркое жар-

кое пламя окрасило близлежащие дома в какой-то неестественный цвет. Когда на место пожара подъехал наряд пожарной охраны, полуторка практически вся сгорела.

***

Максимов отошел в сторону от сгоревшей полуторки и подошел к эксперту, который что-то складывал в небольшой бумажный пакетик.

– Что нашел, Степаныч? – спросил его Павел. – Есть что-то?

– Окурок, – коротко ответил криминалист.

– Да их здесь смотри, море, все не соберешь...

– Все старые, а этот свежий, – ответил тот и посмотрел на Максимова. – Иди, Павел, занимайся своим делом. Все что найду – все твое.

– Ну-ну, раз свежий, это хорошо.... Нюхай, Степанович...

К Павлу подошел кинолог и, сдерживая на поводке собаку, доложил, что собака след не взяла, это было и не удивительно – земля была полностью затоптана десятками ног пожарных и жителями ближайших домов, которые с интересом наблюдали за работой оперативной группы.

– Не мучайте псину, веди ее к машине, – произнес Максимов. – Другого исхода я и не ожидал.

Павел сел на лавочку и закурил. Он мельком взглянул на наручные часы, которые показывали начало девятого утра. К нему подошел местный участковый уполномоченный, кото-

рый подталкивал перед собой молодую женщину.

– Товарищ капитан! Вот гражданка Фомина говорит, что видела, как мужчина поджигал полуторку.

Перед Максимовым стояла молодая женщина двадцати пяти – тридцати лет, которая от волнения мяла в руках козынку.

– Слушаю я вас, гражданка Фомина, – произнес Павел и загасил папиросу о подошву сапога. – Расскажите мне, что вы видели?

Женщина продолжала, молча, смотреть на скелет сгоревшей автомашины.

– Вы знаете, товарищ капитан, я увидела эту машину на улице Карельской, когда возвращалась домой от своей подруги. Она стояла около дома номер восемь. А затем я ее увидела уже здесь – в нашем дворе. В этот раз около машины стоял мужчина, одетый в военный френч. Как мне тогда показалось, мужчина кого-то ждал...

– И что было дальше, гражданка Фомина?

– А затем, я увидела яркую вспышку и горящую машину.

– Откуда вы ее увидели? – спросил ее Максимов.

– Я уже была дома, подошла к окну и увидела, как тот мужчина, о котором я вам говорила, побежал в сторону улицы Архангельской, а затем последовала яркая вспышка и машина загорелась.

Павел задавал и задавал вопросы, и картина поджога автомашины стала понемногу проясняться. Теперь он уже знал,

что именно эту машину использовали бандиты при налете на склад, узнал и то, что один из налетчиков был одет в военный офицерский френч, что именно он и сжег эту машину, после того, как ее разгрузили.

– И так, значит, вы видели эту машину на улице Карельской?

– Именно так, товарищ капитан.

Поблагодарив гражданку Фомину, Максимов приказал участковому инспектору официально опросить ее по данным фактам и занести к нему в кабинет протокол допроса. Заметив подъехавшую машину с руководством управления, Максимов направился в их сторону для доклада.

***

Той ночью Павла поднял дежурный по республиканскому НКВД.

– Товарищ капитан! У нас налет на склады туберкулезного госпиталя, – доложил он Максимову. – Майор Лосев приказал вам выехать на место и разобраться!

– Я вам кто – Бог? – спросил он дежурного, натягивая на себя сапоги. – Что, кроме меня больше никого в отделе нет?

– Я – не начальник, товарищ Максимов и не мне судить, кто вы – Бог или старший оперуполномоченный ОББ. Мне приказали, я передал приказ вам. А вы сами с Лосевым решайте – кто вы, – выпалил дежурный на одном дыхании и положил трубку.

Павел вышел из дома и сразу же заметил ожидавшую его дежурную машину. В машине уже находился помощник дежурного старшина Светлов.

– Давай, Светлов, докладывай, что там произошло, надеюсь, что ты в курсе событий.

– Как нам доложил постовой Игнатьев, они с Сибгатуллиным заехали на склады туберкулезного госпиталя, – начал свой доклад старшина. – У Игнатьева, там тесть работает сторожем. Короче, подъезжают они, а там, на территории полуторка стоит около дверей склада. Они решили проверить, кто это ночью приехал грузиться. А из темноты по ним выстрелы. Они укрылись в будке, а затем в ответ им из «Наганов».

Светлов перевел дыхание и посмотрел на Максимова.

– Засиделись вы там, в дежурной части, Светлов, даже доложить толком не можете, – произнес Павел. – И что, было дальше?

– Все бы хорошо, но бандитам удалось обойти их с тыла, – продолжил Светлов, пропустив мимо ушей реплику Максимова. – Напарника Игнатьева – Сибгатуллина ранило в ногу, а у самого Игнатьева закончились патроны, стрелять он не мог. Тогда Игнатьев попытался вывести напарника в люльке, но бандиты не дали ему сделать это.

– Да, ты не тяни, что было дальше! Вывез или нет?

– Короче, Игнатьев на мотоцикл и с базы, чтобы сообщить о налете в НКВД, а Сибгатуллин остался там у складов.

– Все ясно, Светлов. Бросил твой Игнатьев раненого товарища, а это – подлость.

– Так точно, – не поняв его иронии, произнес дежурный. – Бросил, чтобы поднять тревогу...

Машина, осветив светом фар раскрытые настежь ворота, въехала на территорию базы туберкулезного госпиталя. Максимов вышел из машины и направился в сторону высокого стройного полковника, который стоял посреди двора и давал указания. Это был начальник отдела госбезопасности («СМЕРШ») – Хакимов Ильдар Нургалеевич, заступившей на эту должность неделю назад. Заметив Максимова, он махнул ему рукой.

– Капитан! Где твои орлы? Спите..., – произнес он и выругался матом. – Я уже здесь минут тридцать командую, а вы только что подъехали. Разве вы так кого поймаете? За это время можно до Москвы добраться.

Максимов, молча, выслушал этот справедливый выпад начальника отдела «СМЕРШа». Павел подошел к сотрудникам милиции, выслушал их рапорт и направился к открытым воротам склада.

– Что скажешь? Какие соображения? – поинтересовался у него Хакимов.

Павел Михайлович развел руками.

– Пока ничего сказать не могу, товарищ полковник, только подъехал. Вот подъедет эксперт, может, он что-то скажет...

– Плохо, товарищ Максимов. У вас под носом орудует банда, а вы разводите руками. Ты знаешь, что в налете участвовало как минимум три человека?

– Пока нет, товарищ полковник, я еще ни с кем толком не разговаривал.

– Так вот займись, своим делом. Поговори с Сибгатуллиным, он пока в будке.

Павел, молча, направился в будку, около которой стоял постовой. Сержант козырнул Максимову и открыл дверь. В небольшом прокуренном помещении Павел не сразу увидел раненого сотрудника милиции, который сидел за столом и что-то рассказывал мужчине, который делал ему перевязку.

– Выйди, – приказал Максимов врачу. – Нам поговорить нужно.

– Что? – удивленно произнес тот.

– Я кому сказал, выйди, – со злостью произнес Павел. – Вы что, по-русски не понимаете?

Врач быстро уложил в саквояж свои медицинские препараты и, взглянув на суровое лицо сотрудника ОББ, вышел из конторы.

***

Максимов положил на стол пачку папирос и посмотрел на Сибгатуллина. Под его тяжелым взглядом сотрудник милиции как-то внутренне сжался, потеряв свой первоначальный воинственный вид. Раненый отвел свой взгляд в сторо-

ну, стараясь не смотреть в глаза Павлу.

– Как вы оказались на базе? – спросил его Максимов. – Ваш участок патрулирования находится в другом конце города. Говори правду, а я решу, докладывать об этом начальству или нет.

По лицу милиционера промелькнула тень страха.

– У моего напарника здесь работает родственник. Он мне и предложил заехать сюда на минутку.

– Не ври! Игнатьев мне сказал, что это ты предложил ему заехать на базу и поживиться продуктами, – тихо произнес Максимов, не спуская своего взгляда с лица Сигатуллина.

– Врет он! – вскрикнул раненый. – Это он, а не я! Товарищ капитан! Это точно он. Это у него здесь работает родственник!

– Ты понимаешь, что тебя ожидает? Тебя ждет большой срок и сейчас все в твоих руках, каким он будет – большим или малым.

Павел достал из пачки папиросу и закурил. На лице Сигатуллина блуждал страх. Похоже, он прикидывал, как ему поступить, признаваться или нет. Максимов не подгонял его, сейчас он просто блефовал, выдавая свои догадки за показания Игнатьева. Время шло, однако, сотрудник милиции по-прежнему молчал.

– Вставай! – скомандовал ему Павел. – Поехали в отдел, там ты мне все расскажешь. Там Игнатьев, наверное, уже все написал – он мужик более догадливый, чем ты.

– Я все расскажу, товарищ капитан! – испугано залепетал Сибгатуллин. – Это Игнатъев предложил мне заехать с ним на базу. Мы с ним уже два раза сюда заезжали за продуктами. Здесь работает его родственник...

Он перевел дыхание и продолжил свой рассказ:

– Игнатъев мне говорил, что ничего страшного в этом нет, что родственник его работает здесь сторожем, он сам нам откроет двери склада. До этого мы брали мало – банок по десять, а сейчас хотели сделать рейса три-четыре. Потом он еще говорил, что все это спишут на бандитов, которые орудуют в городе.... Мы приехали сюда и столкнулись с настоящими бандитами.

Сибгатуллин замолчал и посмотрел на пачку папирос, что лежала перед ним на столе.

– Бери, закуривай, – предложил ему Максимов. – Если я правильно тебя понял, вы приехали на базу чтобы похитить из клада продукты питания и случайно столкнулись с бандитами, которые открыли по вам огонь...

Раненый кивнул головой. Он закурил, сделал глубокую затяжку, а затем выпустил клуб голубоватого дыма в потолок.

– Вы здесь уже не первый раз и ранее вам удавалось красть со склада – это так? – снова спросил его Максимов.

Раненый снова кивнул головой.

– Вы хотели сначала вывести товар, а затем инсценировать налет бандитов, я правильно тебя понял?

Сибгатуллин кивнул.

– Выходит, вор у вора украл дубинку..., – словно подводя итог допроса, произнес Павел. – Мне стыдно за тебя, Сибгатуллин. Ты же – фронтовик! Ты Родину защищал и вдруг решил украсть продукты у своих же, как ты фронтовиков. Сволочь, ты.... Я бы сам тебя вот этими руками...

На столе противно зазвонил телефон. Максимов поднял трубку и, выслушав сообщение дежурного НКВД, положил трубку.

– Пашуков! Возьми эту тварь.... я поехал. Дежурный сообщил, что обнаружена сожженная полуторка.

Павел сел в дежурную машину и, назвав водителю адрес, захлопнул дверцу автомобиля.

***

Утром Максимова вызвал к себе начальник отдела майор Лосев: позвонил по телефону сам и голосом, не терпящим возражений, коротко бросил:

– Зайди.

Павел вздохнул, закрыл оперативное дело, которое завел буквально три дня назад, интуитивно чувствуя какую-то невидимую связь между тем, чем он занимался сегодня и направился к начальнику.

Бессменный помощник начальника Костя Лебедев, затянутый в синий новый китель, покосившись на краешки ослепительно блестящих погон, кивнул Максиму на дверь:

– Ждет, товарищ капитан. Настроение – паршивое.

Слово «капитан» Костя произнес с осуждением, покосившись на гимнастерку Максимова со споротыми петлицами.

Начальник отдела стоял посреди кабинета. Новая форма делала его намного моложе и стройней.

– Ну, что у тебя, Павел?

– Все то же самое.

– Так и прикажешь докладывать комиссару?

– Пока я, товарищ майор, ничего конкретного сказать не могу.

– Так, – начальник отдела начал раскачиваться с пятки на носок.

Голенища его сапог сверкали в лучах летнего солнца.

– Так, – еще раз повторил он, – хоть что-то у тебя есть?

Максимов посмотрел в окно. Он помолчал, достал папиросу, прикурил.

– Не знаю, товарищ начальник, не знаю. Так, слабые заметки...

– Садись, Максимов. Давай помозгуем вдвоем.

Павел посмотрел на ладную, подтянутую фигуру начальника отдела и улыбнулся.

– Ты еще смеешься, Максимов?

– Да вспомнил, как вы форму эту перешивали...

В редкие минуты, когда они оставались вдвоем, Максимов и Лосев по-прежнему были на «ты», но это похоже все больше и больше тяготило начальника отдела.

– Вот ты мне докладывал, что завел оперативное дело, что

ты объединил все эти убийства и налет на склады воедино. Скажи, обоснуй...

– Я же вам рапорт написал об этом. Там в нем я все и обосновал.

– Бумага бумагой, а мысли мыслями. Я послушаю, а потом, может, и кое-какие вопросы задам.

Максимов помолчал, поглядел на начальника. Тот смотрел, откинувшись в кресле. Лицо Лосева вдруг стало серым и отечным. Павлу вдруг стало почему-то жалко Лосева.

– Сейчас ребята работают.

Лосев усмехнулся.

– Смотри, Максимов. Мы с тобой одной веревкой связаны. Если будет плохо мне, тебе будет еще хуже. Поэтому старайся.

Павел развернулся и вышел из кабинета.

***

В небольшом помещении было все в дыму, и вошедший в него Максимов невольно поморщился от режущего запаха дыма. Он вытер набежавшую слезу и направился к столу, за которым сидели два оперативника.

– Вы хоть дверь бы открыли, черти, – произнес он. – У вас, здесь как в аду, темно и жарко.

Оперативники засмеялись над его сравнением их кабинета с преисподней.

– Вы проходите, товарищ капитан, – ответил один из них и, поднявшись со стула, открыл настежь дверь.

– Если не ошибаюсь, это сторож с базы? – спросил их Максимов.

– Он, товарищ капитан.... Молчит, думает, что здесь мы все – дураки.

Один из оперативников протянул Павлу протокол допроса. Максимов пробежал по нему глазами и вернул его обратно.

– Значит, ты никого и ничего не видел? – обратился Павел к сторожу. – Тебя для чего там поставили на ворота? Все правильно, для того чтобы ты охранял государственное имущество! Правильно я говорю? Тогда скажи мне, почему ты не охранял вверенное тебе государственное имущество? Может, не хотел? А может, потому, что ты у нас – враг народа и поэтому тоже не хотел его охранять? Ответь мне, почему молчишь? Или ты хочешь, чтобы я тебя передал сотрудникам государственной безопасности? Я думаю, что они там быстро развяжут тебе язык.

Охранник сразу смекнул, куда гнет этот вошедший оперативник – к статье 58 УК РСФСР, за которой срок в двадцать пять лет в лучшем случае, а может, и расстрел. Он заерзал на стуле, высокий лоб мужчины покрылся капельками пота.

– Товарищ начальник! А что я мог сделать? Их там было человек пять.... Да они меня нашинковали бы свинцом свободно.

Максимов улыбнулся и снисходительно посмотрел на охранника.

– У тебя же был телефон, Панкратов. Ты почему не позвонил в милицию и не сообщил о налете? Хочешь, я тебе скажу почему?

– И почему, товарищ начальник, если это – не секрет?

– Вот мне твой зять рассказал, что ты просто подумал, что грузовик, который въехал на территорию базы туберкулезной больницы, подогнал твой зять. Ведь вы должны были сегодня похитить продукты. А, когда ты понял, что это – бандиты, ты просто испугался их.

На лице охранника не дрогнул ни один мускул.

– Это кто вам все это рассказал? Никак сорока на хвосте принесла?

– Нет, Панкратов, это рассказал мне ваш зять Игнатъев и Сибгатуллин. Кстати, они уже арестованы... Что молчите, Панкратов?

Охранник замолчал. Его маленькие рысьи глаза стали наливаться кровью.

– Сука, он, а не зять, – процедил сквозь зубы охранник. – Еще родственник называется....

– Это вы здорово придумали списать кражу на бандитов, но, видишь, не вышло у вас. Опередили вас бандиты, – продолжил Павел.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – ответил устало Панкратов. – Все, о чем вы здесь мне наговорили, не соответ-

ствует действительности, просто зять меня оболгал. Ему нужен мой дом.

– У вас еще будет встреча с вашим зятем, вот там и обсудите свои проблемы. Отведите его в камеру – мы с ним поговорим позже, – приказал Максимов сотруднику милиции.

Павел Михайлович направился к выходу из помещения и, достав папиросу, закурил.

– погоди, начальник! – выкрикнул охранник. – За что в камеру? Продукты крали другие люди. Мало ли кто о чем думает? За мечты не сажают!

– За мечты? – переспросил его Максимов. – Наверное, ты прав – не сажают, а вот за организацию банды для совершения краж государственного имущества ответить придется, гражданин Панкратов.

Павел открыл дверь, чтобы выйти из кабинета и внезапно замер на месте. Перед дверью стоял начальник отдела Лосев и незнакомый ему мужчина.

– Вы знакомы? – спросил Максимова Лосев. – Знакомься, это – начальник того самого госпиталя, на который был совершен налет.

– Капитан Максимов, – представился Павел и протянул главврачу руку.

Врач сделал вид, что не заметил протянутой руки и, пройдя мимо офицера, прошел в кабинет. Мельком взглянув на Панкратова, он развернулся и вышел обратно. Остановившись около раскрытого окна, он достал папиросу и закурил.

– Разрешите задать вопрос главному врачу госпиталя? – обратился Павел к Лосеву.

Майор удивленно посмотрел на Максимова. Он явно не ожидал этого вопроса.

– Спрашивайте, – произнес он.

– Скажите, когда последний раз ваш госпиталь получал продукты и медикаменты? – задал свой первый вопрос Павел.

– Накануне утром, – растеряно ответил главный врач. – Я не понимаю, с чем связан ваш вопрос?

– У меня еще один вопрос, кто разгружал эти товары?

– Да, вы что? Все эти люди работают в нашем госпитале десятки лет, а вы подозреваете их в чем-то. Зачем вы обижаете их?

– Я никого не обижаю и не подозреваю, – парировал ответ Максимов. – Я могу об этом спросить и других работников вашего заведения. Думаю, что они поймут меня правильно.

Майор взял под локоть Максимова и отвел его в сторону.

– Ты что творишь, Максимов? Это – уважаемый в городе человек, а ты его начинаешь сходу допрашивать. А если пожалуется комиссару, кто будет отвечать?

– Ты, Лосев. Ты ведь у нас – начальник, ты и ответишь. Я работать пошел.

Но начальник отдела крепко схватил его за локоть.

– Зайди ко мне, – прошипел он, выпуская руку Максимова.

***

Максимов пристально посмотрел на Лосева. Тот сделал несколько шагов назад и остановился напротив Павла.

– Плохо мы с тобой работаем, Максимов, – произнес начальник отдела. – Сегодня нас с тобой вызывает к себе нарком. Скажу прямо, будут ругать тебя и меня. Я тебя очень прошу, только не пыли... Ты же хорошо знаешь, что прав тот, у кого больше прав. Докладывать по всем этим налетам будешь ты.

– А почему я, Геннадий Алексеевич? У вас есть заместитель...

– Потому, что я начальник, а приказы командиров не обсуждаются, а выполняются!

«Он же меня подставляет под комиссара, – первое, что пришло в голову Максиму. – Боится ответственности, ведь ему через три месяца должны присвоить очередное звание подполковника».

Максимов хотел возразить, но взглянув на Геннадия Алексеевича, понял, что он уже сообщил наверх о докладчике.

– Ты знаешь, Павел, у меня какое-то нехорошее предчувствие. За полтора месяца третье серьезное преступление и самое главное – нет следов.

– Я тоже об этом думаю, Геннадий Алексеевич. Уж больно чисто работают, а самое главное – выборочно. Я, почему

поинтересовался у главного врача, когда завезли товар, а потому, что налет они совершили не позавчера, когда не было товара, а вчера, когда его привезли. Выходит, они знали об этом, значит, навел их кто-то на эти склады.

– Ты – разведчик, ты все это видишь по-другому.... Может, ты и прав, Павел. Если двигаться по твоей цепочке, нужно искать источник информации, а это – время и сколько на это уйдет времени, сказать трудно. А нам нужно раскрывать это дело сейчас. Короче, делай что хочешь, но мне нужен результат. Ты понял меня?

– Легко сказать – результат. Дайте мне людей, Геннадий Алексеевич, вы же знаете, что у меня в группе всего два оперативника.

– Где я их тебе возьму, рожу что ли? Вот все они здесь, орлы, – ответил майор и рукой провел в воздухе.

– Я могу об этом сказать наркому?

– Это о чем?

– О необходимости создания специальной группы....

Майор вздрогнул, словно его хлестнули по спине кнутом.

– Даже не заикайся, Максимов. Я заранее знаю, что ответит нарком. Он скажет, что у нас в отделе достаточно сил, просто у нас плохая организация работы. Ты понял меня?

К Лосеву подбежал сотрудник милиции и, отдав честь, стал ему говорить что-то в полголоса. Когда тот отошел, Геннадий Алексеевич повернулся к Максиму.

– Я в отдел. Жду доклад.

***

Галина вернулась с работы и, сбросив с себя одежду, быстро переделась в домашний фланелевый халат. Корнилов лежал на диване и внимательно наблюдал за сожительницей. Впервые за все время своего проживания с этой женщиной, он заметил, как она изменилась не только внешне, но и в отношениях к нему. У нее исчезла та женская мягкость, которая так подкупала Василия ранее. Галина стала жесткой, циничной и ему все чаще и чаще казалось, что ей были нужны лишь его деньги, а не он.

– Что нового, Галина? – поинтересовался он у нее. – «Мусора», наверное, шерстят?

– А ты, как сам думаешь? – вопросом на вопрос, ответила женщина. – Копают, роют землю. Говорят, что всех врачей больницы уже допросили.

Василий поднялся с дивана и, зайдя к Галине со спины, обнял ее. Его руки легли на ее пышные груди.

– Ты что, кобель, обалдел? Убери свои руки! Я с работы пришла, устала, а ты обниматься лезешь! – произнесла она, сбросив с себя руки Корнилова. – Ты лучше чай поставь для жены.

– Те чего? Какой чай? Надо же придумала – чай. Между прочим, у меня хорошая новость, – ответил он Галине. – Я весь товар сбросил одному «барыге». Вот посмотри сколько денег!

Он сдернул салфетку с кровати и посмотрел на Галину.

– Смотри, сколько денег.... Давай, махнем на море – позагораем, покупаемся.

Взгляд хозяйки скользнул по кровати, на которой словно пирамида Хеопса, возвышалась гора из денежных пачек.

– И сколько здесь? – спросила его Галина и, сев у стола, стала расплетать свои косы.

– Здесь все наши. Я уже отдал Петьке и Лешке их доли. Так что, это – все наши деньги.

Сожительница сжала губы, которые стали похожи на две красные нитки. Злая гримаса исказила ее симпатичное лицо. Глаза стали узкими и в них сверкнула искра ненависти.

– Я же тебе говорила, Василий, чтобы ты не спешил с этим делом. Сейчас твои друзья начнут сорить деньгами и невольно привлекут к себе внимание «мусоров». У оперативников, как у легавых, нюх тонкий. Если для тебя тюрьма – дом родной, то я, в отличие от тебя, в тюрьму не спешу.

– Вот так, как всегда! Хотел угодить, а не получилось! – зло произнес Корнилов, чувствуя, как начинается «заводиться с половины оборота». – Ты как та старуха у Пушкина – все тебе мало и мало. Что у тебя было бы без меня? Вот и я об этом. У тебя бы таракан на паутине повесился.

– Вася! – жестко произнесла сожительница. – Я тебе уже сколько раз говорила – деньги любят тишину. Лучше сходи в магазин, купи водку и закуску, нужно отметить этот день.

По лицу Корнилова пробежала улыбка.

– Ты это серьезно?

– Серьезней не бывает. Надо обмыть удачу.

Василий метнулся в прихожую и, надев на голову кепку, исчез за дверью. Галина быстро сосчитала пачки денег и, сложила их в старый потертый от времени баул. Осмотрев комнату, она сунула его под кровать.

«Потом перепрячу, вот Васька уйдет из дома, – решила она. – Дома держать такие деньги опасно».

В комнату заглянула соседка и удивленно посмотрела на Галину.

– Галя, ты это, что под кроватью копаешься? – спросила она хозяйку. – Что-то потеряла?

Галина испугано вздрогнула, словно ее застали за чем-то нехорошим. Руки предательски затряслись.

– Чего тебе нужно? – грубо спросила она соседку. – Напугала до смерти. Стучаться нужно.

– Тебя напугаешь, – произнесла соседка и громко засмеялась. – Ты сама кого угодно напугаешь. А Васька-то твой, куда побежал?

– Тебе, что нужно? – строго спросила Галина. – Или просто зашла поточить лясы от нечего делать?

– Дай мне немного соли, поиздержалась я. В магазин идти не хочу.

Галина, молча, отсыпала ей соли из стеклянной банки и поставила ее обратно на полку. Соседка продолжала стоять в комнате, и хозяйке показалось, что она совсем не собирается

ее покинуть.

– Что-то еще? – поинтересовалась у нее Галина. – Давай, говори. ....

– В займы денег не дашь? Моему завтра день рождения, а у меня за душой ни копейки.

В это время в квартиру вошел Корнилов. Соседка словно встрепелась и, взглянув на Василия, быстро покинула помещение.

– Что ей нужно? – спросил он Галину. – Все ходит, нюхает и нюхает, словно собака.

– Черт ее знает. Попросила соль, а затем денег. Раньше вообще никогда не заходила. Скажи, Василий, может она что-то узнала про все это?

– Посмотрим. Время покажет. ... Язык твой – враг твой.

***

Сегодня был понедельник. Мнение многих людей о том, что «понедельник – день тяжелый», сложилось, как считал Максимов, лишь у тех, которые в воскресенье отдыхают. Павел себя к таким людям не относил. Он провел этот день на работе и уже не воспринимал понедельник так трагически, как другие люди. День выдался даже чуть спокойнее, чем обычно. В пятницу Павел отчитывался перед комиссаром НКВД о результатах работы по раскрытию разбойных налетов. Помимо самого комиссара, на совещании присутствовал и секретарь городского комитета партии, полковник

МГБ Хакимов.

– Садись, Павел Михайлович, – произнес комиссар и указал Максимову на стул. – Давай, докладывай, как ты борешься с бандитами, которые терроризируют город. Ты, наверное, уже знаешь, что нас буквально завалили жалобами на бездействие НКВД в части борьбы с бандитизмом. Рабочие не хотят выходить в ночную смену, боятся за свою жизнь.

Комиссар отошел от окна, выдвинул ящик стола и извлек из него пачку писем, которую положил на стол. Максимов хорошо знал хозяина кабинета и поэтому ничего хорошего не ожидал от этого разговора. Павел взглянул на Лосева, который сидел на стуле, заложив ногу на ногу. В его начищенных до блеска сапогах играли лучи заходящего солнца. Посмотрев на комиссара, он приступил к докладу. Максимов хорошо видел, как подался вперед начальник отдела, будто впервые слышал то, о чем говорил его подчиненный.

– И так, Павел Михайлович, вы считаете, что эти три преступления совершены одной бандитской группой? – спросил его комиссар. – Мне не понятно одно, на основании каких фактов вы пришли к такому выводу?

Максимов задумался. В своем докладе он старался донести свои мысли, соображения, но, видимо, ему не удалось это сделать, если у комиссара возник подобный вопрос.

– Виноват, товарищ комиссар, хочу повторить, – произнес Максимов. – Что мы имеем: первое, участие в налете, как правило, принимают три человека, один из которых –

подросток. Это следует из показаний охранника складов туберкулезного госпиталя, а также свидетеля Габдрахмановой, которая в процессе допроса тоже говорила о трех мужчинах, которые выходили из дома инкассатора. Заметьте, в этих показаниях снова фигурирует подросток лет шестнадцати. О том, что все эти преступления не спонтанные, говорит, то, что банда тщательно готовила свои налеты.

Комиссар, слушая Максимова, достал папиросу и, размяв ее, пожелтевшими от табака пальцами, закурил. Все сидящие руководители НКВД и представители горкома партии, госбезопасности, не отрывали своих взглядов от рук комиссара.

– Не убедительно, товарищ Максимов. Вы и ваш начальник Лосев не понимаете самого главного – закончилась великая война. Нам удалось сломать шею сильного и опытного врага. Однако здесь, в Казани война еще не закончилась. По-прежнему гибнут люди, заметьте, не сотрудники НКВД, не солдаты, а мирные люди и это тревожит не только нас, но и горком партии.

Комиссар сделал паузу и посмотрел на Лосева, который встал со стула и виновато опустил голову.

– Вот что, Максимов! – произнес комиссар. – Даю вам десять дней для раскрытия всех этих налетов. Думаю, что времени достаточно, чтобы разобраться в этой проблеме.

– Товарищ комиссар, какие десять суток? А что, я должен говорить рабочим? – перебив комиссара, произнес сек-

ретарь горкома партии. – Подскажите мне, Кондрат Гаврилович, мне то, как быть в отличие от вас? Люди работают, восстанавливают производство, строят дома, а я им, вы подождите десять суток, пусть милиция разберется с бандитами. Как разберется, так и начнем работать, а пока сидите, дома и ждите. Безобразие! Я буду жаловаться в Обком партии, пусть они там разберутся, соответствует ли товарищ Максимов занимаемой должности!

Комиссар посмотрел сначала на Максимова, а затем на Лосева, а вернее, на их реакцию, на слова представителем горкома партии.

– Мы постараемся раскрыть эти преступления, – словно оправдываясь перед собравшимся руководством НКВД и председателем горкома партии, ответил Лосев. – Мы сделаем все возможное и невозможное.

– Это хорошо, что вы понимаете свою ответственность перед народом, – в заключение произнес комиссар НКВД. – Мы надеемся на вас.

Все встали со своих мест и, гремя стульями, направились к выходу. Вслед за ними, кабинет покинул и Павел Михайлович. Он шел по коридору наркомата, размышляя о поставленной перед ним задачей.

«Да, товарищ начальник, перевел ты на меня стрелки, – подумал Максимов. – Интересно, как все это будет выглядеть – возможное и невозможное».

Павел зашел в кабинет и тяжело опустился на стул. Он

посмотрел на часы, шел восьмой час вечера.

«Как там, Сашка? Сыт ли? – первое о чем подумал он. – Ты прости меня сын, но домой мне сегодня, похоже, прийти не удастся».

Максимов достал из ящика стола пистолет и сунул его в карман пиджака. Среди множества других вопросов, которые задавал себе Максимов, был еще один, и, пожалуй, самый трудный: с чего начать?

***

Перед Максимовым сидел охранник Панкратов и время от времени позевывал. Ему явно хотелось сейчас забраться на нары в камере и, вытянув ноги, отойти ко сну.

– Что молчишь, Панкратов? – спросил его Павел. – Спасть хочешь?

– Не мешало бы, начальник, минут шестьсот на каждый глаз, – ответил охранник. – Что вы меня все пытаете и пытаете? Я уже вам все рассказал, что оговорил меня мой зять, что не было никакой группы.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему, Панкратов. Оговорил он тебя, а ты такой чистый и прозрачный, как слеза Божья. Может, тебе показать заключение комиссии?

Охранник оживился. Он удивленно посмотрел на Максимова, словно увидел его впервые.

– Это что это за комиссия такая?

– Вот такая комиссия, которая проверила все поступле-

ния продуктов в вашу больницу, расход их и так далее. Самое интересное, Панкратов, выявлена определенная закономерность исчезновения ряда наименований продуктов именно после твоего дежурства. Вот сам думай, показания твоего зятя, заключение комиссии и поедешь ты, дорогой мой человек на лесоповал на два десятка лет...

Лицо Панкратова словно окаменело и, глядя на него, было трудно понять, слышал ли он то, что говорил ему Максимов. Неожиданно Павла осенила идея, от которой ему вдруг стало даже весело.

– Слушай меня внимательно, Панкратов. Сейчас я тебе скажу одну секретную вещь, только слушай меня внимательно.

Лицо охранника по-прежнему было «каменным».

– Главное – это показания главного врача вашей больницы. Когда я его прижал заключением комиссии, то он сообщил мне, что именно ты – Панкратов был организатором хищения со склада и что ты, запугал и заставил его принять участие в этих хищениях.

Неожиданно для Максимова Панкратов схватился за голову и начал подвывать. Он раскачивался на табурете, и Павлу показалось, что тот готов рухнуть на пол и головой биться об пол.

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Суки драные, – провыл он. – Суки....

Максимов протянул ему кружку с водой. Он взял ее в руки

и жадно выпил.

– Они решили пустить меня «под сплав», но я не мальчик. Каждый понесет свой чемодан! Пиши, начальник!

***

– Мы когда-то жили в одном доме, – начал свой рассказ Панкратов. – Дружили ли мы? Скорей нет, чем да. Три года назад судьба нас снова свела. За это время Женька успел окончить медицинский институт и работал главным врачом в этой туберкулезной больнице. Он мне предложил должность охранника на складе. Сами понимаете, товарищ начальник, война, голодное время, а здесь неожиданно такое заманчивое предложение. Я дал согласие и был благодарен Жеранину, что он не забыл обо мне. Месяца через три он вызвал меня и сообщил, что на складе выявлена недостача, и подозрение на хищение продуктов падает на меня. Я попытался оправдываться, но меня никто не слушал. Перед моими глазами замаячила «зона».

Евгений Федорович пришел ко мне домой вечером.

– Мы же с тобой друзья, Панкратов, и я не могу себе позволить, чтобы тебя арестовали и осудили.

– Тогда помогите мне, ведь вы хорошо знаете, что я ни в чем не виноват.

– Слушай, Панкратов. Есть возможность не только уйти от ответственности, но и зарабатывать неплохие деньги. Сейчас все зависит от тебя – «зона» или сладкая и сытая жизнь. Ре-

шай!

Вы сами понимаете, что выбора у меня просто не было. И с этого дня все и началось. Каждый месяц при поступлении новых партий продуктов половина их вывозилась. Все было просто, подъезжала вечером машина и в нее загружались продукты. Вы хотите сказать, почему вся эта утечка не вызывала ни у кого никаких вопросов? Все просто – уменьшалась сама закладка продуктов при приготовлении пищи. Повара, да они и сами тащили с кухни. Это устраивало всех, особенно Жеранина – все это можно было списать на работников кухни.

Однажды, полуторка с продуктами чуть не попала в аварию. Вот с этого момента и стали сопровождать эту машину мой зять и его товарищ по работе в милиции – Сибгатуллин.

В ту самую ночь, заметив въезжающую на территорию базы автомашину, я решил, что она прибыла за продуктами. Набрав номер, я позвонил зятю и попросил его заехать на склад для сопровождения машины. Когда Сибгатуллин по привычке направился в сторону машины, по нему открыли огонь. Мы были в растерянности, а когда кто-то из бандитов угодил в Сибгатуллина, мы были просто в панике. Первым не выдержал Игнатьев. Он выскочил из будки и бросился к мотоциклу....

Задав еще несколько вопросов, Максимов протянул протокол допроса Панкратову.

– Вот здесь распишитесь, – произнес Павел и ткнул паль-

цем в лист протокола.

«Картина стала немного проясняться. Игнатьев и Сибга-туллин прикрывали перевозку похищенных продуктов, Панкратов отпускал и контролировал отгрузку, а какова роль Жеранина?»

– Скажите, сколько вы имели за это?

– За что, это?

– За участие в группе.

Панкратов назвал сумму, которая вызвала невольное удивление у Максимова. Эта сумма равнялась его полугодовой зарплате. Можно было представить, сколько имел Жеранин.

Проводив Панкратова в камеру, Максимов вернулся в кабинет.

«А может, Жеранин решил укоротить цепочку хищения и нанял для этого бандитов? – подумал Павел. – Надо с ним срочно встретиться».

***

Максимов устало зевнул, потянулся и встал из-за стола. Он сложил бумаги в папку, запер сейф и вышел из кабинета.

– Начальник у себя? – спросил он проходящего мимо него оперативника.

Тот пожал плечами и Павел направился по коридору дальше. Лосева на месте не оказалось – он был у комиссара, кабинет которого находился в другом крыле здания. В яр-

ких лучах солнца, падающих на мраморную лестницу, весело плясали пылинки. Прямоугольник света, изломанный ступенями, уходил круто вниз, доставая до пола первого этажа. Немного постояв, Павел Михайлович направился в кабинет начальника государственной безопасности полковника Хакимова.

В кабинете Хакимова, кроме самого хозяина, находились еще двое, не знакомых Максимову офицеров. Один, молодой лет двадцати пяти в хорошо сшитом кителе с погонями старшего лейтенанта, сидел, откинувшись на спинку стула. Другой, лет тридцати пяти, с огромным шаром мелко вьющихся волос, стоял около стола.

– А, Максимов, заходи, заходи, – произнес полковник. – Вот знакомься, старший лейтенант Платонов Андрей Семенович и Азизов Рустам Гарипович, оба – представителя Москвы. Прибыли к нам для оказания практической помощи в борьбе с бандитизмом. А это – старший оперуполномоченный отдела ОББ и капитан Максимов Павел Михайлович.

Они обменялись рукопожатиями. Максимов поправил прядь волос, спадавшую на высокий лоб, и обратился к полковнику.

– Товарищ Хакимов, я долго думал над всеми этими преступлениями....

– И что надумал, Максимов?

– Извините, товарищ полковник, а вам не кажется, что их

могли совершить бывшие военные разведчики? Смотрите, как все они хорошо организованы и спланированы. Проработаны пути отхода, сбыт похищенного. Ведь за все это время нам пока не удалось выйти на скупщиков похищенного имущества. Сбросить такую большую партию товара проблематично.

– Погоди, капитан, не пыли, – произнес полковник, – не вали все в одну кучу. То, что все преступления подготовлены – в этом ты прав. Но все остальное – под вопросом. В отношении бывших армейских разведчиков – мы отработаем эту версию, их не так уж много и все они у нас на учете. Задача твоей группы – выйти на скупщиков краденого имущества и уже от них выходить на бандитов.

Полковник сел за стол и взглянул на Максимова.

– Принято решение о создании объединенной оперативной группы. Группу будет возглавлять твой начальник. Платонов и Азизов тоже войдут в эту группу, хотя будут работать по своему плану.

– Скажите, товарищ полковник, а Лосев об этом знает?

– Наверное, уже узнал от комиссара. Так что, флаг вам в руки. Я тебя прошу, ты поделись результатами расследования с моими товарищами, то есть введи их в курс дела.

– Хорошо, товарищ полковник.

– Можно еще один вопрос, товарищ полковник? Вам ничего не говорит фамилия Жеранин Евгений Федорович? Он не проходит по вашим учетам?

– Я знаю этого человека. Это – сводный брат первого секретаря городского комитета партии. А почему ты меня об этом спрашиваешь, капитан?

Павел замялся. Немного подумав, он произнес:

– Вот видите, вы – новый человек в городе и знаете его, а я живу здесь и не знаю, что Жеранин – сводный брат первого секретаря.

Максимов вышел из кабинета и, увидев шагающего по коридору Лосева, направился в его сторону.

– Хочу с тобой переговорить, – произнес Павел. – Вот почитай. Мне нужна санкция прокурора на обыск.

Лосев, не читая, сунул бумагу в папку и скрылся за дверью кабинета.

***

Затихшие на время милицейских облав бандиты вновь напомнили о себе. Ночью ими был убит участковый уполномоченный Нуруллин. Как и зачем он оказался на улице Большой никто из его окружения не знал. Подворный обход жилых домов, проведенный оперативниками, не раскрыл этой тайны. Перед Максимовым лежало заключение экспертов, согласно которому, сотрудник милиции был убит пулей от пистолета «Парабеллум», идентичной той, которой был ранен сотрудник милиции на складах туберкулезного госпиталя. Павел внимательно вчитывался в текст, бросая свой взгляд на фотографии пуль, на которых были указаны харак-

терные для обоих случаев царапины.

«Вот и подтвердились все мои опасения, – подумал Максимов. – Все пули с налетов и убийства участкового оказались выпущенными из одного пистолета. Теперь осталось лишь понять умысел бандитов, за что они убили лейтенанта – застал на месте преступления, а может, был убит при проверке документов? Если это так, то зачем преступники сняли с него форменную одежду? Неужели готовят новый налет с использованием формы сотрудника милиции?»

Павел щелчком пальца выбил папиросу из пачки и хотел прикурить, но спичечный коробок оказался пуст. Встав из-за стола, Максимов вышел из кабинета в надежде занять у кого-то из сотрудников спичек. Однако, коридор оказался абсолютно пустым. Только сейчас Павел взглянул на часы, которые показывали начало второго ночи.

«Засиделся, – подумал он. – Как хорошо, что я договорился с Глафирой Матвеевной в отношении сына. Она, наверняка, накормила и уложила Сашку спать».

Спустившись на первый этаж, он взял у дежурного с десяток спичек и направился обрат в кабинет. Смисла ехать домой уже не было и он, сняв с себя пиджак, повесил его на спинку стула. Составив стулья, он лег, ощущая знакомую боль в спине и ребрах от жесткого и неудобного ложа. В какой-то момент Павел понял, что не сможет заснуть. Кряхтя словно старик, он поднялся со стульев и сел за стол. Максимов вылил в чайник воду из графина и поставил его на элек-

троplitку, которая находилась в углу его кабинета. Когда чайник закипел, он развернул пакет с заваркой и насыпал ее в металлическую кружку.

На столе громко и как-то резко зазвонил телефон. Звук был таким противным, что Максимов поморщился, как от зубной боли. Посмотрев на аппарат, как на врага, Павел снял трубку.

– Максимов! У нас убийство, – скороговоркой на выдохе, выпалил дежурный. – Машина у подъезда!

– Погоди, не тараторь! Давай, все по порядку! – приказал он дежурному. – Ты можешь нормально доложить?

– Павел Михайлович! Бандит в форме сотрудника милиции прошел на склады «Военторга», на те, что рядом с железнодорожным вокзалом. Охранник Козулькин заподозрил что-то неладное и потребовал от него какие-то дополнительные документы. Преступник тремя выстрелами в грудь застрелил охранника и скрылся.

– Свидетели есть? – спросил Максимов дежурного. – Чего молчишь?

– Кто его знает, – ответил дежурный. – Машина ждет.

Павел с сожалением снял с плиты чайник и, сунув свой «ТТ» в карман пиджака, спустился вниз. Максимов знал, что охрану складов «Военторга» осуществляли охранники артели «Красная охрана», костяк которой составляли бывшие фронтовики. Ехать пришлось минут десять и автомобиль, скрипнув тормозами, остановился около высокого каменно-

го забора, за которым находились склады «Военторга». Выйдя из машины, Максимов направился к воротам, около которых, переминаясь с ноги на ногу, его ждал участковый уполномоченный.

– Товарищ капитан, проходите.... Ждем дежурного следователя прокуратуры и медика.

Павел приоткрыл дверь. На полу в луже крови лежал человек средних лет. Старая, выгоревшая на солнце гимнастерка была в крови. Максимов нагнулся и, откинув в сторону полу пиджака, увидел на груди убитого орден «Красной Звезды».

«Немцы не убили, а здесь...», – подумал Павел.

– Где свидетель? – спросил он участкового.

– Вон стоит, – ответил тот и рукой указал на женщину средних лет, одетую в черный рабочий халат.

***

Максимов, достал папиросу и закурил. Взглянув на женщину, он произнес:

– Что было дальше? Я слушаю...

Женщина всхлипнула, вытерла какой-то салфеткой нос и посмотрела на Максимова, ожидая от него наводящего вопроса. Павел хорошо ее понимал, ведь он заставлял ее заново пережить минуты смертельного страха.

– Было уже темно, товарищ начальник. Я домыла полы в конторе и вышла выплеснуть грязную воду во двор. Вижу, в проходную заходит сотрудник милиции в кожаном пальто,

на плечах погоня и протягивает Козулькину какие-то бумаги.

– Извините, товарищ лейтенант, но пропустить вас на территорию складов я не могу. Приходите утром, когда будет начальство.

Мне сразу показалось это довольно странным, ночью сотрудник милиции, бумаги.... Я подошла поближе к окну и решила посмотреть – кто это такой. Милиционер был довольно молодым, ему от силы было лет двадцать пять – тридцать, худощавый. Мне почему-то сразу бросилось в глаза, что у него что-то с его лицом. Лишь потом я поняла, что у него немного косил правый глаз.

Женщина, молча, снова достала из кармана салфетку и высморкалась в нее.

– Милиционер начал трясти перед ним своими бумагами, а Козулькин ни в какую. Тогда милиционер вытащил из кармана плаща пистолет и трижды выстрелил в грудь охраннику. Нагнувшись над телом, он забрал у него «Наган». Я испугалась и спряталась за бочку с дождевой водой.

Она снова замолчала. Руки ее мелко затряслись.

– Вот вам вода, попейте, – предложил ей Максимов. – Успокойтесь, все это уже позади, сейчас вам никто и ничто не угрожает.

Женщина сделала несколько жадных глотков и поставила кружку на стол.

– Что было дальше?

– Дальше? Милиционер вышел из конторы и, сорвав с пальто погоны, швырнул их на землю. Вот они, товарищ начальник, я их подобрала.

Она достала из кармана халата погоны и положила их на краешек стола.

– Скажите, он был один? – спросил ее Максимов.

– В проходной он был один, а вот когда выходил, мне показалось, что его ждали еще двое около грузовой машины.

– Какая была машина: фургон или открытая?

– Грузовая, с брезентовым верхом..

– Скажите, вы сможете описать тех двоих, что стояли около машины? – спросил женщину Павел Михайлович. – Как они выглядели?

Женщина задумалась.

– Мне показалось, что один из них был совсем мальчишкой. Я бы дала ему не больше шестнадцати лет. Второго я не рассмотрела, он стоял ко мне спиной.

Максимов протянул ей лист протокола и пальцем указал место, где нужно было расписаться. Женщина поставила подпись и посмотрела на оперативника.

– Я свободна?

– Да, конечно. Если что, мы вас вызовем.

В комнату конторы вошел Лосев и, не говоря ни слова, взял из рук Максимова протокол и быстро пробежал его глазами.

– Опять трое, опять с ними пацан! Что будем делать, Мак-

симвов? Или ты можешь лишь приличных людей чернить?

Павел с удивлением посмотрел на своего начальника.

– Чего смотришь? Я прочитал твой допрос этого самого Панкратова. К стенке его надо, а ты с ним задушевные беседы ведешь, даешь ему возможность оговаривать честных людей.

– Как так наговаривать? Вот сделаем обыск, проведем очную ставку, и все встанет на свои места, товарищ майор.

– Ничего у тебя не получится. Умер твой Панкратов. Час назад наложил на себя руки в камере.

– И что, теперь?

– Выбыл главный обвиняемый. Пусть теперь прокуратура разбирается в этом деле. Фигуранты: Игнатьев и Сибгатуллин – за решеткой. С ними все ясно.

Это была так неожиданно для Максимова, что он на минуту замолчал.

– Работать нужно, капитан, а не собирать сплетни. Ты хоть знаешь, кто такой этот Жеранин? Вижу, что знаешь. Что по убийству?

– Пока ничего. Работать, Геннадий Алексеевич, будем, искать. Мне вот Хрящ все твердил, что это не местные, а залетные творят беспредел. Я все больше убеждаюсь, что это – наши, местные беспредельщики. Нужно будет всех поставить на уши и своих сотрудинок, и воров. Последним вообще перекрыть кислород, пусть сами найдут и сдадут их нам.

– Сказать легко, а как это сделать?

– Вы – начальник, товарищ майор, вы и решайте.

Максимов вышел во двор и, увидев эксперта, направился в его сторону.

***

Василий Корнилов налил полстакана водки и, взглянув на разгневанное лицо Галины, выпил. Закусив малосольным огурцом, он достал папиросу и закурил. Галина встала из-за стола и, разогнав рукой облако табачного дыма, тихо произнесла:

– Зачем только я с тобой связалась, Корнилов. Вот никогда бы не подумала, что ты – трус. Ты просто не представляешь, какой шанс ты упустил! Накануне на базу завезли ткани – бостон, шелк.... Да у нас бы с тобой этот товар с руками оторвали, а ты испугался! Хорошо, что не обделался, а то пришлось бы отмывать все это...

Она снова села за стол и с укором посмотрела на сожителя. Слова о трусости окончательно распалили полупьяного Василия. Он резко вскочил из-за стола и ударил кулаком Галину в лицо. Удар был столь сильным и неожиданным, что она словно пушинка слетела со стула и упала на пол, сильно ударившись затылком об угол печи. Женщина с трудом поднялась с пола и, шатаясь словно пьяная, направилась к дивану. Из разбитой губы сочилась кровь. Она достала носовой платок и приложила к губе.

– Сволочь! Ты только можешь бить женщин, – произнесла

она. – Знаешь, что я тебе не смогу ответить.

Корнилов громко засмеялся и, взяв в руки бутылку, плеснул водку в стакан.

– Сучка! – произнес он. – Это я то – трус! Да у меня на совести этих жмуров с десяток будет. Ты знаешь, гадина, что такое убить человека? То-то и оно! Это когда душа человека бьется в твоих руках, словно птаха, а ты ей раз и свернул голову.... Я и тебя могу тоже, так же как и их всех, ножичком чирк и ты – уже в гостях у Бога.

Галина вытерла платком кровь, которая продолжала сочиться из разбитой губы и, взглянув на Василия с ненавистью, произнесла:

– Все равно ты – трус, Корнилов, и скотина!

Василий резко вскочил с дивана и направился в сторону Галины. Глаза Корнилова налились кровью и он стал больше походить на разгневанного быка, чем на человека.

– Помогите! – закричала Галина, ожидая очередного удара.

Она закрыла голову руками и втянула ее в плечи. В этот момент открылась дверь и в комнату буквально ворвалась, разъяренная словно бык, соседка. Ее лицо пылало от злости.

– Ты что делаешь, «недоносок»! Налил с утра zenки и хулиганишь! Да я сейчас вызову участкового, он с тобой быстро разберется.... Вошь ты тюремная!

Воинствующий пыл соседки быстро успокоил, как Галину, так и Корнилова.

– Все, все, – произнес Василий, пряча руки в карманы брюк. – Концерт, мамзель, закончен. Каждый остается при своих интересах.

Василий прошел мимо соседки и, выпустив ей в лицо клуб дыма, скрылся за дверью.

– Ты что так орала, – спросила Галину соседка, – словно он тебя убить был готов?

– Ты что, сама его не видела? Он же пьяный! Вот видишь, губу, сволочь, разбил.

– Ты бы его, Галина, гнала от себя, пусть живет с матерью, перед ней и «выкобенивается».

Галина встала из-за стола и подошла к зеркалу. Посмотрев в него, покачала головой.

– Как я завтра на работу пойду? Что люди подумают?

– А что, они должны думать? Не разбила же ты губу о дверь?

Соседка вытерла свои руки об фартук и, молча, развернувшись, вышла на кухню. Скандал между Корниловым и Галиной начался еще накануне ночью, когда Василий пришел домой. Он, молча, разделся и, пройдя в комнату, достал из тумбочки недопитую бутылку с водкой.

– Ты что, это среди ночи решил водку пить? – спросила она его. – Где товар?

– А нет товара, – раздраженно ответил Василий и вылил содержимое бутылки в широко раскрытый рот.

– Что произошло? Ты можешь мне рассказать? Ты что,

весь трясешься?

– Охранник не поверил, что я – сотрудник милиции. Говорит, покажи удостоверение. Я ему предъявил, а он говорит, если тебе нужен начальник, то приходи утром, а вечером здесь кроме меня никого больше нет.

– В каком смысле нет?

– В самом прямом. Я его и нашпиговал свинцом. Только хотел пройти на склад, как что-то загремело рядом. Подумал, что засада....

– Выходит, ты просто испугался, Корнилов? Конечно, испугался, – словно подтверждая свои слова, произнесла Галина. – Ты же знаешь, что там всего один охранник! Чего пугаться?!

– Это ты здесь такая храбрая. Если бы меня повязали там, то точно вышка была бы. Мне жизнь дороже своих тряпок.

Он замолчал и стал раздеваться.

– Трус! – съязвила Галина. – С кем я связалась? Думала мужик, а он хуже бабы... Трус!

Василий достал пистолет и вынул из него обойму. Достав из-под кровати коробку из-под обуви, он наполнил обойму патронами, положил пистолет под подушку и, молча, лег спать. Взглянув на пьяного мужа, Галина взяла одеяло и легла на диване.

***

Хрящ ждал Максимова на старом месте, около пивной.

Заметив издалека Павла, он снял с головы кепку, что означало отсутствие опасности и нежелательных контактов. У агента сегодня был не лучший день. С утра к нему зашел Валет, старый его знакомый по местам лишения свободы. Вытащив из кармана шкалик с водкой, он предложил ему выпить.

– Валет! У тебя проблема, что начинаешь день с водки? – спросил его Хрящ. – Давай, не тяни резину...

Мужчина улыбнулся, поставил бутылку на стол и, достав из шкафа два стакана, разлил водку.

– Проблемы не у меня, а у тебя, Хрящ. Между «блатными» прошел слух, что ты Хрящ «ссучился», с «мусорами» начал дружить. Срисовали тебя, братишка, как пить дать – срисовали. Если бы я тебя не знал по зоне, то, наверняка бы, поверил в этот базар.

Сердце хозяина квартиры будто оборвалось. Внутри стало как-то пусто, к горлу подкатил ком, от которого ему стало плохо. Хрящ почувствовал, как по его спине потек предательский ручеек пота.

– Ты за базар отвечай, Валет! – хрипло произнес Хрящ. – Я – «блатной» по жизни и за меня есть кому «тянуть мазу». Если бы я был «сукой», то половина блатных Казани уже дышала бы свежим воздухом в Магадане.

Хрящ с жадностью выпил налитую в стакан водку и посмотрел на товарища.

– Валет! Ты вместе со мной чалился в Воркуте, и ты, как никто иной, хорошо знаешь меня. За все эти пять лет, что мы

с тобой грелись под одной телогрейкой, я ни разу не нарушил воровской закон, я прошел через штрафные изоляторы, но не сломался!

Хрящ почувствовал, что начинает задыхаться, то ли от «предъявы» Валета, то ли от внезапно охватившего его страха. Он достал из пачки папиросу и закурил.

– Валет! Скажи, кто из «блатных трещит»? Зарежу! – спросил гостя Хрящ. – Пусть он сам мне это предъявит прямо в глаза!

– Не гони волну, Хрящ! – тихо произнес Валет. – Я лишь передал тебе слухи, что ходят среди братвы. А эту «мульку» про тебя принес Костыль. Говорит, что видел тебя с оперативником.

Хрящ облегченно вздохнул. Он – «блатной» и встречи с сотрудниками милиции явление довольно привычное для людей, ранее судимых.

– Вон оно что! Если ты идешь по улице, и к тебе причаливает оперативник, значит, ты – сука? Пусть докажет, кто из нас сука! За такие дела, Валет, на ножи сажают.

– Это ты не мне говори, я человек – грамотный. Думаю, что и Костыль об этом знает. Выходит, Хрящ, он не боится прокола, чувствует за своей спиной защиту.

То ли водка на голодный желудок подействовала, то ли «предъява» была не столь существенной, как посчитал Хрящ, но он снова почувствовал себя вполне уверенным и уважаемым «блатным». Он протянул гостю стакан и тот, взяв

в руки бутылку с водкой, разлил ее по стаканам.

– Слушай меня, Валет. Собери братву сегодня в пять вечера. Пусть обязательно придет Костыль. Я не хочу, чтобы за моей спиной кто-то раскачивал мой авторитет.

– Хорошо, Хрящ, – ответил гость. – Где собрать?

– Где посчитаешь нужным.

Хрящ посмотрел на Валета и, достав из пачки новую папиросу, прикурил ее от предыдущей.

– А давай там, где мы собирались в последний раз. Место хорошее....

Они вышли из дома и Валет, надев на голову кепку-чайку, направился к воротам. Остановившись около них, он обернулся и, сверкнув фиксой, махнул ему рукой.

«Что делать? – первое, о чем подумал Хрящ, когда Валет вышел за ворота. – Идти на «сходняк» или нет? Кто и что мне может предъявить? Трудно сказать, но если не приду, то точно зарежут».

Сейчас, заметив Максимова, он обрадовался. Это был именно тот человек, который реально мог помочь ему в этом деле.

– Привет, – коротко поздоровался он с Павлом.

– Привет! Что случилось, Хрящ?

Тот коротко обрисовал Максиму ситуацию.

– Да, нарочно не придумаешь, – тихо произнес Максимов. – Костыль, если мне не изменяет память, живет в Адмиралтейской слободе на улице Архангельской?

Хрящ, молча, кивнул ему головой.

– Мы его возьмем через час, – произнес Павел.

– Это не вызовет подозрение, начальник?

– Какое подозрение? Мы сейчас всех примеряем к этим убийствам. Так пусть посидит.... Слушай, Хрящ! Меня интересует молодой человек, лет двадцати пяти – тридцати лет. У него один из глаз немного косит. Среди вашей братвы случайно нет такого человека?

– Нет. У нас кривых и горбатых нет, это однозначно.

Максимов развернулся и направился дальше.

***

Мария Яковлева – кассир завода «Пламя», вышла из «Государственного банка», что находился на одной из центральных улиц города и, оглядевшись по сторонам, остановилась на ступеньках лестницы. Корнилов хорошо знал, что женщина часто переносила деньги без сопровождения охраны, однако, в этот раз она не спешила направиться в сторону завода, похоже, она кого-то ждала.

«Неужели ждет охрану? – с отчаянием подумал Василий, продолжая наблюдать за кассиром. – Если охрану, то, сколько их будет?»

Корнилов бросил свой взгляд на улицу, стараясь найти глазами Бабаева и Симакова, которые должны были ждать его сигнала. Наконец он увидел их. Они стояли около витрины продуктового магазина и о чем-то разговаривали, бросая

свои взгляды на Василия.

«Интересно, о чем «трещат»? Наверное, опять о бабах, – подумал он. – Почему они не смотрят на меня?»

Бабаев и Петр ждали сигнала от Корнилова, но тот почему-то неподвижно стоял напротив входа в Банк. Мария, словно предчувствуя что-то недоброе, вернулась обратно в здание Банка.

«Похоже на облом, – подумал Корнилов. – Видимо сумма довольно большая и она не решается идти одна без сопровождения или охраны. Ждать или не ждать?».

Кассир вышла из банка минут через десять в сопровождении крепкого мужчины, одетого в черную шинель военного моряка, который держал одну руку в кармане шинели.

«Охранник вооружен, – первое, о чем подумал Василий. – Такого надо только валить, его на испуг не возьмешь».

Корнилов немного поколебался, но взглянув на друзей, махнул им рукой. Они рассредоточились по улице Баумана и медленно двинулись вслед за Марией. Кассир и мужчина о чем-то весело разговаривали, иногда их беседу прерывал задорный смех.

«Надо валить морячка или уходить! – подумал Корнилов. – Похоже, сегодня не наш день».

Василий уже решил дать сигнал о том, чтобы друзья возвращались по домам, но в этот момент сопровождающий Марию мужчина попрощался с ней и, свернув в переулок, оставив ее одну. Когда до проходной завода оставалось

несколько десятков метров, к безоружной женщине подско-
чил Корнилов. Он схватил ее за руку и угрожающе прокри-
чал:

– Деньги, сука, а то убью!

Женщина, словно окаменела от неожиданности. Она по-
пыталась вырвать руку с сумкой из рук бандита, но он, недол-
го думая, выстрелил ей прямо в лицо. Тело женщины дерну-
лось и она стала медленно оседать на землю. Василий выдер-
нул из ослабевшей руки умирающей женщины сумку и бро-
сился бежать по улице, пугая пистолетом прохожих. В этот
момент из проходной выскочил охранник.

– Стой! Стой, стрелять буду!

Рука охранника шарила по кобуре, в поисках застёжки.
Но в этот момент Алексей Бабаев открыл по нему огонь
из «Нагана». Улица моментально опустела. Напуганные вы-
стрелами, прохожие с криками бросились бежать в разные
стороны. Воспользовавшись этим, Бабаев сделал еще два вы-
стрела в охранника и ринулся в переулок. Миновав несколь-
ко дворов, он выскочил на параллельную улицу. Сунув «На-
ган» за поясной ремень, он медленным шагом направился
в сторону железнодорожного вокзала. Мимо Алексея про-
мчалась милицейская машина и он, проводив ее взглядом,
невольно улыбнулся своей удаче.

Через час они встретились у Петра Симакова. В похищен-
ной Корниловым сумке оказалось чуть больше двадцати пя-
ти тысяч.

– Давай, дели, – произнес Петр. – Не будем тянуть время. Глаза Симакова загорелись, а руки мелко задрожали. Корнилов посмотрел на него и сплюнул на пол.

– Петруха! Ты почему не стрелял в охранника? Испугался? – спросил его Василий. – Молодой, вот подстраховал меня, а ты?

– Я что-то тебя не понял, Корнил? Это что, предьява? Обоснуй!

– Понимай, как хочешь, – ответил Василий. – Если еще раз подобное повторится, я просто тебя убью. Вот я тебе и обосновал свою предьяву. Есть возражения?

Симаков, молча, отошел от стола и сел на койку. Василий отсчитал пять тысяч рублей и протянул их Бабаеву.

– Вот возьми, Лешка. Ты их честно заработал.

Тот взял деньги и сунул их в карман пиджака. Следующие пять тысяч Корнилов отдал Петру.

– А остальные? – спросил его Симаков. – Так не честно!

Василий хмыкнул и удивленно посмотрел на Петра.

– Скажи мне, Петруха! Кто нас навел на этого кассира? Может быть ты или Лешка? Если не понял, могу объяснить более доступно. Часть денег – Галине. Это понятно? Это она нам выбирает, кого грабить, а кого не стоит. Так что – заткнись!

Бабаев кивнул головой, давая понять Василию, что ему все ясно.

– Хорошо, – примирительно произнес Симаков. – Следу-

ющий раз я сам найду нам дело.

Корнилов сунул деньги в карман и, прежде чем покинуть комнату Петра, предупредил их, чтобы они не сорили деньгами.

***

Костыль сидел дома и ждал своего товарища Угарова Виктора, известного в узких кругах, как Шпала. Он был высоким, худым и лысым. Его большие водянистые глаза умело скрывали его эмоции. Заметив вошедшего во двор товарища, Костыль поднялся с табурета и направился к двери.

– Привет! – коротко поздоровался со «Шпалой» хозяин дома, пропуская его в комнату. – Что нового? О чем гудит блатной мир?

– Ты слышал, «Костыль», сегодня кто-то провел экс с кассиром завода «Пламя». Два трупа, а денежки – тю-тю.

– Риск – удел смелых людей. Боюсь только, «мусара» снова начнут всех наших причесывать.

– Как же без этого, – ответил Шпала, присаживаясь за стол. – Сегодня видел Валета, он передал твою предьяву Хрящу. Сегодня будет «толковище», так что будь готов.

– Вот и отлично. Я готов доказать братве, что Хрящ – сука! Что это он палит блатных!

– Успокойся! Раз готов, это уже хорошо.

Шпала плеснул в кружку чифира и стал маленькими глотками медленно цедить темную ароматную жидкость.

– Хороший у тебя чифир, Костыль, знатный.

– Мне чай старый товарищ по зоне подогнал вчера. Спасибо ему, не забывает. Может, водку?

– Не стоит, Костыль. Дело серьезное, здесь трезвая голова нужна.

Шпала посмотрел в окно и вдруг отпрянул от него. Рука его выхватила из-за голенища сапога нож.

– «Мусора», Костыль! Нужно уходить, а то повяжут!

Во двор вошли трое сотрудников милиции и, спросив что-то у женщины, которая развешивала во дворе белье, направились в сторону дома Костыля. Хозяин дома схватил пиджак, и они с гостем ринулись к «черному выходу». Однако, он был заблокирован милицией. Стоило Костылю выскочить на улицу, как он услышал до ужаса знакомую команду:

– Стоять! Руки вверх!

Шпала безропотно поднял руки, бросив нож себе под ноги. Пока сотрудник милиции поднимал нож, Костыль рванул к забору. Он уже почти перебросил свое сильное тело через забор, но выстрел оперативника сбил его на лету, словно птицу.

– Товарищ, капитан, – обратился к Максимову молодой оперативник. – Я не хотел...

Павел подошел к телу. Пуля пробила ему голову, и он скончался мгновенно.

– Может, это к лучшему, – произнес капитан. – А этого в камеру. Утром разберемся, что за птица попала в наши сети.

Он развернулся и направился к ожидавшей его машине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Осень пришла как-то незаметно. Лишь видны были чуть заметные ее весточки – пожухлая трава, да потерявшие былую зелень деревья. В воздухе застыло какое-то ожидание, как на перроне вокзала, таким ожиданием были дожди и холода.

За окном кабинета лил холодный осенний дождь. Он стучал по стеклам, словно хотел что-то рассказать, но Максимо-ву было не до красот осени. Отдел по борьбе с бандитизмом «круглил» сутками, в надежде выйти на след банды, но она по-прежнему оставалась недосягаемой для них. Руководство милиции, госбезопасности и прокуратура чуть ли не каждый день проводили заслушивания по нераскрытым делам, но все они не способствовали раскрытию этих громких преступлений.

Лосев заметно сдал за эту неделю. Лицо его осунулось, а под глазами заметно обозначились темные мешки. Он нервно ходил по кабинету и бросал испепеляющие взгляды на капитана Максимова, словно от того зависело раскрытие этих преступлений.

– Геннадий Алексеевич, может, я пойду? – спросил Павел Лосева. – Зачем вызывали? Я уже десять минут наблюдаю, как вы мерите свой кабинет шагами.

– Что у нас по убийству кассира Яковлевой?

– Работаем, Геннадий Алексеевич. Отрабатываем связи убитой.

– И что?

– Пока ничего. Жила одна, компаний не собирала. О ней вообще нет никакой информации.

– Что значит, нет информации, Максимов?

– А вот так и нет. Работа – дом. Как говорят, вела замкнутый образ жизни.

Лосев замолчал и остановился посреди кабинета. Он начал медленно раскачиваться с носка на пятку. Павел по-прежнему не спускал с него своего взгляда, ожидая от начальника каких-то новых указаний. Через минуту – другую он вновь начал мерить своими шагами кабинет. Максимов понял его, что тот хочет ему что-то сказать, но почему-то не решается. Наконец, Лосев остановился и сел за стол. Сломав две спички, Геннадий Алексеевич прикурил.

– Не буду ходить кругами, Максимов, – наконец произнес начальник отдела Руководство НКВД недовольно работой отдела по этим преступлениям – оно хочет крови. Ты работаешь по этим делам с самого начала, ну, ты сам понимаешь.... Короче, тебя наказали, объявили строгий выговор. Извини меня, но нужно было кого-то наказывать.

Он замолчал, облегченно вздохнул и, достав папиросу, закурил.

– Ты, Геннадий Алексеевич, особо не расстраивайся, –

стараясь сдержаться себя, равнодушно ответил Павел. – Бумага, как говорят, все стерпит. Ведь и ты со мной занимаешься всеми этими делами с самого начала. Выходит, меня наказали за плохую работу, а тебя, моего непосредственного начальника – нет. Значит, ты работаешь хорошо, а я – плохо. Может, ты научишь меня, как нужно работать? А что? Покажи свое умение, а я поучусь.

Лицо Лосева вспыхнуло и покрылось красными пятнами.

– Ты это брось, Максимов! – повысив голос, произнес Лосев. – У меня помимо всех этих дел, воз и маленькая тележка других. Не могу же я разорваться на части! Скажи спасибо, что еще не уволили, хотя вопрос об этом стоял! Начальство до сих пор помнит, как ты хотел посадить Жеранина.

– И что? Я его хотел посадить, а вы, выходит, нет. Как же так, Геннадий Алексеевич? Вот сейчас этот Жеранин жирует, поедая продукты, предназначенные для стола больных людей, и улыбается. Где же она справедливость?

– Прекрати, Максимов эту демагогию. Мне не до шуток!

Закончив фразу, он хлопнул ладонью по столу, словно подводя под сказанным определенную черту.

– Геннадий Алексеевич! Мне завтра нужно выехать в больницу с сыном. Можно?

Лосев посмотрел на Максимова так, как будто тот только что одарил его рублем.

– Ты же хорошо знаешь, какая в городе обстановка.... А если что-то произойдет?

– Ну, а вы для чего со своим опытом, Геннадий Алексеевич, – возразил ему Павел.

– Хорошо. Думаю, что полдня тебе хватит.

– Спасибо и на этом.

Павел поднялся со стула и направился к двери.

***

Незаметно наступила зима 1946 года. Город с какой-то непонятной легкостью возвращался к мирной жизни. Однако, это внешнее благополучие не соответствовало суровой действительности. Бандитские налеты на склады, магазины и жителей города стали каким-то обыденным явлением и по-прежнему вызывали у людей страх за родных и близких. Банда, которой занимался Максимов, «залегла на дно» и это больше всего напрягало Павла.

.... Галина, надев передник, с осторожностью разливала по тарелкам наваристые густые щи, которые так любил Василий.

– Слушай, Вась! А тебе не кажется, что вы засиделись по домам. Может, стоит напомнить кое-кому о своем существовании? – произнесла Галина, подавая ему тарелку.

– Что-то новое «надыбила»? – спросил ее Корнилов. – Давай, «колись»...

Галина села за стол и, взглянув на Василия, продолжила:

– Есть один известный в Казани дом, полный добра. Мне подруга на работе об этом рассказала.

Глаза Корнилова загорелись. Он отложил в сторону ложку и посмотрел на сожительницу.

– Что за дом? Говори, не тяни kota за хвост, – нетерпеливо произнес он. – Что за хата?

– Это, милый мой, не хата и не хибара. Это – дом, в котором до революции жил Ленин, вождь мирового пролетариата, – ответила Галина и звонко засмеялась, глядя на удивленные глаза Корнилова.

– Какого еще Ленина? – тихо переспросил ее Василий. – Того самого?

От подобной дерзости у него перехватило дыхание. Он поперхнулся и начал кашлять.

– Да. Владимира Ильича Ульянова – Ленина, – ответила сожительница, продолжая смеяться.

– Ты шутишь? Если возьмут нас, то точно, поставят к стене. Здесь политика, Галина. А это – опасная штука, очень опасная.

– Тебя и так поставят к стене, Корнилов. Что, испугался? А я думала, что ты стал немного походить на мужика, а ты – тряпка....

– Кто я! – швырнув ложку на стол, зло сверкнул глазами Василий. – Ты не заговаривайся, а то огребешь по полной программе. Сидишь дома, вот и сиди! Что может храниться в этом пролетарском музее, пара подштанников твоего Ильича? Там, наверняка, одно старье, кто его возьмет!

– Нет, Васенька, там не старье, – тихо произнесла Гали-

на. – На днях туда завезли ткани, похоже, хотят делать там капитальный ремонт.

– Ткань то им на что?

– Это ты не у меня спрашивай. Может, там разные костюмы хотят шить.

Корнилов задумался. Ему явно не хотелось мелочиться, но взглянув на Галину, он произнес:

– Хорошо. Надеюсь, охраны там нет? Не хотелось бы....

– Какая там охрана? Один дед одноногий. Но, «барахлишка» там много, это точно.

– Уговорила. Мы пойдем завтра.

23 февраля 1946 год. С утра замело. Корнилов шел по улице, подняв воротник своего коротковатого демисезонного пальто. Рядом с ним шел Симаков, который то и дело оглядывался по сторонам, ища глазами Алексея Бабаева, который шел по другой стороне улицы.

– Слушай, Корнил! Может, стоит отказаться от этого дела? Что-то мне не нравится все это. Да и «мусорня» землю будут рыть, чтобы найти нас.

– Испугался, Петрушка. Риск есть, но где его нет?

– Все-таки музей вождя мирового пролетариата....

– Это какого вождя? Он тебе кто? Пахан? То-то и оно, не грузись лишним.

Они обошли музей и, не заметив ничего подозрительного, подошли к двери. Достав из-за пазухи «фомку» Симаков одним движением руки сорвал небольшой навесной замок, и

они осторожно вошли в помещение музея. Прикрыв за ними дверь, Бабаев остался снаружи, чтобы предупредить своих друзей в случае опасности.

– Ну и где здесь искать это барахло? – спросил Симаков Василия. – Темно очень, как у негра в заднице.

Корнилов приложил к губам указательный палец. Где-то в глубине темных комнат послышался какой-то посторонний шум. Василий достал «Парабеллум» и взвел курок. Его примеру последовал и Петр. Они прижались к стене и затаили дыхание. Из-за угла двери показалась кошка. Она подошла к Симакову и, мурлыча, стала тереться у его ног. Петр резким движением ноги отшвырнул ее в сторону. Кошка протяжно замыкала и исчезла в темноте.

– Ты иди туда, а я – сюда, – тихо произнес Василий и указал Петру на дверь комнаты.

– А почему я туда, а ты – сюда? Пошли вместе...

Неожиданно темноту музея разорвал резкий и тревожный звонок. Корнилов выхватил пистолет и метнулся к окну. Он дернул плотную штору. Оно оказалось закрыто ставнями.

– Уходим! – крикнул Василий Симакову, и они ринулись в сторону двери.

Похоже, в темноте они что-то перепутали и оказались в другом помещении. Они металась по дому, пытаясь найти запасной выход, однако, в темноте его трудно было найти. Вскоре они снова вернулись к окну, за которым уже были слышны человеческие голоса. Все решали какие-то секунды,

и Василий несколько раз выстрелил по ставне, которая с грохотом упала на землю. Выбив стекло стулом, они выбрались на улицу. Чуть в стороне от дома они заметили двух вооруженных ружьями мужчин, которые бежали в их сторону.

– Стой! Стрелять будем! – закричал один из них, сильно хромая.

Прежде чем охранники открыли по ним огонь, Василий выстрелил в одного из них, а вернее, в того, кто был крупнее. Мужчина с криком схватился за живот и медленно повалился в сугроб. Второй охранник явно напугался и, ковыляя, попытался побежать назад, но споткнулся и упал в снег лицом.

– Не подходи, стрельну! – закричал он, пытаясь нащупать, выпавшее из рук ружье.

Наконец ему удалось найти ружье в снегу, он поднял его и направил ствол на налетчиков. Ружье в его руках буквально «плясало».

– Стреляй, сука! Стреляй, а то убью! – закричал вдруг Симаков и сильным рывком выхватил из рук охранника ружье.

Охранник поднялся с земли и, шатаясь, словно пьяный с вызовом посмотрел в лицо Петра, который с силой опустил приклад на его голову.

– Аааааа! – закричал тот, падая на землю. – Не убивай! У меня дети...

Симаков еще несколько раз ударил его по голове, однако удары были, скорее, для устрашения. Разбив приклад об угол

дома, Василий и Петр бросились бежать. В какой-то момент они поняли, что их никто не преследует и перешли на шаг. Неожиданно Корнилов схватили Петра за грудки и подтянул к себе.

– Ты что, творишь, сука! – прохрипел он. – Да я тебя.... Ты почему не убил охранника? Он же видел наши лица! Запалить всех хочешь!

– А ты почему не убил! – закричал на него Петр. – Ты почему?

В глазах Симакова заиграли огоньки животного страха.

– Прости, Корнил, – залепетал он. – Думаю, что он от испуга вообще никого не запомнил. Зачем нам лишний «жмур»?

– Баран, ты, Петя! Я тебе что сказал, что мочим всех без разбора. А если бы «мусарня», они бы нас мигом положили во дворе? – тихо произнес Василий. – Лежали бы мы сейчас под окнами этого музея с прострелянными головами.

Корнилов освободил ворот пальто Петра и оттолкнул его в сторону.

– Встретимся завтра в семь вечера. Возьми с собой Алешку.

– Все понял, – ответил Петр и, поправив на голове шапку, перебежал улицу.

Василий тяжело вздохнул и направился домой.

***

Павел Максимов сидел за столом, напротив сына, и внимательно смотрел на него. За лето мальчик вытянулся вверх и стал напоминать ему его родного младшего брата, Он был таким же вихрастым, худым. На его загорелом лице сына сверкали большие зеленые глаза, похожие на лесные озера. От этих воспоминаний Павлу стало как-то не по себе – брат его умер в четырнадцать лет, надорвавшись от тяжелой работы.

Сашка поймал на себе взгляд отца и виновато опустил голову. Дело в том, что сын съел весь недельный паек, который Павел получил накануне на работе.

– Папа, прости меня, – еле слышно произнес сын. – Ко мне приходили товарищи из школы, они увидели продукты и я не мог им отказать, они были голодными...

Максимов почесал рукой свой затылок и, улыбнувшись, потрепал сына по его вихрастой голове.

– Ничего сынок, как-нибудь перебьемся. А помогать друзьям, нужно. Ты поступил правильно, как поступает настоящий мужчина и друг.

– Папа, ты сейчас опять пойдешь на работу? – спросил его сын. – Ты совсем не отдыхаешь, все время работаешь и работаешь.

– Да, сынок, нужно идти. Вот поймаем банду, тогда и отдохну. Мне сейчас нужно идти, сменить товарищей в засаде.

Максимов надел демисезонное пальто, шапку и направился к двери. Около двери Павел остановился и посмотрел на

сына, который достав из полевой военной сумки учебники, начал делать уроки.

«Мальчишке нужна мать, – подумал он. – Нехорошо, когда он все время один и один, так и до беды недалеко».

На улице морозило. Северный ветер гнал по земле поземку, наметая сугробы первого снега около заборов и домов. Павел поежился, чувствуя, как холодный ветер без всяких усилий проникает через ветхую ткань его пальто. Он, поднял вороник и направился вдоль улицы. Несмотря на то, что было еще не совсем поздно, улица была пустой. Максимов свернул в узкий переулок. До места засады оставалось около трехсот метров, когда внимание Павла привлекли двое мужчин. Почему он обратил на них внимание, он и сам не знал. Может, потому, что улица была пуста, или потому, что фигуры этих мужчин были какими-то неестественными, напряженными, словно они совершали что-то незаконное. Один из мужчин, что был небольшого роста в длинном, ниже колен пальто, постоянно оглядывался назад, как это делали по привычке военные летчики, ожидая захода в хвост самолета противника.

«Странные какие-то люди, – подумал Павел. – Может, проверить у них документы? А что, это даст? Наверняка, документы в порядке, только время потеряю».

Поравнявшись с ними, он все же не удержался.

– Мужчины! – окликнул их Максимов. – Я из милиции! Предъявите документы!

Павел заметил, как вздрогнул тот, что был поменьше ростом. Мужчины остановились и повернулись к нему лицом.

«Второй-то почти мальчишка, лет шестнадцать не больше, – подумал Максимов. – Среди бандитов тоже такой же пацан, судя по описанию, не старше этого».

– В чем дело, товарищ? – спросил его мужчина, протягивая ему паспорт. – Меня за время войны ни разу не останавливали и не проверяли документы, а сейчас – документы. Вы знаете, я начальник караула предприятия.

Пока Максимов рассматривал документы мужчины, парнишка отошел чуть в сторону, стараясь зайти оперативнику за спину. Это не осталось незамеченным со стороны Павла.

– Не дергайся! – произнес сотрудник милиции, обращаясь к нему. – Стой на месте!

– А я чего? – ответил паренек, возвращаясь на место.

Максимов вернул документы мужчине и посмотрел на паренька.

– Паспорт или какие-то документы удостоверяющие личность есть? – спросил он паренька.

В этот момент тот выхватил из-за голенища сапога нож и попытался ударить им Максимова в бок. Павел успел отскочить в сторону, и это спасло его от финки.

– Порежу! – процедил паренек, перебрасывая финку из одной руки в другую.

Мужчина выхватил их кармана пальто пистолет и выстрелил в Павла. Пуля сбила с головы Максимова шапку, кото-

рая отлетела в сторону и упала в снег. Второго выстрела сделать мужчине оперативник, не дал. Он ударил в лицо мужчину кулаком и тот, потеряв равновесие, повалился в снег. За забором громко залаяла собака. Мужчина вскочил на ноги, бросился бежать.

– Вот ты и попался, – тихо произнес Максимов, наставляя на паренька свой «ГТ». – Бросай нож!

Неожиданно в метрах трех от него открылась калитка дома и в проеме показалась фигура хозяина, который держал в руках собачий поводок. Громадный пес с пеной у рта рвался с поводка. С криком «фас» мужчина спустил с поводка собаку. В два прыжка она оказалась рядом с Павлом и, сбив его с ног, принялась таскать за рукав пальто.

– Убери собаку, иначе я ее убью! – закричал Максимов, пытаясь подняться на ноги.

Через минуту мужчине удалось оттащить пса от Павла. Собака оторвала рукав у пальто и нанесла несколько серьезных укусов Максиму. Пока он боролся и отбивался от собаки паренек, словно растворился в снежной пелене.

– Простите меня, товарищ капитан! Я не знал, что вы – работник милиции. Зайдите ко мне, у меня жена – врач, она поможет вам.

Петр взглянул на наручные часы «Победа» и, глубоко вздохнув, направился вслед за мужчиной.

***

Галина тихо вошла в квартиру и, не снимая пальто, села у порога. Василий поднялся с дивана и выжидающе посмотрел на нее. Молчание затягивалось и становилось просто невыносимым.

– Устала, – тяжело вздохнув, произнесла она. – Народу в поезде, как сельди в бочке: ни присесть, ни постоять. Все злые, кричат.

– И как? – спросил ее Корнилов, словно не слыша, о чем говорит сожительница, спросил он. – Где деньги?

Галина, молча, положила на стол толстую пачку денег. В глазах Василия сверкнул алчный огонек. Он встал с дивана и, почесывая грудь, взял в руки деньги.

– И сколько здесь? – поинтересовался он у сожительницы. – Не маловато?

– Около шестнадцати тысяч, – ответила Галина и, поднявшись со стула, стала снимать с себя пальто. – Свекровь интересуется, будет еще товар или нет. Я не ответила ей, я же не знаю, пойдете вы на дело или нет?

Василий закурил папиросу и подошел к Галине. Он неожиданно для нее нежно обнял ее сзади за плечи и наклонился к ее уху.

– Выходит, понравились вещи твоей старухе, если спрашивает о них. Никакого риска, толкнула «шмотки» – и с деньгами.

Галина, сверкнув от гнева глазами, сбросила с плеч мужские руки и повернулась к Корнилову. Он улыбнулся и по-

пытался снова обнять ее, но женщина в очередной раз сбросила с плеч его руки.

– Сучка! – произнес с усмешкой Василий. – Сколько волка не корми, он все в лес смотрит. Что тебе еще от меня нужно?

– Что молчишь, словно не слышишь, о чем я спрашиваю?

Корнилов криво улыбнулся и сел на диван.

– Ты знаешь, не хочу рисковать по мелочам. Дело нужно денежное, чтобы хапнуть и залечь, а лучше уехать на юг. Там солнце, виноград, урюк.... Люблю сладкую и теплую жизнь. До сих пор вспоминаю твой музей Ленина. А ведь могли сгореть....

– Кто ее не любит, – произнесла Галина, ставя на керогаз чайник, пропустив мимо ушей реплику сожителя о музее. – Только без денег, ничего Вася не получится. Солнышко любит денежки и немалые.

Женщина замолчала, задумалась, а затем тихо произнесла:

– Есть один человек, как мне рассказывала одна знакомая, он очень богат. Во время войны он служил в военном госпитале завхозом. Жрачки у него было достаточно и он начал потихоньку приторговывать ей. Две банки тушеного мяса за золотое колечко.... Прикинь, сколько у него рыжья, Павел. Рожа и сейчас у него, как блин, лоснится от жира.

Галина замолчала и посмотрела на притихшего Корнилова. Тот облизал внезапно высохшие губы, он явно уже готов был хоть сейчас пойти на дело. Василий, закрыл глаза, пред-

ставляя груду золотых изделий, лежащих на белой скатерти. Почему именно на белой скатерти, он и сам не знал.

– Где он живет? – спросил ее Корнилов, слегка осипшим от волнения голосом. – Адрес, скажи.

– Сказала бы, если бы знала, – интригуяще произнесла Галина. – Знаю, где работает, а вот где живет, увы, не знаю. Я думаю, что его нужно прихватить, когда он будет возвращаться домой с работы и вместе с ним....

Она не договорила, так как и так был ясен ее план.

– Где он работает? – нетерпеливо спросил ее Василий. – Надеюсь не в милиции?

– Нет, не в НКВД. Сейчас НКВД нет, теперь у нас министерство государственной безопасности. Усвоил? Он работает в ЖКО. Простым завхозом в ЖКО.

Она рассказала Корнилову, в каком, именно ЖКО тот работает, режим работы и описала его внешность.

– Только в этот раз Симакова на дело не бери – трус он.

– Это не тебе решать, с кем мне идти на то или иное дело. Твое дело – заниматься тряпками и не лезть в мужские дела.

Галина ухмыльнулась. Она приняла внезапно для него боевую стойку: уперла свои руки в бедра, низко опустив голову.

– Чтобы ты делал без меня, Корнилов? Кстати, у меня вернулся неделю назад свекор, и как бы, между прочим, произнесла она. – Он отмотал целый червонец, от звонка до звонка в Магадане и вот – на воле. Начал меня спрашивать, откуда эти тряпки? Кое – как отвязалась от него.

– Ты сказала? – насторожено поинтересовался Василий. – Это очень важно для меня.

– Я что – дурочка из переулочка! Думаю, что он и так догадался, – ответила Галина.

– Это плохо. Чувствую, запалишь ты нас, Галина. . . .

– Вы сами себя не запалите, соколы. Может, тебе напомнить дом Ленина?

Корнилова передернуло от ее слов. Он отвернулся от нее, замолчал и закурил. Василий встал с дивана и подошел к окну. На улице шел снег, наверное, последний в эту зиму. Он ложился белым покрывалом на деревья, крыши домов, делая их невероятно красивыми и сказочными. Но, Корнилову, было не до природных чудес, в голове его зрел план разбойного нападения на завхоза ЖКО. В этот раз все должно пройти гладко и, наверное, права Галина, чтобы он не брал собой Симакова.

Василий отошел от окна и, взглянув на Галину, стал быстро одеваться. По дороге в ЖКО, он захватил с собой Алексея. Он не стал рассказывать Бабаеву о плане налета и сейчас, шагая рядом с ним по улице, Корнилов молил Бога, чтобы тот послал ему удачу в этом деле.

***

Максимов рукой толкнул входную дверь и столкнулся лицом к лицу с Хрящом.

– Привет, пропавший, – в полголоса поздоровался с ним

Павел. – Может, расскажешь, где все это время был.

– Здравствуйте, начальник, – поглядывая по сторонам, ответил Хрящ. – Обстоятельства так сложились, что пришлось на некоторое время покинуть родной и любимый город. Думаю, что сейчас не время здесь «базарить».

– С кем ты сейчас «толкаешься», Хрящ? Мне интересно....

– Клавку с Большой улицы знаешь? Вот там я пока и кантуюсь.

– Хорошо. Тогда завтра в два на Петрушке, в пивной «Прибой», в два дня.

Они разошлись в разные стороны. Павел проводил его взглядом и, обходя стороной лужи, медленно направился на остановку трамвая. Два дня назад Максимов почувствовал сильную боль в правой ноге. Вечером, осматривая ногу, он увидел, что у него открылась, полученная на фронте, рана, которая стала гноиться.

«Только этого сейчас мне не хватало», – подумал Павел, осматривая бедро.

Эта рана стала напоминать о себе полгода назад. Тогда хирург, осмотрев ее, предложил Павлу удалить осколок, который застрял у него в бедре еще в сорок первом и только по истечении нескольких лет стал беспокоить Максимова.

– Доктор! Может, без операции обойдусь, ведь у многих моих товарищей осколки без всяких операций выходили из тела.

– У кого как, – неопределенно ответил хирург. – Может, и у вас выйдет, а может, и нет. Он у вас глубоко вошел в ткани и застрял около крупной артерии. Если начнет двигаться, то может задеть артерию, а это очень опасно.

Тогда он не послушал совета врача и как следствие – рецидив, который вывел его из строя на две недели. Шагая по улице Павел, почему-то в который раз вспоминал свою последнюю встречу с бандитами. То, что это были именно они, он уже не сомневался, внешность этих двоих полностью соответствовала приметам разыскиваемых преступников. Мимо Максимова проследовала «Эмка», обдав его бензиновой гарью и брызгами грязной воды. Павел выругался и снова медленно побрел вдоль дороги. Он не решался перейти на дощатый тротуар, так как тот был менее надежен, чем сама дорога. Сделав несколько шагов, Павел споткнулся и чуть не упал в большую придорожную лужу.

– Мужчина! Вам не помочь? – услышал он позади себя звонкий женский голос. – Я смотрю, вы еле идете.

Павел оглянулся. За ним шла молодая симпатичная женщина лет тридцати. Она мило улыбнулась Максиму и протянула ему руку.

– Спасибо, я как-нибудь сам. Не хочу утруждать вас своей беспомощностью.

– Да, что вы. Вы ведь тоже идете на остановку трамвая, мне это не сложно.

Женщина подхватила Павла под руку, и они продолжили

путь уже вместе.

– Я смотрю, вы не больно разговорчивы, – произнесла женщина. – Вы хоть улыбаться, мужчин, можете?

Максимов улыбнулся.

– Наверное, вы правы, женщина. Вы мне не поверите, но я уже давно не разговаривал с нормальными людьми.

– Что значит, не разговаривали с нормальными людьми? Разве есть у нас не нормальные люди?

– Я работаю в НКВД, а если точнее, в уголовном розыске. У нас там контингент немного другой, – ответил Максимов, чувствуя, как кровь прилилась к его щекам.

– Тамара, – представилась она ему. – А вас как звать, товарищ сыщик?

– Павел, – ответил Максимов и протянул ей руку.

– Судя по вашей рубашке, вы не женаты Павел? – спросила его Тамара. – Так на работу ходить нельзя. Вы же представляете власть, а она должна быть чистой и надежной.

Максимов стеснительно спрятал рукав рубашки в пиджак.

– Извините меня, Тамара, мне нужно на работу, – произнес Павел, стараясь вежливо отделаться от женщины.

Он хотел ускорить свой шаг, но сильная боль в бедре не позволила ему это сделать.

– Вы не обижайтесь на меня, Павел. Я не хотела вас обидеть.

– Я не обиделся на вас, Тамара. Вы правы, нужно было давно поменять рубашку, а я все хожу в ней.

– А где вы живете, Павел? – спросила его Тамара.

Он назвал ей улицу и дом. Пожав ей руку и поблагодарив ее за помощь, он сел в подошедший трамвай и поехал домой.

***

Алексей Бабаев поднял воротник своего полупальто и посмотрел в сторону Корнилова, который стоял на углу дома и делал вид, что рассматривает что-то в витрине продуктового магазина. Несмотря на весеннюю оттепель, этот вечер выдался довольно холодным.

– Когда он выйдет, – шептал Василий, наблюдая за Алексеем, который должен был подать ему условный сигнал при выходе завхоза их дверей ЖКО.

Время шло, а тот все не выходил.

«А может, он вышел через запасной выход? – подумал Василий. – Мы же не проверяли, есть он или нет».

Он сунул руку в карман и достал папиросы. Недалеко от Корнилова остановился милицейский «черный воронок» с красной полосой вдоль борта фургона. Василий с опаской посмотрел на сотрудника милиции, который насвистывая веселую мелодию, направился в магазин. Он прошел мимо Корнилова, обдав его запахом одеколона «Шипр», даже не посмотрев в его сторону.

«Может, перенести налет? – неожиданно для себя подумал Василий. – А в прочем, посмотрим».

В какой-то момент Корнилов почувствовал, как у него

вспотела рука, сжимавшая рифленую рукоятку «Парабеллума». Милиционер был в магазине недолго. Он вышел из дверей и, махнув кому-то рукой, чуть ли не бегом, направился к «воронку».

«Нервы, Вася, нервы», – стараясь успокоить себя, подумал Корнилов.

Завхоз, словно услышав размышления Василия, вышел из дверей ЖКО. Оглянувшись по сторонам, он уверенным шагом, направился в сторону стоявшего у магазина Корнилова. Позади завхоза пристроился Алексей, который то и дело бросал свой взгляд на Василия.

– Гражданин! – обратился к нему Корнилов. – Мы из уголовного розыска. Вам нужно проследовать с нами.

Лицо завхоза побелело и это не ускользнуло от глаз Василия, придав ему уверенности.

– На каком основании? – тихо спросил он Корнилова. – У вас что, есть санкция на арест?

– Много вопросов задаете, товарищ. Придем на место, там все и узнаете. Там я вам покажу не только санкцию на арест, но и на обыск вашей квартиры.

Мужчина хотел броситься бежать, но, почувствовав, как ему в спину уперся ствол пистолета, как-то сразу сник.

– Не дергайся, папаша! Наделаю дырок, не заштопаешь, – тихо произнес Корнилов. – Дыши ровнее и все будет хорошо.

«Кто это? Налетчики или действительно сотрудники уголовного розыска, – подумал завхоз. – Сейчас дернешься и

действительно наживешь кучу неприятностей».

– Хорошо, – не совсем уверенным голосом, ответил завхоз, – я готов с вами пройти в отдел милиции. Вы из какого отдела?

– Мы из госбезопасности и поменьше вопросов. Вы пойдете туда, куда я вам скажу. Запомните, шаг в сторону, прыжок на месте, считается как попытка к бегству. А за это сами знаете, что бывает! Идите за мной, а ты, Алексей, будь внимательней, если что – стреляй.

Они свернули в переулок и, обходя громадные лужи, направились в сторону «Горбатого моста» через реку Казанку.

***

Стало быстро темнеть. На улицах города зажглись фонари, тусклый свет которых делал дома и заборы неестественными – темными и кривыми. Неожиданно, шедший впереди Василия, завхоз, остановился.

– Куда вы меня ведете, товарищи? Кто вы? Я не пойду дальше! – возмущенно закричал мужчина, стараясь привлечь к себе внимание прохожих. – Четвертое отделение милиции находится вон там!

Один из прохожих, услышав эти возмущенные мужские крики, остановился и направился в сторону Корнилова.

– Вам что нужно? – спросил его Василий. – Проходите, мы из уголовного розыска. Вопросы еще есть?

Прохожий несколько секунд потоптался на месте и напра-

вился дальше.

– Не шуми, папашка! – тихо произнес Бабаев, отчего его голос прозвучал еще зловеще. – Ты пойдешь туда, куда тебе прикажут, а то....

Завхоз сейчас уже ни капли не сомневался, что это не сотрудники уголовного розыска, а, скорее всего, бандиты. От этого осознания ему стало очень тоскливо и страшно.

– Что вам от меня нужно? – спросил он Корнилова.

От волнения, охватившего Василия, его правый глаз стал еще больше косить, отчего его лицо приобрело какое-то зловещее выражение.

– Жить хочешь? – вопросом на вопрос ответил его Василий. – Если хочешь, придется расстаться с «рыжьем». Поверь, что оно не стоит твоей жизни. Отдашь тихо, смиренно и мы красиво разойдемся.

– Вы, наверное, ошиблись, товарищи, – ответил мужчина. – У меня нет никакого золота, я – простой завхоз в ЖКО.

– Ну, раз нет, тогда мы убьем тебя прямо здесь. Зачем ты нам без золота.

Бандит достал из кармана пистолет и приставил его к голове жертвы. У завхоза по спине побежали мурашки, а затем он почувствовал, как его потянуло в туалет. Тяга была столь большой, что он еле сдерживал себя, чтобы не выложить содержимое кишечника прямо в штаны. Сухо щелкнул взведенный курок.

– Не убивай, я все отдам, – скорее простонал, чем произ-

нес мужчина. – Разрешите мне сходить в туалет. Я еле сдерживаю себя.

– Валяй, – произнес Алексей Бабаев. – Мы подождем. . . .

Завхоз открыл входную дверь в дом и, нащупав рукой выключатель, зажег свет. Налетчики прошли следом за ним и бегло осмотрели комнаты.

– Давай свое золото, – произнес Корнилов. – Чего смотришь? Не понял что ли, о чем я говорю.

Хозяин подошел к комоду и взял в руки шкатулку.

– Вот берите, – произнес он и выложил из нее два обручальных кольца и простенькие сережки. – Можете убивать, больше ничего у меня нет.

Корнилов ударил его в лицо рукояткой пистолета. Завхоз, молча, схватился руками за окровавленное лицо и повалился на пол. Алексей достал из-за голенища сапога финский нож и ударил хозяина дома в бедро.

– А,а,а! – закричал хозяин дома и, забыв на время о разбитом лице, схватился за бедро.

– Тащи веревку, будем вешать, – громко приказал Василий Бабаеву. – Что! Решил поиграть с нами, ну, давай, поиграем. Посмотрим, кто кого найдет. . . .

Корнилов ударил в лицо хозяину дома носком своего сапога, выбив ему сразу несколько зубов.

– А сейчас мы тебя просто удавим и умрешь ты со своим золотом. Зачем оно тебе там, на том свете?

В этот момент в комнату вошел Бабаев, который уже при-

готовил петлю. Он ловко накинул ее на шею хозяина дома и, встав ему на спину ногой, стал затягивать петлю. Лицо мужчины сначала покраснело, а затем стало синеть. В какой-то момент Алексей ослабил петлю и мужчина, скребя ногтями пальцев половые доски, захрипел.

– Может, отдашь золото, и мы тебя тогда убивать не станем, – предложил ему Василий.

Мужчина снова замотал головой.

– Дави! Дави, его суку! – произнес Корнилов.

Мужчина засучил ногами, глаза его готовы были покинуть глазницы.

– Золото! Золото! – закричал Василий, однако мужчина не реагировал на его слова

– Корнил! Он что зажмурился?

Василий плеснул ему в лицо воду из графина. Мужчина застонал и открыл глаза.

– Золото! – крикнул ему в лицо Корнилов.

Хозяин кивнул головой.

– Помоги ему подняться, – приказал он Алексею.

Тот выполнил приказ своего товарища и помог завхозу сесть на стул.

***

Хозяин дома отодвинул ногой в сторону половику и пальцем указал на половую доску.

– Под ней, – с трудом ворочая разбитыми губами, шепе-

ляво произнес он. – Поднимите доску.

Бабаев финкой подцепил доску и сунул в образовавшую щель руку. Там что-то щелкнуло, и Алексей истошно заорал от боли:

– А, а, а! Убью, сука! Все конец тебе!

Он осторожно вытащил окровавленную руку из щели. Не говоря ни слова, он ударил сидящего на табурете хозяина дома ногой в лицо и бросился в сени, где сунул раненную руку в ведро с холодной водой. Корнилов аккуратно сунул руку в щель и нащупал там хитро установленный завхозом капкан. В комнату вернулся Бабаев и снова залепил завхозу оплеуху. Он грязно выругался и посмотрел на Василия.

Корнилов перевел свой взгляд на руку Алексея, которая посинела и опухла. Похоже, удар капкана, по всей вероятности, поломал Алексею пальцы руки. Бабаев снова ударил ногой хозяина дома и когда тот упал на пол, начал его избивать ногами.

– погоди, Леха, а то убьешь! Он нам еще живой нужен.

В этот раз Корнилов, сам сунул свою руку в щель и, нащупав там металлическую коробку, вытащил ее из тайника. Бабаев прекратил бить мужчину и, словно ворон, буквально навис над Корниловым. Василий осторожно открыл коробку. В лучах электрической лампы сверкнули изделия из золота.

«Вот оно, – подумал Корнилов. – Теперь можно и в теплые края».

Василий, молча, сунул коробку за пазуху и посмотрел на

хозяина дома, который очнувшись, тихо стонал на полу.

– Кончай его, Леха! Он видел наши лица и, наверняка, «сошьет» нас операм, – тихо произнес Корнилов. – Впредь нужно будет ходить на дело в масках, чтобы не убивать «терпил».

– Вы же обещали, – прошептал опухшими губами завхоз. – Вы обещали...

Он заплакал. Крупные мужские слезы, словно горошины, выкатывались из его глаз, которые он вытирал своими испачканными в крови руками.

– Обещать – еще не жениться, – громко засмеялся Василий. – Разве ты этого не знал?

Корнилов вышел в соседнюю комнату и, отодвинув в сторону занавеску, посмотрел в окно. Мимо дома проходили люди, не подозревая, что в нем находятся налетчики. До слуха Василия донеслись сдавленные стоны, а затем все затихло. В комнату вошел Бабаев и вытер финку о скатерть.

– Все, Корнил, можно идти. Он сейчас уже на небе беседует с Богом.

Улица встретила их сильным и холодным ветром.

– Ну и завернуло, – тихо произнес Алексей, поднимая воротник полупальто. – Еще час назад была весна, а сейчас – осень.

Он мерзкой погоды пешеходный тротуар стал, как каток. Редкие прохожие в этот хмурый вечер не шли, а с трудом скользили вдоль домов, чудом сохраняя равновесие. Впере-

ди Василия и Алексея по тротуару шла супружеская пара: элегантно одетый мужчина и женщина. Крайне миловидная женщина левой рукой поддерживала мужчину, у которого была загипсована правая нога. Мужчина с трудом шел на костылях, на его угрюмом, опухшем лице отчетливо выделялись синяки. Костыли мужчины постоянно скользили, и женщина с трудом удерживала его от падения. Бабаев засмеялся и рукой указал Василию на пару.

– Вот она – интеллигенция хренова, – произнес он и снова засмеялся.

– Чего ржешь, как лошадь! – резко произнес Корнилов. – Уччу, уччу, а ты – все дурак, Леха.

Бабаев сверкнул глазами от злости, но промолчал.

«Никогда не привлекай к себе внимания», – вспомнил он один из уроков Василия.

У идущей впереди женщины было отличное настроение, и она с хохотом что-то рассказывала мужчине:

– У Катьки муж и стирает и гладит, сам готовит, делает всё, а она недовольна, позавчера за пустяк Николаю кастрюлю со щами на голову надела. Вот гадина какая!

Мужчина криво ухмыльнулся.

– А у Люльки Федька лежит на диване, то читает, то голубей гоняет. Она вчера выбегает развешивать бельё, такая весёлая, чуть не пляшет. Спрашиваю, Люся, что с тобой, а она говорит мне, сегодня Федя улыбнулся.

Мужчина только в очередной раз ухмыльнулся. Они по-

равнялась с продуктовым магазином. Женщина, с нежностью глядя в лицо мужчине, сказала:

– Тебе бутылочку купить?

Мужчина резко остановился, дико посмотрел на женщину и, поднёся к её лицу два растопыренных пальца, задавленно прохрипел:

– Две.

Алексей в очередной раз засмеялся и, взглянув на женщину, произнес:

– Все правильно, мужик. Чего дробить....

В этот момент из-за угла показался милицейский патруль.

***

– Молодые люди! Вы, слышите меня! Остановитесь! – окликнул Корнилова и Бабаева один из милиционеров. – Вы что пристаёте к людям?

Заметив, что эти двое, что приставали к мужчине, собираются ретироваться, сотрудник милиции, крикнул им грозным голосом:

– Я кому сказал – стоять!

Корнилов остановился и медленным шагом направился навстречу милиционерам.

– Что вам нужно? – спросил он милиционера, который пытался остановить их. – Никто к мужчине не приставал. Да, я его вижу-то впервые! Зачем он мне?

– Документы! – жестко потребовал милиционер, что был

повыше ростом.— Что у вас там за пазухой?

Алексей Бабаев внимательно наблюдал за Василием. Он обратил внимание на лицо своего товарища, которое стало каким-то неестественным, похожим на белую восковую маску. Он сразу понял, что ситуация начинает выходить из-под их контроля.

— Слушай, сержант! Ты что пристал к мирным гражданам! — специально громко произнес Бабаев, стараясь переключить внимание милиционеров с Корнилова на себя. — Идем, никого не задеваем и вот, пожалуйста — предъявите документы. Мы кто — фашисты что ли?

Милиционер взглянул на Бабаева, и в уголках его тонких губ промелькнула едва заметная ухмылка. Ему явно не понравилась реплика этого подростка.

— Что не понятно? Документы покажите, — с угрозой в голосе приказал им сержант.

Когда Корнилов полез за пазуху, сотрудник милиции снова спросил его:

— Что у вас там? Что ты там возишься, словно у тебя там слиток золота. Давай, доставай!

Неожиданно для всех Бабаев выхватил из кармана револьвер и выстрелил в сержанта. Милиционер, схватившись за живот, начал медленно оседать на землю. Второй милиционер попытался расстегнуть кобуру, но Василий ударил его в шею ножом, решив тем самым проблемы с сотрудниками милиции. Обезумевший от всего этого ужаса, стоявший неда-

леко от них мужчина закричал каким-то тонким пронзительным голосом:

– Спасите! Убивают! Караул! Милиция!

Бабаев вторым выстрелом добил раненного милиционера и посмотрел на Корнилова, ожидая от него дальнейших указаний. Василий размахнулся и всадил по самую рукоятку в грудь мужчины свой остро отточенный нож. В этот момент из дверей магазина вышла женщина и, увидев окровавленные тела на мостовой, закричала:

– Караул! Убили!

Она бросилась к мужчине, пытаясь поднять его с земли.

Бабаев выстрелил в лиц женщины. Она выронила из рук бутылки с водкой и рухнула на мостовую.

– Уходим! – громко выкрикнул Корнилов и метнулся в ближайший переулок.

На повороте Василий поскользнулся и, споткнувшись о поребрик, растянулся на мостовой. Коробка с золотыми изделиями вылетела из его рук и покатила по схваченной морозом мостовой.

– Коробка! – закричал Василий. – Хватай ее, я прикрою!

Бабаев подхватил коробку и сунул ее почему-то в руки Корнилова. Где-то вдалеке послышались трели милицейских свистков, которые с каждой секундой становились все громче и громче.

– Давай, во двор! – крикнул Василий. – Чего стоишь, замерз что ли?

Чуть не сбив с ног женщину, они буквально влетели в небольшой двор. Бабаев быстро взобрался на крышу сарая и, протянув руку Василию, помог тому подняться. Вскоре они оказались за три улицы от места преступления. Дождавшись трамвая, они на ходу запрыгнули на заднюю площадку.

– Встретимся завтра в восемь вечера, – произнес Корнилов и на ходу спрыгнул с трамвая.

Махнув рукой Бабаеву, он повернулся и направился в сторону дома.

***

– Ты знаешь, что вчера бандиты убили двух сотрудников милиции? – спросил Максимова Лосев. – Чего молчишь?

– Да, я в курсе этого преступления, – ответил Павел. – Почему вы меня об этом спрашиваете, Геннадий Алексеевич?

– Как почему? Это же ты работаешь по этой банде, вот я тебя и спрашиваю?

Максимов усмехнулся и посмотрел на Лосева, в глазах которого светились недобрые огоньки.

– Геннадий Алексеевич, по этой банде работает весь наш отдел по борьбе с бандитизмом. Во-вторых, погибли не только сотрудники милиции, но был еще убит завхоз ЖКО Хмуров и еще двое: мужчина и женщина. Я, думаю, что они сначала убили этого Хмурова во время разбоя, а затем убили сотрудников милиции, которые их остановили на улице.

Лицо Лосева было словно вырублено из камня – ни один

мускул на его лице не дрогнул. Он, не мигая, смотрел на Павла, словно искал какой-либо изъян в его одежде.

– Ты знаешь, Максимов, – тихо произнес начальник ОББ, держа пальцами пуговицу на пиджаке Павла, – меня мало интересует последовательность совершенных бандой преступлений. Меня интересует то, что в городе более года действует устойчивая преступная группа, но ты так и не можешь выйти на нее. Если ты так будешь работать, то скоро они перебьют все жителей города.

Он явно провоцировал Максимова на скандал, но Павел пересилил свое желание жестко ответить этому человеку и, виновато улыбаясь, ответил:

– Геннадий Алексеевич, я не буду оправдываться перед вами, но это глубоко законспирированная группа. У них нет никаких контактов с местными урками, они не сбывают вещи с налетов в городе.... Если я не могу выйти на них, может, вы подскажите, как это делается.

Лосев махнул рукой, как обычно отмахиваются от назойливой мухи.

– Прекрати! Все я это слышал от тебя не раз. Ты мне факты давай, Максимов, а не сказки по белого бычка рассказывай. Я сам тебе таких сказок могу наговорить, на целую книгу.

– Геннадий Алексеевич, мы с вами взрослые люди, давайте говорить напрямую. Что вы все кругами ходите! Я, что в отделе один работаю? Да, вы сами меня, куда толь-

ко не включаете! Вот, к примеру, две недели назад вы меня отправил помогать «тряпичникам». Скажите, какое отношение я имею к имущественным преступлениям? До этого – две недели в составе комиссии проверял паспортный режим.... Вы же сам мне не даёте заниматься этой бандой. Вы о ней вспоминаете только тогда, когда они совершают очередной налет.

Лосев явно не ожидал этого от своего подчиненного. Он отпустил его пуговицу и, срываясь на крик, заговорил, брызгая слюнями:

– Вон ты, как заговорил, Максимов! Выходит, я во всем виноват! Значит, это я тебе работать не даю! Ты отдаешь себе отчет, в чем ты обвиняешь меня, своего начальника?

– Я этого не говорил, – отступая под натиском Лосева, ответил Павел. – Я лишь сказал о том, что вы часто отвлекаете меня для решения несвойственных для нашего отдела задач.

Лосев сел на стул и расстегнул верхние пуговицы у форменной гимнастерки. Он тяжело вздохнул и, не глядя на Максимова, продолжил:

– Правильно меня о тебе предупреждал в свое время начальник отдела кадров, что ты – сложный человек. Вот теперь я сам в этом убеждаюсь. Трудно нам будет с тобой работать, Максимов. Да и здоровье у тебя подкачивать стало, а здесь работать нужно – засады, обыска и тому подобное.

– Что вы там все крутите, товарищ Лосев. Насколько я вас понял, вам нужен стрелочник...

– Иди в кадры, там все узнаешь, Максимов. С завтрашнего дня ты работаешь в «тряпичном» отделе. ООБ больше не для тебя. Кстати, ты больше и не старший оперуполномоченный, там у них в отделе это должность уже занята.

Лосев смотрел, не отрываясь на Максимова, наслаждаясь своей окончательной победой. Сегодня утром Геннадий Алексеевич вместе с начальником Управления уголовного розыска были вызваны к комиссару министру внутренних дел республики, который проинформировал их о том, что в Москве руководство Министерства государственной безопасности СССР крайне озабочено оперативной обстановкой в республике – в частности, серией разбойных нападений на склады и жилища граждан.

– Товарищ комиссар второго ранга, сотрудники уголовного розыска делают все, чтобы выйти на участников группы, – произнес начальник ОББ.

– Я это уже слышал, товарищ Лосев. Работать тоже можно по-разному. Кто у вас конкретно занимается этой проблемой?

Комиссар посмотрел на Лосева, ожидая от него фамилии конкретного исполнителя.

– Капитан Максимов, товарищ комиссар второго ранга, – ответил Лосев.

– Максимов? Этот тот капитан, которому недавно вкатили выговор?

– Так точно.

– Я думал, что вы сняли его с этого дела, а он оказывается, все еще работает. Переведете его на другое направление, а там посмотрим. И еще, товарищи, к нам из Москвы выезжает группа для оказания практической помощи. Пусть поработают, почистят город. Окажите им помощь, товарищ Лосев. Если вопросов нет, свободны товарищи.

Лосев шел по коридору и радовался принятому комиссаром решению. Месяц назад начальник отдела кадров наркомата в беседе с ним, как бы, между прочим, оговорился, что не исключено, что Максимова могут назначить на должность заместителя начальника отдела. Эта новость была воспринята Геннадием Алексеевичем, как звонок о возможном дальнейшем росте его подчиненного. Для того чтобы исключить подобный служебный скачек подчиненного, он решил подставить его под комиссара, что только и произошло у наркомата.

Геннадий Алексеевич ухмыльнулся, глядя на растерянное лицо Максимова.

– И еще, приказ подписан наркомом и поэтому, думаю, что тебе не стоит его оспаривать.

– Это не вам решать, товарищ Лосев, тем более, что вы – уже не мой начальник.

Павел вышел из кабинета и, достав папиросы, закурил. Внутри его все клокотало от негодования.

«А может, все к лучшему, хоть дома буду чаще», – подумал он и направился к выходу.

***

Галина Морозова сидела за столом и примеряла кольца и серьги, которые принес несколько дней назад Василий. Неожиданно входная дверь широко распахнулась, и в комнату вошел Корнилов. Увидев золотые изделия на руках и в ушах сожительницы, он нахмурил лицо. Ему явно не понравилась затея Галины с примеркой золотых изделий.

– Я же тебе уже говорил, чтобы ты как можно быстрее избавилась от этих безделушек! А ты, словно, маленькая девочка, все играешь и играешь, как будто наглядеться на них не можешь?

Галина, молча, открыла коробку и сгребла в нее кольца и серьги. Отложив ее в сторону, посмотрела на сожителя, который глотал жадными глотками воду из металлического чайника. Поймав на себе ее взгляд, он поставил его на стол и, вытирая тыльной стороной ладони губы, направился к дивану.

– Ты когда поедешь в Зеленый Дол? Ребята просят деньги за тряпки.

– Подождут, – грубо ответила Галина, пряча коробку в подтопку печи. – Все равно все деньги пропьют. Какая разница – днем позже или раньше.

– Я что-то тебя не понял, что значит, подождут? Мы так не договаривались! – со злостью произнес Корнилов. – Я обещал им, а своих слов я на ветер не бросаю.

– Ты что, русского языка не понимаешь, Василий? Могу еще раз повторить... Я же не сижу целыми днями дома, как появится свободное время, так и поеду.

– Что будем делать с золотом? – спросил Василий Галину. – Сбрасывать его нужно, как можно быстрее.

Она посмотрела на него и улыбнулась. Похоже, ей очень не хотелось расставаться с этими кольцами и серьгами.

– Думаю, что нужно все это сдать оптом, – произнесла она. – Если будем сдавать поштучно, то можем запалиться. У меня знакомых среди ювелиров нет, так что сами ищите, может, и найдете.

Накануне Галина отпросилась на работе и утром уехала в Зеленый Дол. Она постучала в дверь, а затем, толкнув ее, вошла в дом свекрови.

– Кто там? – услышала она голос свекра.

– Это я, Галина. А где Нина Ивановна?

– Ушла в магазин, – ответил свекор, выходя в сени. – Зачем приехала? Опять «барахло» привезла?

– А что вы мне допрос здесь устраиваете, Матвей Гаврилович, словно прокурор? Идите, отдыхайте, мы сами здесь без вас разберемся.

– Не крути, Галина, – с угрозой в голосе, произнес свекор. – Ты думаешь, я не догадываюсь, какие это тряпки ты сюда привозишь.

– И какие такие тряпки я к вам привожу, Матвей Гаврилович? Оттого, что вы догадываетесь мне не тепло и не хо-

лодно.

Она посмотрела на свекра. Взгляд Матвея Гавриловича был настолько тяжелым, что она отвела свои глаза в сторону. В этот момент в дом вошла Нина Ивановна.

– Как добралась, Галина? – поинтересовалась свекровь у снохи. – Ну, сегодня и погодка.

– Спасибо, Нина Ивановна, с божьей помощью.

Они прошли в комнату, и хозяйка стала накрывать на стол. Матвей Гаврилович свернул сигарку и закурил. Он по-прежнему не сводил с них свой взгляд. Нина Ивановна вытащила из-под стопки белья небольшой сверток и положила его на край стола. Галина быстро сунула его в сумку.

– Есть золотишко, – произнесла она буднично. – Желаящие приобрести есть?

– Смотря, какое золото, – произнес Матвей Гаврилович, – и что за металл. А то, может, это все из «цыганского золота» сделано.

– Кольца, браслеты, серьги, подвески.... Короче, много всякого....

Нина Ивановна промолчала. Она быстро разлила чай по чашкам, а затем поставила на стол небольшую вазочку с вишневым вареньем.

– Надо подумать, – произнесла хозяйка. – Время сейчас больно не хорошее. Сама знаешь, что за такие вещи бывает.

– Вот ты мне скажи, Галина, где ты нашла такого ухаря, что он тебе «рыжье» таскает? – спросил ее свекор.

– А это – не ваше дело, Матвей Гаврилович. Много будете знать, плохо будете спать.

Лицо хозяина вспыхнуло, но его вовремя остановила супруга.

– Тебе что старый хрен нужно? Где, кто – это тебе зачем?

Хозяин хитро улыбнулся.

– Я, может, тоже хочу вот так, как они, пожить с размахом, – произнес Матвей Гаврилович. – У меня есть хороший денежный адресок в Казани. Я сам хотел бы им воспользоваться, но болен. Старость сказывается.

– Галина, остальные деньги верну где-то через неделю.

Все засмеялись. Галина встала из-за стола и, поблагодарив хозяев за угощение, направилась к двери.

***

Максимов возвращался домой. Он невольно обратил внимание на ярко освещенные окна своего дома.

«Почему на окнах нет занавесок? – первое, о чем подумал он. – Неужели Сашка что-то натворил?»

Павел открыл калитку и вошел во двор. На натянутых между деревьями веревках висело выстиранное кем-то белье. Он потрогал его, оно еще было влажным.

– Сашка! Это кто нам настирал белье? – спросил Максимов, переступив порог дома.

– Приходила твоя знакомая – тетя Тамара, вот она и постирала белье. А что? Она сказала мне, что тебя хорошо зна-

ет и что ты сам попросил ее выстирать белье.

– Тетя Тамара, говоришь? – произнес он, прикидывая в голове, какая это может быть тетя Тамара. – Сынок, а как она выглядит?

– Папа, ты шутишь? Тетя Тамара сказала мне, что вы последний раз виделись неделю назад. Вы вместе с ней встретились на улице Большой и вместе шли на остановку трамвая «Петрушкин».

Максимов невольно улыбнулся, вспомнив симпатичную женщину, которая обратила внимание на его нестиранную рубашку. Он тогда и предположить не мог, что она придет к нему домой и устроит уборку и стирку.

– Папа! Тетя Тамара просила тебе передать, что она придет к нам в гости в воскресенье. Пап! А она красивая и добрая, как наша мама.

Павел прошел на кухню и снова был приятно удивлен, на керогазе стояла полная кастрюля наваристых щей.

– Сынок, кто это наварил нам щей?

– Тетя Тамара. Я уже ел, папа, вкусно.

Максимов налил в тарелку щи и сел за стол. Мысленно он был благодарен этой совсем незнакомой ему женщине за заботу, но что-то настораживало его, и эта настороженность была памятью о жене.

«Как же так, Павел? – невольно спросил он себя. – Почему ты так быстро забыл ту, что ждала тебя с фронта?».

Какая-то резкая боль прострелила его сердце. Он протя-

нул руку и, достав из пачки папиросу, закурил. Встав из-за стола, он подошел к окну. Там за стеклом было темно и от этой темноты ему вдруг стало необычайно грустно. От этих грустных мыслей его отвлек голос сына:

– Папа! Завтра родительское собрание, ты пойдешь в школу?

– Не знаю, сынок, как получится.

Загасив папиросу в пепельнице, Павел направился в комнату.

***

Корнилов и Бабаев шли за солидным мужчиной, который, словно чувствуя нависшую над ним опасность, то и дело останавливался и оглядывался назад. Он был высоким, поджарым, с явной армейской выправкой. Его светлые, редющие волосы были зачесаны назад, а холеные руки свидетельствовали о его непролетарском происхождении. Вот и сейчас он остановился и, поправив узел галстука, оглянулся назад.

«И что он все время дергается? – со злостью подумал Василий, наблюдая за Антоновым. – Неужели опасается кого-то?».

Вчера вечером об Антонове ему рассказала Галина. Со слов ее свекра, он принимал непосредственное участие в реализации конфискованных у «врагов народа» ювелирных изделий и предметов старины. Сегодня Антонов должен был встретиться с человеком, который был готов приобрести

несколько золотых изделий, представляющих большую историческую ценность.

Из-за угла дома появился мужчина в соломенной шляпе. Он был небольшого роста с солидным животом. Короткие ноги и большая голова делали его похожим на клоуна из местного цирка «Шапито», что раскинул свой шатер рядом с парком «Черное озеро». Мужчина приподнял шляпу, как бы здороваясь с Антоновым, и неторопливой походкой направился в сквер. Оглянувшись еще раз назад, тот последовал вслед за ним. Они присели на лавочку и стали о чем-то говорить.

Корнилов, взглянув в сторону Бабаева, неторопливым шагом прогуливающего человека, направился в сторону Антонова. Мужчины, не обращая внимания на приближающегося к ним Василия, продолжали мирно беседовать.

– Спичек не будет? – обратился Корнилов к мужчинам.

– Нет, – пробубнил Антонов и с подозрением посмотрел на Василия.

Мужчина хотел еще что-то сказать, но замер, не решаясь произнести даже слово. В руках Корнилова был «Парабеллум». Антонов побелел, его руки мелко задрожали то ли от внезапно охватившего его страха, то ли от волнения.

– Давай, вытряхивайте все, что есть в карманах! – приказал он мужчинам. – Быстро! Дважды повторять не стану.

– Вы кто такой? – переборов приступ страха, возразил ему Антонов.

Василий, молча, нанес ему удар пистолетом в лицо и когда тот схватился за окровавленное лицо, снова произнес:

– Все из карманов! Третий раз повторять не буду!

Мужчина в шляпе, с опаской взирая на пистолет, молча, полез в карманы пиджака и начал выкладывать на край лавки: бумажник, паспорт, две пачки денег. Корнилов сунул все это в свои карманы и ткнул стволом пистолета в лицо Антонова.

– Ты что не понял, сука? Замоучу!

Мужчина достал из кармана небольшой мешочек из бархата и протянул его Василию.

– Больше у меня ничего нет, – произнес он и, достав из кармана платок, начал вытирать им кровь с лица.

Корнилов вздрогнул, услышав свист Бабаева. Он обернулся и увидел двух сотрудников милиции, которые шли через сквер. Милиционеров заметил и Антонов. Он руками оттолкнул от себя Василия и с криком бросился навстречу им.

– Караул! Грабят!

Корнилов выстрелил и впервые за все время владения оружием понял, что промахнулся. Милиционеры, выхватив оружие, стали обходить Василия с двух сторон. Стрелять они не решались, так как рядом с налетчиком находился потерпевший – мужчина в шляпе.

– Сдавайся! Бросай оружие!

Василий бросил пистолет на землю и медленно поднял руки. В этот момент за спиной милиционера раздался вы-

стрел. Пуля перебила позвоночник сотрудника милиции и тот, словно сломанная сильной рукой игрушка, переломилась в пояснице. Второй сотрудник милиции бросил «Наган» и поднял руки.

– Бежим! – прокричал Бабаев, пряча пистолет в карман пиджака.

Корнилов поднял свой пистолет, передернул затвор и трижды выстрелил в мужчину в шляпе, а затем в сотрудника милиции. Подняв «Наган» застреленного им милиционера, Василий бросился бежать вслед за Бабаевым.

***

Две недели, днем и ночью шла зачистка города. Прибывшие из Москвы офицеры уголовного розыска и госбезопасности просеивали притоны, воровские «малины». В результате операции было задержано более сотни блатных, воров, скупщиков ворованного имущества, однако выйти на след банды никак не удавалось, последние, словно, растворились в городе. Однако, в конце мая в газете «Правда» появилась победная заметка о том, что в Казани ликвидирована банда, которая длительное время наводила страх на жителей города. Все участники данной банды арестованы и находятся под следствием.

Максимов шел по узкому коридору Управления уголовного розыска, держа тонкую папку, в которой лежало оперативное сообщение от Хряща. Павел прикидывал про се-

бя план реализации этого сообщения, когда вдруг чисто случайно столкнулся в коридоре с Лосевым. Эта была их первая встреча после перехода Павла в другой отдел.

– Как дела, Максимов? – поинтересовался у него Геннадий Алексеевич. – Как работа на новом месте?

– Неплохо, – коротко ответил Максимов. – Я смотрю, и у вас вроде все идет хорошо. Читал о ваших успехах. Десятки арестованных.... Думаю, что на орден потянет.

– Язвишь, Павел. Нехорошо как-то. Это – заслуга общая, москвичей и нас.

– Вот и я об этом, Геннадий Алексеевич, слава то ваша. А если бы не было москвичей?

Лосев улыбнулся.

– Вот так нужно работать, Максимов, раз – и нет банды.

– Ну-ну, Геннадий Алексеевич, цыплят по осени считают, – в ответ произнес Павел и направился дальше.

Лосев проводил его взглядом и, повернувшись, направился по своим делам. Павел зашел в кабинет начальника имущественного отдела Яхина Станислава Ивановича и сел напротив его. Максимов, молча, достал из папки сообщение и протянул его начальнику. Тот пробежал по нему глазами и отложил бумагу в сторону.

– Как думаешь брать этого Садыкова? Сколько их пойдет на дело?

– Станислав Иванович, если бы знал, где прикуп, то жил бы в Сочи. Источник сообщил лишь о дате и месте кражи,

разве этого мало? Судя потому, на что наметился Садыков, думаю, что их будет не меньше пяти человек.

– Ты знаешь, Павел, у меня людей нет – все люди задействованы по линии Лосева. Могу выделить тебе лишь Бакатина и этого рыжего, все время забываю его фамилию.

– Коновалов...

– Вот-вот, Коновалова.

– Спасибо и на этом, Станислав Иванович. Разрешите идти, хотел бы подготовить группу к операции.

– Иди, готовь...

Максимов вышел из кабинета и, заметив в коридоре Коновалова, махнул ему рукой.

– Найди Бакатина и ко мне.

В кабинете Максимова было душно. Павел подошел к окну и резким движением распахнул створки. В комнату ворвался уличный шум и потоки свежего весеннего воздуха.

«Скоро лето», – подумал Максимов, рассматривая проходящих по улице людей. Неожиданно взгляд его выхватил знакомую женскую фигуру. Это была Тамара.

***

В этот раз Корнилов готовился к краже основательно: маска, перчатки. Галина указала ему дом, в котором проживал известный в городе врач-стоматолог. Чтобы убедиться в этом, Галина записалась к нему на прием.

– Вы знаете, голубушка, у вас довольно приличные зубы.

Зачем вам эта золотая коронка? Обтачивать здоровый зуб мучительно больно и неприятно.

– Простите меня, Иннокентий Моисеевич, но мне очень хочется золотую коронку. Деньги у меня есть, и я готова заплатить вам любую цену.

Стоматолог посмотрел внимательно на Галину, а затем перевел свой взгляд на руки женщины, пальцы которой были унизаны золотыми кольцами.

– Хорошо, гражданка Морозова. Я пойду вам навстречу. Вы сами догадываетесь, что это сделать в условиях городской больницы я не могу.

Он подошел к двери и приоткрыл ее, за ней никого не было.

– Приходите завтра ко мне домой. Вот мой адрес, – произнес Иннокентий Моисеевич, записывая на листочке название улицы и дом. – Думаю, что наша договоренность останется нашей маленькой тайной.

Вечером Галина постучала в массивную дверь дома стоматолога. Ей долго никто не открывал, и когда она решила направиться в обратную сторону, дверь неожиданно открылась.

– Здравствуйте, это – я, – тихо произнесла Галина. – Вот я и пришла.

Иннокентий Моисеевич пропустил мимо себя женщину и, убедившись, что около дома никого нет, плотно закрыл за собой дверь.

– Проходите, голубушка, – любезно произнес хозяин и, взяв под руку гостью, направился с ней в зал. – Присаживайтесь. Вы по-прежнему хотите золотую коронку или уже передумали?

– Пока не знаю. Вы – специалист и я рассчитываю только на ваш добрый совет.

Стоматолог улыбнулся. Ему нравилась эта женщина, но больше всего его привлекали ее золотые изделия.

– Вы знаете, Галина, я бы не хотел, чтобы наши теплые взаимоотношения были связаны с моей профессиональной деятельностью. Как вы смотрите на то, чтобы завтра провести, а вернее скоротать этот теплый летний вечер в каком-нибудь ресторане?

Морозова подарила ему обворожительную улыбку.

– Вы знаете, Иннокентий Моисеевич, я – женщина свободная, меня ничего и никто не держит. Насколько свободны вы?

Хозяин таинственно улыбнулся.

– Я женат, но не живу с женой более года. Вы знаете, Галочка, прошла любовь, мы разные с ней по темпераменту, по взглядам на жизнь... Я могу стать абсолютно свободным в любое время.

Галина поднялась из-за стола и стала с интересом рассматривать висевшие на стенах картины.

– Между прочим, все картины подлинные. Не правда ли, они обворожительны?

Женщина засмеялась и погрозила Иннокентию Моисеевичу своим красивым пальцем.

– Показывайте, что вы еще храните в своих закромах? Ужасно люблю дорогие и красивые вещи.

– А что вас интересует, Галочка, живопись, ювелирные изделия?

– Все, – ответила она и звонко засмеялась. – Мне все интересно. Я очень любопытная.

Прошло двадцать минут, и Галина стала прощаться.

– И что вы решили, голубушка? – поинтересовался он у нее. – Будем, ставить коронку или нет?

– Вы знаете, Иннокентий Моисеевич, я действительно решила еще раз подумать, – ответила Галина.

Похоже, что ответ женщины просто шокировал его.

– Хорошо, подумайте, голубушка. Адрес – знаете. Заходите.

Она вышла из дома и, оглядевшись по сторонам, медленно направилась к калитке.

***

Корнилов достал из кирзовой сумки банку с кислотой и стал обрабатывать кисточкой раму окна. Он хорошо знал, что используемая им кислота размягчает замазку, и этот прием позволил бы им легко снять из рамы стекла и проникнуть внутрь дома. Закончив свою работу, Василий сунул банку обратно в сумку. Неожиданно для него входная дверь дома

открылась, и во двор вышел Иннокентий Моисеевич. Внутри Корнилова что-то екнуло и он, бросив сумку, устремился к забору. Он быстро преодолел препятствие и оказался на улице. Хозяин дома подошел к сумке и, открыв ее, обнаружил в ней банку с характерным запахом кислоты.

«Похоже, что кто-то решил «обнести» мой дом, – решил он и быстро вернулся обратно. – Что делать?»

Иннокентий Моисеевич не относил себя к мужественным людям и, оставив сумку дома, поспешил на работу. По дороге он заскочил к своему старинному приятелю и, сбиваясь, начал ему рассказывать о своей находке.

– Понимаешь, Садык, – произнес он, – обидно. Я вам помогаю, а ваша шпана решила «обнести» мой дом. Как же так, Садык?

– погоди, стоматолог, не гони волну. Надо разобраться, перетереть с авторитетными людьми... Я же не «пахан», чтобы вот взять и решить этот вопрос.

– Пока ты будешь там перетирать, я останусь гол, как сокол. В милицию я обращаться пока не стану – будет слишком много вопросов.

– Ну, хорошо! Я сам постараюсь отрегулировать эту тему. Жди, вечером буду у тебя.

Вечером Садык и двое его товарищей были у Иннокентия Моисеевича. Они расселись на диване и стали ждать «гостей», которые должны были пожаловать, по мнению Садыка.

– А, может, не придут? – тихо спросил его хозяин дома.

– Придут. А иначе, зачем все это мутить. Через сутки замазка снова станет каменной, поэтому должны прийти.

Иннокентий Моисеевич попытался в темноте рассмотреть лицо своего гостя, но ничего не увидел.

– Ты куда? – спросил его гость, когда хозяин встал из-за стола. – Сиди!

– Включить свет, – словно оправдываясь перед ним, тихо ответил стоматолог.

– Не дергайся. Здесь я – командир.

– Как скажешь, – ответил Иннокентий Моисеевич, опускаясь на стул.

Время приближалось к полночи, когда они уловили легкий шорох за окном. Садык достал из кармана пиджака «Наган» и взвел курок. Легкий ветерок, словно не видимая рука, приподнял легкую штору. Они услышали, как шелкнул шпингалет и окно распахнулось. В окно осторожно влез человек. Неожиданно в комнате вспыхнул свет. На какие – то доли секунды он буквально ослепил всех.

Иннокентий Моисеевич вскочил из-за стола и в этот миг раздался выстрел. Хозяин дома, схватившись за грудь, повалился на стол, стащив с него скатерть и хрустальную вазу. Садык выстрелил в темноту, но, похоже, промахнулся, так как мужчина, сделав цирковой трюк, буквально нырнул в оконный проем. В темноте засверкали вспышки выстрелов. Раздался чей-то крик и все стихло.

– Садыков! Выходи, дом окружен! – раздалось из темноты.

– Кто это приказывает мне? Не, ты ли, Максимов?

– Угадал. Это я – Максимов! Ты меня знаешь. Сдавайтесь, а иначе через минуту начнем штурм!

Дверь дома распахнулась, и на крыльцо с поднятыми руками вышел сначала Садыков, а затем двое его товарищей.

– Бросай оружие! – скомандовал Максимов.

Когда оружие оказалось на земле, оперативники быстро сковали им руки наручниками и стали ждать «воронок» для доставки их в уголовный розыск.

***

Корнилов сидел на заднем сиденье автомобиля и стонал от боли.

– Потерпи, Корнил, скоро доедем. Там тебя быстро залатает доктор. Правда, он – ветеринар, но все равно – доктор, – бубнил под нос Симаков. – Терпи, уже скоро.

Водитель такси с жалостью посмотрел на бледное лицо Василия. Это был его первый выезд на дело, и пока он еще плохо понимал, что там произошло в доме.

– Игнат! Ну, что ты плетешься, словно, осенняя муха. Ты что не видишь, что Василий истекает кровью, – крикнул ему Петр. – Он просто кровью истечет по дороге!

– Да ты что, сам не видишь, какая здесь дорога? Я и так словно птичка порхаю из одной ямы в другую.

Фары автомобиля выхватили из темноты большие зеленые ворота.

– Тормози! Приехали! Лешка, иди, понюхай, – приказал ему Симаков.

Бабаев вышел из машины и направился к дому. Игнат, мужчина средних лет с фигурой молотобойца вышел из машины и, подняв капот, начал швыряться в моторе. Он приходился, каким-то дальним родственником Корнилову и впервые участвовал в бандитском налете. Заметив вышедшего из дома Алексея, он взвалил на себя обмякшее тело Василия и понес его в дом.

– Давай его сюда! – скомандовал мужчина небольшого роста с большой проплешиной на голове, указывая Игнату на большую и широкую лавку, на которой была расстелена лоскутная простынь.

Врач посмотрел на лицо Василия, пощупал пульс и распоров рубашку, попросил Симакова принести ему полотенце, горячую воду, спирт.

– Тебе повезло, парень, – произнес врач. – Пуля пробила мягкие ткани, не задев кость. Сейчас я тебе обработаю рану, и поедешь домой. Не переживай, поправишься.

Корнилов посмотрел на Бабаева. Именно Алексей прикрыл его огнем от оперативников. Василий по-прежнему считал, что нарвался на засаду НКВД, однако, он ни словом не оговорился, что утром он оставил банку с кислотой во дворе стоматолога.

– Василий! Как опера узнали о нашем налете? – спросил его Симаков.

– Что за вопрос? Спроси об этом у них. Странно, мы сорвались, а там еще шла стрельба. Не могли же «мусора» стреляться сами с собой. . . .

– Это ты о чем? – морщась от боли, спросил его Корнилов. – Выходит, что мы случайно нарвались на засаду?

В комнате повисла тишина.

– Мужики! – громко произнес Бабаев. – Это же здорово! Я уж подумал, что «мусора» вычислили нас, а здесь – случайность!

Игнат, молча, переводил свой взгляд с одного на другого, стараясь понять, о чем говорят они. Он не знал, радоваться этой случайности или наоборот – горевать. Ветеринар перевязал рану Василию и посмотрел на Симакова, ожидая вознаграждения от последнего. Однако, Петр не спешил расплачиваться с ним. Сейчас, когда Корнилов окончательно пришел в себя, он решил, что именно тот и должен заплатить врачу за оказание помощи. Василий, посмотрев на Симакова, криво улыбнулся и, достав здоровой рукой из кармана брюк деньги, молча, протянул их ветеринару.

– Вот возьми, – произнес он. – Думаю, что здесь достаточно.

Поддерживая Корнилова, они вышли из дома и направились к машине. В соседнем доме громко залаяла собака. Симаков вздрогнул и испугано оглянулся назад.

– Не дергайся, все нормально, – произнес ветеринар. – Здесь вас никто не знает.

Машина медленно тронулась с места и вскоре исчезла в темноте.

***

Максимов, перед тем как зайти на доклад к Яхину, быстро ознакомился с баллистической экспертизой. Он невольно отметил про себя, что Иннокентий Моисеевич был убит пулей из пистолета «Парабеллум», который проходил уже по целому ряду уголовных дел.

«Кто же стрелял в хозяина дома? Люди Садыка или в доме еще находились другие налетчики? Нет, если бы это сделали задержанные бандиты, то Хрящ бы уже донес ему об этом», – подумал Максимов. – Надо допросить об этом Садыка».

После ареста последнего, по приказу начальника отдела госбезопасности его перевели в закрытую тюрьму Министерства государственной безопасности республики. Дверь кабинета Павла открылась и в помещение вошел начальник отдела Яхин.

– Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, – произнес, улыбаясь, Станислав Иванович. – Тебя долго еще ждать?

– Да вот задумался, товарищ начальник, – ответил Максимов.

– Над чем?

– Вот получил заключение эксперта, Он пишет о том, что хозяин дома был убит пулей из пистолета «Парабеллум».

– И что?

– А то, что ни у кого из задержанных нами бандитов пистолета «Парабеллум» не было. Это – первое. А во-вторых, этот самый ствол проходил по целому ряду уголовных дел, связанных с разбоями и убийствами. Выходит, что проведенная москвичами зачистка города оказалась, как бы вам сказать, не совсем удачной. Разыскиваемые уголовным розыском бандиты не были арестованы....

В кабинете повисла тишина. Яхин посмотрел на Максимова так, словно видел его первый раз.

– Почему это заключение оказалось у тебя, а не у людей Лосева? Скажи, Геннадий Алексеевич знает об этом или нет?

– Не знаю, Станислав Иванович. Проводили операцию мы, вот мне и прислали это заключение. Вот я и думаю, разрешат ли мне поработать с Садыком или нет? Может, он в курсе в отношении этого ствола?

Яхин присел на табурет и, достав папиросу, закурил.

– Интересная получается ситуация, – произнес начальник, выпустив струю дыма в потолок. – Ловили одних, а вышли на следы других, которых вроде бы уже давно ликвидировали. Сейчас скажи об этом Лосеву – врага наживешь. Вот ты скажи мне, Максимов, а вдруг этот ствол оказался совершенно в других руках? А что, мало ли – одни могли потерять,

а другие найти.

Павел поднялся из-за стола и подошел к окну. Там за стеклом царствовало лето. Во дворе играли в песочнице дети, в тени плакучей березы о чем-то беседовали старушки.

– Вы хотите услышать мое личное мнение, Станислав Иванович? Я думаю, что банда, за которой я так долго гонялся, по-прежнему не ликвидирована. Она просто затаилась и сейчас, когда все эти «московские» страсти для них улеглись, они снова выползли на волю.

– Если это так, то следует ждать новых нападений. Я правильно вас понял, Максимов?

– Правильно, Станислав Иванович. А так как все их преступления в основном связаны с налетами на склады и жилища граждан, именно вам и придется заниматься их раскрытием.

– А Лосев?

– Что Лосев? У них эта банда значит, как уничтоженная. Я так думаю...

Снова стало тихо.

– Хорошо, Максимов. Я обязательно переговорю с подполковником Хакимовым. Думаю, что он разрешит тебе переговорить с Садыковым.

***

Ливень, собравшийся с силой, обрушился на землю. Он барабанил по крышам домов, шуршал в листве, капли пада-

ли в воду и отскакивали от ее поверхности, создавая брызги и пузыри. Трава вновь стала изумрудной, капельки дождя, словно россыпь бриллиантов, виднелись повсюду. Он имел свой особый звук, который менял тональность, имел запах. Максимов стоял у окна и наблюдал за идущим дождем. Это был его своеобразный разговор с дождем. Вспомнилось далекое детство, когда можно было разуться и побегать по лужам, не думая о том, что скажут окружающие.

Дверь кабинета скрипнула, Павел оторвался от наблюдения за дождем и посмотрел на вошедшего мужчину. Это был новый сотрудник их отдела.

– Товарищ Максимов, – обратился он к Павлу. – Наш начальник отдела переговорил с начальником отдела госбезопасности. Вам разрешили встретиться с Садыковым.

.... Максимов вошел в камеру допроса и остановился у порога. После солнечного света он не сразу увидел Садыкова Анвара, который сидел на привинченном к полу табурете. Павел присел напротив него и, молча, выложил на стол пачку папирос и спички.

– Кури, Анвар, – предложил он Садыкову.

Лицо арестованного в запекшей крови показалось Максиму каким-то неестественным, напоминающим новогоднюю маску какого-то сказочного героя.

– Спасибо, начальник, – прошепелявил он. – Извините начальник, что не сразу признал?

– Это за что они тебя так?

– Это вы у них спросите, начальник. Наверное, по привычке. По-другому они разговаривать не умеют.

Садыков закурил и вопросительно посмотрел на Павла.

– Зачем пришел, начальник? Наверное, не затем, чтобы посмотреть на мою расписную физиономию? Скажу вам сразу, работать на вас я не буду! Я – вор, а не «барабанщик».

– Давай, без «кипиша», Садык! Никто тебя не просит работать на органы. У меня к тебе лишь один вопрос.

Анвар загасил папиросу и с интересом посмотрел на Павла.

– Скажи, кто из твоих людей убил стоматолога?

Садыков улыбнулся, если это можно посчитать за улыбку. Лицо его исказила какая-то непонятная гримаса.

– Не туда гнешь, начальник. Никто из моих людей не убивал этого зубодера. Мы пришли, чтобы защитить его, а не убивать. Он ко мне пришел утром и попросил защиты. Кто-то обработал стекла его дома кислотой, ну, для чего это делается, наверное, ты знаешь. Вот мы и подписались за него.

– Тогда кто стрелял, Анвар?

– А кто его знает, было темно, я не разглядел. Но, судя по тому, как он «сиганул» в окно, похоже, он был достаточно молод, а тут и вы со своими операми.

– Выходит ты его не рассмотрел?

– Не, начальник! Чего не видел, того не видел.

– А может, это кто-то из блатных? Мало ли чего, ты защищаешь врача, а кто-то решил почистить его? У вас ведь все

это так – запросто.

– Ошибаешься, начальник. Здесь я живу, и без меня здесь ничего не делается. Думаю, что те, кто решился на это дело, этого не знал. Кстати, мне этот зубодер говорил, что накануне его навещала одна интересная молодая женщина, все интересовалась его имуществом.

– Ты думаешь, что это была наводчица?

– Утверждать не могу, но, похоже, на это....

Максимов поднялся из-за стола и направился к двери.

– Начальник, забыл папиросы! – окликнул его Анвар.

– Оставь их себе, – ответил Павел.

Он громко постучал в металлическую дверь, которая со скрипом открылось.

– Вы закончили? – спросил сержант Максимова.

– Да, – коротко ответил Павел и, дождавшись сержанта, направился по коридору.

Яркое солнце на какой-то миг ослепило Максимова. Он глубоко вздохнул, реально ощущая вкус свежего воздуха.

– Максимов! Товарищ Максимов! – окликнул его кто-то.

Павел обернулся и увидел Тамару, которая чуть ли не бегом переходила улицу.

– Здравствуйте! – тихо произнесла она. – Как хорошо, что я вас увидела.

– Здравствуй, Тамара, – ответил Павел и протянул ей руку. – Вы куда?

– Я по работе, а вы?

– И я, по работе. Может, нам по пути?

– Мне в сторону железнодорожного вокзала, – произнесла она и улыбнулась.

– Тогда и мне в сторону вокзала...

Он взял ее под руку и они, разговаривая, направились вдоль улицы.

***

Василий передернул затвор пистолета и посмотрел на своих товарищей.

– Корнил! Мне кажется, что тебе лучше оставаться в машине, – произнес Игнат. – Ты еще не совсем поправился, и раненная рука может тебе только помешать.

– Я что, баба, какая? – с обидой в голосе ответил Корнилов. – Обойдусь как-нибудь без советчиков.

– Думаю, что Игнат прав. Дело простое, мы с Лешкой одни справимся. Ну, а ты просто подстрахуй нас.

Лешка крутанул барабан «Нагана» и сунул его за ремень брюк.

– Говоришь, что квартира на втором этаже? – переспросил Игната Симаков.

– Да, как поднимешься на второй этаж, сразу налево.

– Тогда мы пошли, – ответил Симаков, открывая дверь машины.

– Петр! Постарайся без шума, – назидательным тоном произнес Корнилов.

Симаков улыбнулся. Он уже мысленно представил, как он войдет в квартиру, как от страха забьется в угол хозяйка, как беспрекословно хозяин поставит перед ними чемоданы с товаром...

Бабаев легко вбежал на второй этаж и, убедившись, что он пуст, махнул рукой Петру. Симаков сжал в кармане рукоятку пистолета, не спеша, поднялся и, взглянув на Алексея, направился к двери. Он несколько раз с силой ударил кулаком в дверь и стал ждать ответ.

– Кто там? – послышалось из-за двери. – Кого черти носят?

– Милиция! Открывайте!

Дверь приоткрылась и в образовавшейся щели показалась лицо женщины, голова которой пестрела от большого количества бигудей.

– Чего смотришь! Давай, открывай, – приказал Симаков женщине, – а иначе дверь ломаем!

– А по какому вопросу? – испугано спросила женщина.

– Откройте дверь! – срываясь на крик, произнес Петр и с силой дернул дверь на себя.

Женщина испуганно отскочила в сторону, пропуская в квартиру Симакова и Бабаева. Алексей быстро прикрыл за собой дверь и, достав из-за голенища сапога нож, приставил его к шее женщины.

– Закричишь, сука, зарежу, как курицу! – прошипел он.

Женщина медленно сползла вдоль стены и рухнула на пол,

потеряв сознание.

– Посмотри за ней, – приказал Петр Алексею. – Если что, вали ее на «глушняк».

Симаков прошел в комнату и сразу же увидел три коричневых чемодана, которые стояли рядом с шифоньером. Подняв один из них, он положил его на стол и попытался открыть. Замки чемодана были закрыты на ключ. Петр смачно выругался и, достав из кармана нож, быстро вскрыл замки. Он открыл крышку чемодана, который был набит шкурками песка.

«Вот она – «пруха»! – подумал Симаков, прикидывая про себя приблизительную стоимость товара.

В двух следующих чемоданах тоже были меха.

– Леха! Хватай чемоданы! Уходим! – выкрикнул Петр.

Женщина по-прежнему была без сознания. Переступив через нее, они вышли из квартиры. Погрузив чемоданы в машину, они отъехали от дома.

– Что с бабой? – спросил Василий Симакова.

– Она в «отключке».

– Не понял!? – произнес Корнилов. – Вы ее не кончили?

– Нет. А зачем глушить, если она была в «отключке», – ответил Симаков.

– А потому, что она видела тебя – дурака и, наверняка, уже расписала тебя «мусорам». Ты это понял?

В салоне машины повисла тишина, в которой отчетливо слышался скрип зубов Корнилова.

***

Максимов сидел за столом, составляя план оперативно-розыскных мероприятий по убийству стоматолога, когда ему позвонил дежурный по НКВД.

– Максимов! На выезд! У нас разбой на улице Ухтомского. Кинолог уже в машине.

Павел положил недописанный лист в металлический ящик и, сунув пистолет в карман пиджака, направился к выходу. Эти постоянные выезды на кражи, грабежи и разбои стали в последнее время каким-то обычным явлением и стали до того привычным явлением, что не вызывали уже у него какого-то прежнего волнения. Вот и сейчас, шагая по длинному коридору наркомата, он привычным движением руки перебросил через плечо полевую сумку, в которой находились чистые бланки протоколов допросов и других необходимых документов и аксессуаров, необходимых при осмотре места преступления.

– Максимов! Что ты копаешься? Давай в машину! – крикнул ему Яхин, усаживаясь в кабину фургона.

Павел забрался в фургон и сел на деревянную лавку. Машина несколько раз дернулась, словно тренируясь перед выездом на улицу, а затем, громко чихнув, покатила по улице. Недалеко от его ног лежала немецкая овчарка «Берта» и, положив на лапы свою умную морду, с интересом смотрела на Максимова.

– Ну что, Берта, поработаем, – обратился к ней Павел. – Давай, поймаем этих разбойников!

Собака, словно поняла его обращение к ней, весело замахала хвостом. Ехать пришлось не так долго. Машина несколько раз дернулась и остановилась.

– Вот и приехали, – тихо произнес проводник и, когда дверь фургона приоткрылась, выпрыгнул наружу.

Максимов быстро сориентировался и безошибочно направился к дому, около ворот, которого топтался милиционер.

– Этаж? – спросил Павел у сержанта.

– Второй, сразу налево.

В квартире уже работал дежурный оперативник. Заметив вошедших: Максимова и начальника отдела Яхина, оперативник вытянулся в струнку.

– Давай, докладывай, что здесь произошло, – произнес начальник отдела.

– В комнату ворвались двое, один взрослый, другой совсем мальчишка, лет шестнадцати-семнадцати. Изначально представились сотрудниками милиции, и когда хозяйка приоткрыла дверь, они и вошли. Взяли три чемодана, что было в чемоданах, хозяйка не знает. Их передали на хранение только вчера, – закончил оперативник.

– Кто передал? – спросил оперативника Максимов.

– Говорит, что брат. Попросил сохранить на время.

– Где сейчас потерпевшая?

– На кухне...

Взглянув на Яхина, Павел прошел на кухню. Хозяйка квартиры с красными от слез глазами с интересом посмотрела на вошедшего мужчину.

– Разрешите? – обратился Максимов к ней.

– Да, да, – ответила женщина, сдвигая в сторону посуду со стола.

– Как к вам обращаться?

– Галина Михайловна, – ответила женщина.

– Так вот, Галина Михайловна, я понимаю, что это сложно, но я хотел бы от вас услышать, как в квартиру проникли преступники?

Хозяйка вновь рассказала о пережитом ей страхе, о мужчине в кепке, который обещал ее зарезать, как курицу.

– Вы знаете, мне показалось, что одного из них я где-то встречала, я говорю о подростке. Только никак не вспомню, где и при каких обстоятельствах. Да, вы не смотрите на меня так, я – учительница и лица детей я всегда запоминаю хорошо....

Павел посмотрел на хозяйку.

– Если вспомните, Галина Михайловна, сообщите.

***

Корнилов переступил порог своей квартиры и остановился в дверях. Правая рука, сжимавшая рифленую рукоятку «Парабеллума» стала влажной. На диване сидел мужчина в

возрасте шестидесяти лет и дымил папиросой.

– Проходи! Что замерз около двери, – повелительно произнес мужчина. – Галина выскочила в магазин за водкой и сейчас вернется.

Василий, прежде чем снять с себя пиджак, сунул пистолет за ремень и прошел в комнату.

– Ты кто такой? – обратился он к мужчине. – Как оказался здесь?

– Давай, будем знакомиться. Меня зовут Матвей Гаврилович, я – свекор твоей Галины. Наверное, она тебе рассказывала обо мне.

– Бывший свекор, – поправил его Корнилов, усаживаясь на стул. – Теперь у Галины нет свекра.

Старик улыбнулся. Хитрая искорка промелькнула в его глазах. За спиной Василия скрипнула дверь, это вернулась из магазина Галина.

– Вот и хорошо, – произнесла она. – Сейчас и посидим по-семейному.

– Я что-то тебя не понял, что значит по-семейному? – переспросил ее Корнилов. – О какой семье ты говоришь?

Галина словно не услышала реплику Корнилова и стала быстро накрывать на стол. Открыв бутылку с водкой, она налила жидкость в маленькие хрустальные рюмки.

– А что, другой посуды нет? – произнес Василий. – Из таких рюмок только господа раньше пили.

Он протянул руку и достал из буфета два граненых стака-

на. Плеснув в них водку, он поднял стакан и посмотрел гостя.

– Ну, что, вздрогнем, папашка?

Они чокнулись и выпили.

– Ты зачем к нам пожаловал? – напрямую спросил его Василий. – Если за деньгами, то лишних денег у меня нет. Это – раз. Во-вторых, я нищим не подаю принципиально...

– Я сам тебе могу помочь деньгами, – парировал его слова гость. – Дело есть, Василий....

– Ну и делай его сам. Зачем я тебе?

– Стар я стал, зрение не то, да и руки предательски дрожат. А ты – молодой, дерзкий....

Корнилов снова разлил водку по стаканам и пристально посмотрел на старика.

«Чего он хочет от меня? – подумал Василий. – Похоже, чтобы я обставил это дело. Только, что я буду от этого иметь?»

– Чего молчишь? Испугался?

– Думаю, старый. Может, ты меня под пули «мусорские» подставить хочешь? Может, Галину уже успел подговорить, пока я гулял?

– Типун тебе на язык, Василий, – с обидой произнесла Галина. – Зачем мне все это? Ты у меня словно курочка, которая несет золотые яйца. Таких кур не убивают.

– Значит, курица? А это – петух? – спросил ее Корнилов, указав пальцем, на Матвея Гавриловича, и громко рассмеялся. – Что ж, на петуха он не очень смахивает.

– Дурак, ты Васька. Послушай, что тебе хочет предложить свекор, а уж затем толкуй.

– Заткнись! – сверкнув глазами, произнес Корнилов. – Здесь я решаю, кого слушать, а кого – нет. Тебе никто права голоса не давал!

Матвей Гаврилович с хрустом откусил от малосоленного огурца и, положив его на стол, слал говорить:

– У нас в Зеленом Доле есть большое почтовое отделение. Каждый месяц туда из Казани привозят большие суммы денег, которые потом распределяются по району. Сумма солидная – иногда миллион, а иногда и больше. Охрана там никакая – одни инвалиды с «Наганами». Просто нужно дожидаться, когда разгрузят деньги....

Старик замолчал и с интересом посмотрел на Корнилова.

– Это – деньги, Вася, а не вещи, которые необходимо сбрасывать, теряя при этом половину стоимости. Судя по вашим делам, это вам – вполне по силам. Ребята вы отчаянные, дерзкие...

Корнилов пристально посмотрел на старика. Предложение было заманчивым и требовало тщательной подготовки.

– Чего молчишь? Неужели трех инвалидов испугались? Эх, годы мои, годы. Был бы моложе, сам бы провернул это дело. Риск минимален, а каков куш?

– Я подумаю, – тихо ответил Василий и, взяв в руки бутылку, стал разливать водку по стаканам. – Ну, что? Давай, старик! Хлопнем за здоровье. Что делать с деньгами, если не

будет здоровья? Вот и я об этом.

Они чокнулись и выпили.

***

Максимов сидел за столом и что-то писал в своей тетради, которую он завел совсем недавно. В кабинет тихо вошел начальник отдела и сел напротив него.

– Чем занимаешься, Павел? – поинтересовался он у него. – О чем пишешь?

– Анализирую, Станислав Иванович. Вот пришел к выводу, что квартиру с мехами взяли мои старые знакомые, за которыми я гоняюсь вот уже больше полутора лет.

– Тебе не кажется, Максимов, что ты просто зациклился на этой банде? Ищешь то, что не видят другие, и все хочешь доказать нам всем, что представителям центра так и не удалось ликвидировать эту группу.

– Вы знаете, Станислав Иванович, вообще-то я в первую очередь хочу доказать все это самому себе. Если руководство Министерства госбезопасности республики считает, что им удалось ликвидировать эту группу, пусть так и считают. Я никого не хочу в этом переубеждать. Я их все равно вычислил, как бы они не скрывались.

Начальник отдела усмехнулся.

– Что не идешь домой? – спросил Павла Яхин.

– В девять вечера заканчивает смену моя знакомая, хочу

встретить ее.

– Вот это здорово, Максимов, – улыбнулся Станислав Иванович, вставая со стула. – Я рад за тебя, Павел. Работа работой, но жить нужно сегодня, а не завтра. Удачи.

Максимов проводил его взглядом и, взглянув на часы, начал собираться. Убрав папку с материалами в металлический ящик, он направился к двери. В коридоре Павел случайно столкнулся с Лосевым.

– Как служба, Максимов? – весело спросил его Геннадий Алексеевич. – Я слышал, делаешь успехи.

– Служим, – коротко ответил Павел. – Я слышал, что вы ликвидировали почти все банды в городе?

– Разве всех их кончишь? Сегодня кончишь одну, а завтра вместо нее – две. Могу сказать лишь одно, та банда, которой ты так долго занимался, ликвидирована. За ними было около двух десятков различных преступлений, так что, видишь, обошлись без всяких умников, наподобие тебя.

– Хотелось бы верить вашим словам, Геннадий Алексеевич. Думаю, что руководство министерства высоко оценит ваш труд. Наверное, повесит вам на грудь орден, а на погоны еще одну звезду.

– Думаю, что не забудут, Максимов.

Они вышли из здания и, кивнув друг другу головой, разошлись в разные стороны. Павел шел по улице, вздыхая полной грудью свежий вечерний воздух. Откуда-то издалека доносился звук гармонии. Тамара стояла около забора и в свете

уличного фонаря показалась Максимову еще красивее. Он бросил папиросу в урну и, перебежав дорогу, оказался за ее спиной, нежно закрыв ладонями ее глаза.

– Пашка! Не хулигань, а то позову милиции, – произнесла она и засмеялась. – Я твои руки ни с кем не спутаю.

Максимов обнял ее за плечи и прижал к своей груди.

– Как ты? – поинтересовался он у Тамары.

– Устала, Павел. Вот стою с тобой, а у самой от усталости ноги подкашиваются.

– А я хотел тебя пригласить в кино, – произнес Максимов. – Сын сейчас у соседки..

– Давай, сходим в следующий раз. Боюсь, что в кино могу заснуть.

Они шли по улице и молчали. Максимов иногда бросал свой взгляд на Тамару и ловил себя на мысли, что она думает о чем-то другом, но не о нем.

– Тамара! О чем ты думаешь? Ты где-то далеко от меня?

Она как-то испуганно вздрогнула. Его вопрос явно смутил ее.

– Ты знаешь, Павел, я сегодня получила письмо от Евгения. Мы раньше с ним встречались, строили какие-то планы на будущее. В 1942 году его призвали на фронт, а затем его родители получили извещение о том, что он пропал без вести. Оказывается, все это время он был в плену у немцев, а сейчас отбывает срок под Тюменью. Его осудили за то, что он был в плену.... Скажи, Павел, разве такое возможно?

Максимов промолчал, так как не знал, что ей ответить.

– Чего ты молчишь? Ты же работаешь в системе! Он пишет, что попал в плен, будучи раненным. В чем его вина?

– Я не могу ответить на твои вопросы, Тамара. Как-то товарищ Сталин обмолвился, что у нас пленных нет – есть предатели. Вот после этого и понеслось – раз был в плену, значит, предатель.

Она снова замолчала. За разговором они не заметили, как дошли до общежития, в котором проживала Тамара. Он хотел было обнять ее, но она увернулась от его объятия. Девушка, молча, улыбнулась ему и направилась к двери.

– Тамара! – окликнул Павел ее, но она скрылась за дверью.

Максимов достал папиросу и, прикурив, направился в сторону дома.

***

Корнилов выбросил недокуренную папиросу в окно автомобиля и, взглянув на своих товарищей, открыл дверь. Вслед за ним из «Эмки» вышли Симаков и Бабаев, и не спеша, направились в сторону почтового отделения. Почтовое отделение было не очень большим и размещалось в старом здании, построенным еще в конце девятнадцатого столетия.

– Встань на всякий случай у окон, – приказал он Бабаеву.

Симаков и Корнилов вошли в почтовое отделение. Народу в зале было не так много и появление в нем двух молодых мужчин не вызвало ни у кого никаких подозрений. В

дальнем углу за небольшим столиком сидел охранник. Старая армейская гимнастерка, следы от споротых погон, говорили, что ее обладатель был в прошлом фронтовиком.

– Всем оставаться на местах! – громко крикнул Корнилов и вытащил из кармана пиджака пистолет. – Кто дернется, убью на месте!

Охранник попытался подняться из-за стола, но пуля из пистолета Симакова, буквально пришила его к стене. Тело фронтовика медленно сползло со стула на пол. Кто-то попытался закричать, но наведенный на него пистолет моментально пресек эту попытку. Корнилов, расталкивая посетителей в разные стороны, направился внутрь почтового отделения, откуда вскоре раздались крики, которые прервали несколько хлестких выстрелов.

Василий появился в зале через минуту другую, держа в руках два инкассаторских мешка с деньгами. Светлые брюки Корнилова были в кровавых пятнах.

– Всех, кто дернется, убью на месте, – снова выкрикнул он и дважды выстрелил в потолок.

– А, а, а, – завывала одна из женщин, однако очередной выстрел заставил ее замолчать.

– Уходим! – произнес Василий, пятясь спиной к выходной двери. – Не двигаться! Убью!

Симаков и Корнилов выскочили из почтового отделения, когда по ним открыл огонь, проходивший мимо почты сотрудник милиции. Он успел сделать три выстрела, но оказав-

шись за его спиной Бабаев, выстрелом в упор убил его. Из-за угла на большой скорости выкатила «Эмка», подняв клубы серой дорожной пыли. Подбежавший к машине Корнилов забросил в нее мешки с деньгами. Последним в машину сел Бабаев.

– Гони! – прокричал Василий. – Гони!

Машина буквально сорвалась с места и помчалась в сторону Казани. В районе Старого Аракчино они остановили машину и стали быстро переодеваться. Разложив деньги по своим вещевым мешкам, они отпустили машину и пешком направились в город.

***

Вечером все собрались в квартире Корнилова. Стол был заставлен бутылками с водкой и закусками.

– Сколько взяли? – поинтересовался у него Матвей Гаврилович. – Я слышал о большой сумме...

Василий улыбнулся, сумма действительно была большой, чуть более половины миллиона рублей. Сейчас эти деньги лежали у него под кроватью, и это было сродни бальзаму для его души.

«Нужно валить из города, – решил он, пряча деньги. – С такими деньгами жить можно где угодно».

– Василий! Отдай мне положенную часть, – обратился к нему Матвей Гаврилович. – Ведь это, благодаря мне, вы сорвали этот куш.

Все были заняты разговорами, и никто не обратил внимания на слова старика.

– Отстань, Матвей Гаврилович. Мне сейчас не до этого. Вот все стихнет, тогда и будем решать эти вопросы.

– Я – не мальчик, Вася, и прошу не чужое, а свое. Отдай мою долю.... Не бери грех на душу.

– Ты что не понял, старый хрен? Заткнись!

Эта реплика Корнилова привлекла к себе внимание его подельников – Бабаева и Симакова.

– Ты, что просишь, старый? Какая доля? Может, это ты бегал под пулями? – спросил его Симаков.

Лицо старика побелело, а глаза засверкали ненавистью к этому уже немолодому человеку.

– Ты получишь свою долю, но только тогда, когда я ее тебе дам! Ты это понял? – произнес специально громко Корнилов.

Матвей Гаврилович не на шутку испугался.

– Да, я что, не понимаю что ли? Что, пошутить нельзя, – стараясь разрядить обстановку, произнес он. – Подождем, конечно, куда нам теперь-то торопиться. Давайте выпьем за фортуна!

Бабаев разлил водку и, подняв стакан, громко произнес:

– За фарт! Без него мы – ничто!

Все заулыбались и потянулись к стаканам. Первым покинул застолье, сославшись на самочувствие, Матвей Гаврилович. Затем собрались и, молча, ушли: Симаков и Бабаев.

Оставшись вдвоем, Галина посмотрела на Корнилова, который сидел за столом и сливал остатки водки из стаканов гостей в свой стакан.

– Что, не хватило? – с укором спросила Василия сожительница. – Смотри, как бы тебя не погубила эта водка.

– А что? Имею право, – заплетающимся голосом произнес Корнилов.

Галина промолчала и, встав из-за стола, стала собирать посуду.

– И сколько ты решил отвалить свекру? – спросила она у него. – Неужели на равных?

Корнилов улыбнулся и, сложив пальцы в знакомую всем фигуру, сунул ее Галине под нос.

– А вот это он видел! Дырку ему от бублика. А, что ты думала, если он – твой родственник, я его озолотить должен?

– Что ты мне тычешь в лицо, кобель шелудивый! Ты сам обещал ему долю...

– Обещать – еще не жениться, – ответил Корнилов и громко засмеялся.

Он допил водку и, подцепив вилкой малосольный огурец, с хрустом его надкусил.

– А если он поймет, что ты с ним рассчитывать не собираешься и даст на тебя наколку милиции, – произнесла Галина. – Ты об этом подумал, дурья твоя голова.

– А я его «загашу», – тихо ответил Корнилов. – Зачем мне лишний пассажир!

– Вот и я об этом. Денег у него – море, но, сволочь, пожалел их для сына. Можно было бы отмазать. Ненавижу!

Корнилов закурил, а, Галина, сложив посуду в оцинкованный таз, направилась мыть ее на кухню.

***

– Павел! – обратился к нему начальник отдела. – Ты в курсе разбоя на почту в Зеленом Доле?

Павел оторвался от бумаг и посмотрел на Яхина.

– Нет, товарищ начальник. Что там произошло?

– Дело в том, что там снова преступник стрелял из знакомого тебе «Парабеллума». Как ты смотришь на то, если я тебя включу в оперативную группу по раскрытию этого преступления?

– Выходит, я снова буду работать с подполковником Лосевым?

– Да, – коротко ответил Станислав Иванович. – Ты давно охотишься за владельцем этого пистолета, тебе и карты в руки. Сказать честно, это – не мое решение, так распорядилось руководство Министерства госбезопасности республики.

– Спасибо, сказать, что рад этому, не могу, но и огорчаться, тоже не стану.

В два часа дня началось заслушивание у заместителя комиссара НКВД. Доклад делал начальник отдела милиции Зеленого Дола. Из доклада следовало, что преступники ворвались в здание почтового отделения через десять минут после

отъезда машины с инкассаторами. Из показаний свидетелей было установлено, что в нападении участвовали три человека – двое ворвались внутрь помещения, третий – молодой парнишка в возрасте шестнадцати – семнадцати лет страховал их на улице. При этих словах Максимов посмотрел в сторону Лосева, но лицо начальника ОББ ничего не выражало, он был абсолютно спокоен.

«Неужели он и сейчас не понимает, что этот налет совершила все та же группа преступников», – подумал Павел, продолжая наблюдать за Лосевым.

Когда начальник милиции закончил свой доклад, слово взял Геннадий Алексеевич. Он говорил долго, но в его докладе не было никакой конкретики. Павел невольно удивился, как Лосев ловко обыграл идентичность пуль и гильз, изъятых на местах преступлений.

– Я считаю, что данное оружие было утеряно одной из преступных групп, которую мы ликвидировали этой весной, и все эти новые преступления являются действительно новыми и никаким образом не связаны с предыдущими преступлениями.

Говоря об этом, Геннадий Алексеевич, бросил свой взгляд на Максимова, тем самым давая ему понять, что он хорошо знаком с результатами баллистической экспертизы.

– Мои заместителем оперативной группы, по согласованию с руководством НКВД, назначен капитан Максимов, – подводя итог своего небольшого выступления, произнес Ло-

сев. – Вы все хорошо знаете Павла Михайловича, так что свои наработки докладывайте ему лично.

Это было столь неожиданно, Максимов на какую-то долю секунды замешкался, а затем поднялся со стула. В него впились более двух десятков глаз, кто-то с удивлением, кто-то с сочувствием.

«Ловко он обыграл эту ситуацию, – подумал Павел. – Если что, то стрелочником будет именно он, а не Лосев. Он как всегда возьмет на себя общее руководство, которое позволит ему снова уйти от ответственности».

– Конечно, после подобного налета преступники залягут на дно, но вы сами хорошо знаете, что просто так мы с вами на них не выйдем. Поэтому, вся надежда на агентуру, только она способна вывести нас на преступников. Как я понял начальника отдела милиции, – продолжим Максимов, – они почему-то убеждены, что это преступление совершили бандиты из Казани, однако остается один, не выясненный до сих пор момент, кто их навел на это почтовое отделение? Думаю, что они располагали информацией о времени доставки денег, охране почтового отделения. Поэтому, оперативники из Зеленого Дола должны поработать в этом направлении.

Павел закончил говорить и попросил собраться участников оперативной группы у него в кабинете.

***

Галина переступила порог дома свекрови и тяжело опу-

стилась на табурет.

– Что с тобой, ты что-то вся побелела? – тихо произнесла Нина Ивановна. – Давай, я чаю тебе налью. Чай свежий, только что заварила.

– Что-то плохо мне, кое-как дошла, – ответила Галина. – Ноги не идут...

– Ты случайно не беременна? – поинтересовалась она у снохи. – Это бывает при беременности.

– Не знаю, – тихо ответила Галина. – Наверное, нужно сходить в больницу, там и скажут.

Они прошли в комнату и свекровь, посадив ее за стол, быстро поставила на него варенье и разожгла примус.

– Сейчас чай попьем, – засустилась Нина Ивановна, – погоди немного.

В дом вошел свекор и, не здороваясь, плюхнулся на сундук.

– Ты что, старый, не видишь, что у нас гости? – спросила его Нина Ивановна. – Ты хоть бы поздоровался!

– И что? Мне теперь плясать перед ней? Пусть лучше скажет, когда ее мужик рассчитается со мной?

– Ты что пьяный? – спросила его супруга. – Налил zenки с утра и несешь всякую чепуху! Не стыдно?

– Представь себе – нет! Когда отдадите мою долю? – снова он обратился к Галине с явной угрозой в голосе. – Мне терять нечего, я могу вас всех запалить.... А что? На мне крови нет!

– Что ты болтаешь, старый хрыч! Ты не думаешь, что тебе за такие слова голову оторвут!

– Это кто? Ее хахаль? Не оторвет! Ты знаешь, вот где они у меня, – произнес свекор и показал всем крепко сжатый кулак.

– Я чувствую, Нина Ивановна, что мне больше не стоит приезжать к вам. Знаете, нет у вас домашнего тепла... Деньги у вас в глазах. Бога бы побоялись.

– Ну и не приезжай, никто плакать не будет. Ишь, краля какая, – ответил ей свекор. – Ты только передай своему хахалю, пусть отдаст мою долю, я шутить не люблю.

Галина поднялась из-за стола и, шатаясь, словно пьяная, медленно направилась к двери.

– Это ты куда? – всплеснув руками, спросила ее Нина Ивановна. – Посиди! Сейчас чай поьем, тогда и поедешь.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь без чая.

Галина вышла из дома и остановилась во дворе. В глазах ее потемнело, ноги подкосились, и она повалилась на землю. Очнулась она резкого запаха, который бил ей в нос. Она закашлялась, замотала головой и открыла глаза. Над ней, наклонившись, стояла Нина Ивановна.

– Вот и, слава Богу, – тихо произнесла она. – Кое-как нашла нашатырь.

Галина отстранила от себя руки свекрови и попыталась подняться, но у нее ничего не получилось.

– Полежи, Галочка. Вот легче станет и поедешь домой.

Я положила на всякий случай тебе в сумочку адресок пови-
тухи. Сходишь, посоветуешься. Она – человек опытный, а
деньги у тебя есть.

– Спасибо, Нина Ивановна. Я сейчас встану и поеду.

– Галя! Ты только своему ничего не говори о старике. Пья-
ный он, вот и болтает разную чепуху.

Она промолчала, ей просто не хотелось сейчас говорить
на эту тему, слова свекра заставили ее не только испугаться,
но и насторожиться. Через час, Галина добралась до станции
Зеленый Дол и отправилась в Казань.

***

Максимов сидел сбоку от стола и с интересом наблюдал
за начальником ОББ Лосевым, который проводил очередное
заслушивание.

– И что, дальше? – спросил он начальника уголовного ро-
зыска районного отдела милиции. – Вы долго будете топтать-
ся на одном месте? Вы и на прошлой неделе докладывали
мне об этом. Неужели не помните? А я вот хорошо это пом-
ню. Вы собираетесь раскрывать это преступление или нет?
Вы знаете, что будет, если вы не раскроете? Все правильно –
звездопад. Полетят ваши звезды с погон.

Лицо начальника уголовного розыска вспыхнуло на ка-
кой-то миг и снова стало каким-то равнодушным и безучаст-
ным. Лосев перевел свой взгляд на Павла. Максимов под-
нялся и, поправив пиджак, начал докладывать:

– Мы уже второй день разыскиваем черную «Эмку», на

которой скрылись преступника. Таких машин в Зеленом Доле оказалось двадцать три. Восемнадцать водителей отработаны, пять находятся в командировках. Пока положительных результатов не получено. Подобная работа осуществляется и в Казани. Здесь подобных машин значительно больше, однако, работа не приостанавливается ни на день.

Второе, товарищ подполковник, в четверг была получена оперативная информация. Источник сообщает, что параллельно нашему розыску, преступников разыскивают и уголовники Казани. Им тоже интересно кто совершил налет и где сейчас, а вернее у кого сейчас эти деньги. Так что нам необходимо более активно работать в этом направлении, то есть опередить уголовников.

Лосев кивнул, похоже, его устроил доклад Максимова.

– Не хочу повторяться, но раскрытие этого преступления находится на особом контроле не только у руководства республики, но и Москвы. Десятки, сотни рабочих Зеленого Дола остались без заработной платы, Детские дома без средств. Поэтому хочу вам передать решение Наркомата внутренних дел, что сотрудник, раскрывший это преступление, помимо досрочного звания получит еще и большую денежную премию. Так что, давайте, поработаем товарищи.

Все встали с мест и направились к выходу из актового зала. Сегодня в школе, где учился сын Максимова, было родительское собрание, и Павел обещал сыну, что непременно придет. Застегивая на ходу полевую сумку, он подошел к

двери, когда его окликнул Лосев.

– Нужно поговорить, Павел, – произнес Лосев.

– Геннадий Алексеевич, может, отложим разговор. Я тороплюсь в школу на родительское собрание.

– Собрание подождет, – безапелляционно ответил начальник ОББ. – Потом сходишь, объяснишь.

– Хорошо, я слушаю вас – произнес Максимов.

– Вот что, Павел, – начал Лосев. – Меня отправляют на учебу в Москву. Руководство почему-то считает, что ты можешь заменить меня на посту начальника отдела. Скажу честно, я был против этого, но меня они почему-то не услышали.

Максимов с интересом посмотрел на Лосева. Его прямо-таки в какой-то степени подкупала Павла, но с другой стороны, почему-то настораживала. Уж слишком ответственное назначение и какой-то внутренний голос советовал ему отказаться от этой непростой должности. Он внимательно посмотрел на Лосева, ожидая от него, дальнейшего разъяснения причин его решения, но Геннадий Алексеевич молчал.

– Это все? – спросил его Павел.

– Да, – коротко ответил Лосев. – Меня интересует твое мнение.

– Вы кого видели на этой должности, Геннадий Алексеевич?

– Теперь это уже не имеет никакого значения. Вот видишь, Максимов, как получается. Я тебя и так, и сяк, а ты

все равно прорвался в начальники. . .

Павел промолчал, его просто поразила откровенность этого человека.

– Спасибо, Геннадий Алексеевич, за откровенность. Я догадывался, что вы просто боитесь меня, а сейчас вы открыто сказали мне об этом. Я тороплюсь, товарищ подполковник. Я не рвусь на вашу должность, можете спать спокойно.

Павел взглянул на часы и, развернувшись, торопливым шагом направился к выходу из здания.

***

Матвей Гаврилович спешил на встречу с Корниловым. Полчаса назад к нему зашел Бабаев и сообщил ему, что Василий готов рассчитаться с ним.

«Посмотрим, сколько они мне отваяют, – размышлял он. – Если будет давать мало, то придется «шугануть» его. Все мы под Богом ходим, и каждый из нас чего-то боится. Вот и посмотрим, как он все это проглотит. Да, я не стрелял, но ведь я их навел на почтовое отделение, следовательно, и я могу рассчитывать на равную с ними долю».

Он свернул за угол дома и остановился, заметив Василия, который стоял на берегу залива Волги и о чем-то разговаривал с Алексеем Бабаевым. Неожиданно он вдруг почувствовал какой-то страх.

«Может вернуться обратно, – промелькнуло у него в голове. – Жизнь одна и много ли мне нужно?»

Он сделал несколько неуверенных шагов в сторону Корнилова и снова остановился.

– Ты что там, старик, замерз что ли? – крикнул ему Василий. – Может, ты передумал? Если это так, то мы поехали...

– погоди! – крикнул Матвей Гаврилович. – погоди, Василий, я сейчас. Старый стал, быстро ходить уже не могу, задыхаюсь.

Он снова остановился. Глаза Корнилова были столь холодны, что по его спине пробежал холодок, от которого защемило сердце.

– Значит, деньги тебе, старому козлу, нужны? – скорей прошипел, чем произнес Василий. – Грозишь, что иначе сдашь нам «мусорам»? Ты забыл, что за все в этой жизни нужно платить, за удачу, за промахи. Короче, за все!

Корнилов замолчал и от этого внезапного молчания, Матвею Гавриловичу стало еще страшней. Сейчас он уже раскался за свой язык, который выплеснул наружу все его мысли. То, что он не уйдет отсюда живым, он понял сразу, однако, неожиданно для него в его голове созрел план. Это была полная утопия, но больше у него ничего в голове уже не было.

– Вася! Ты решил меня заглушить, а что, давай, глуши. Однако и ты долго не погуляешь на этом свете. Если я сегодня домой не приду, то моя старуха отнесет в милицию мою записку, в которой я сообщаю им о всех участниках налета на почтовое отделение. А за это «вышка» тебе светит, Вася, тебе и всем твоим дружкам. Скажи, ловко я придумал?

Корнилов улыбнулся. Он ни на секунду не сомневался в том, что старик блефует, но тот вел себя до того уверенно, что он невольно посмотрел на Алексея, который прислушивался к их разговору.

– Да, ловко, но только сейчас ты все «рамсы» попутал, – ответил старику Корнилов. – Вот мы только тебя хотели убить, а сейчас придется еще и твою старуху.

– А ее зачем? Она ни в чем не виновата!

Василий достал из кармана «Парабеллум». Заметив это, Матвей Гаврилович упал на колени и тихо завыл, как побитая хозяином собака.

– Не убивай! Возьми все! Мне ничего не надо, оставь только жизнь!

– Надо было раньше думать об этом! Ничего личного, братва требует твоей смерти.

Сухо щелкнул выстрел, словно пастух ударил своим кнутом. Старик уткнулся лицом в прибрежный песок и затих.

– Корнил! Что будем делать со старухой? – спросил Василия Алексей. – А вдруг он и вправду оставил дома записку?

– Что, что? – раздраженно ответил Корнилов. – Всех кончать нужно! Она хорошо знает Галину, это – ее свекровь, так что глушить нужно всех.

Вид крови, запах сгоревшего пороха, словно наркотик, вскружили голову Василию. Затолкав труп старика под разбитую старую лодку, они двинулись в город. Нина Ивановна развешивала во дворе выстиранное утром постельное белье

и поэтому не сразу обратила внимание на двух молодых людей, которые вошли во двор.

– Вам кого? – спросила она, заметив их во дворе.

– Мы из милиции, – ответил тот, что был постарше. – Давайте, пройдем в дом там и поговорим.

Нина Ивановна с недоверием посмотрела на странных работников милиции. Она вытерла свои руки о передник, и еще раз отметив про себя молодость одного из них, направилась в дом. Когда они оказались в сенях, Корнилов ловко набросил на ее шею бельевую веревку и начал душить женщину. Вскоре она перестала подавать признаки жизни.

– Давай, Лешка, «шмонай» хату. Здесь добра должно быть много. Оно им больше не понадобится.

Собрав дорогие носильные вещи, деньги, золото, и дождавшись темноты, они покинули дом.

***

На столе перед Максимовым лежала гильза от пистолета «Парабеллум», обнаруженная на месте убийства Галицина Матвея Гавриловича. Заключение экспертов было однозначное: старик был убит из уже «засвеченного» ранее оружия. В тот же день был обнаружен и труп его супруги, которая погибла в результате механической асфиксии. Павел взглянул на фотографии, на которых были зафиксировано положение трупов и сгреб их движением руки. Отложив их в сторону, он поднялся из-за стола и подошел к окну, за которым жил

мирный город. На столе затрещал телефон. Не зазвонил, а именно затрещал. Зуммер был таким противным, что Максимов невольно сравнил этот звук со звуком бормашинки в стоматологическом кабинете.

– Максимов! Слушаю!

– Максимов! Что у нас нового по двойному убийству в Зеленом Доле? – спросил его министр госбезопасности республики.

– Работаем, товарищ министр. Выдвинуто несколько версий, за каждой из которых закреплены опытные оперативники. На мой взгляд, убийство совершено в корыстных отношениях, так как из дома Галициных были похищены вещи и ценности. Что за ценности, выясняем. Семья вела замкнутый образ жизни и практически не общалась с соседями. Однако, одна соседка видела, как хозяин шел по улице с молодым пареньком лет шестнадцати.

– Ты хочешь сказать, что это дело рук казанской банды, за которой ты так долго охотишься?

– Я не исключаю этого, товарищ комиссар.

– Максимов! Мне не нравится то, что ты всячески пытаешься притянуть к этим преступлениям казанскую банду, которую ликвидировали наши коллеги из Москвы еще весной. Это мешает работе оперативной бригады. И еще, бывший твой начальник Лосев возвращается обратно. Это даже хорошо, что мы не успели назначить тебя начальником отдела. Ты не обижайся, так бывает...

– Я не обижаюсь, товарищ комиссар, тем более я никогда не претендовал на эту должность.

– Это почему, Максимов?

– Просто не люблю кабинетную работу.

– Вот и хорошо...

Комиссар повесил трубку. Услышав гудки отбоя, Павел положил трубку. Он снова подошел к окну. Из парка, который находился рядом с Наркоматом внутренних дел, доносились звуки духового оркестра. Снова зазвонил телефон.

– Максимов! Слушаю!

– Здравствуй, Павел, – услышал он голос Тамары. – Ты не сможешь встретить меня после работы.

– Почему не могу, конечно, смогу! – чуть не крикнул он от радости в телефонную трубку.

– Я думала, что ты обиделся на меня и не захочешь разговаривать.

Он положил трубку и, взглянув на часы, направился к выходу. Купив по дороге букет цветов, он запрыгнул на ходу в вагон трамвая и поехал на встречу с Тамарой.

***

Галина сидела за столом и отрешенно смотрела в окно. Напротив нее за столом сидел мужчина, на вид которому было где-то около сорока лет.

– И так, гражданка Морозова, вы утверждаете, что приходите снохой чете Галициных и что последний раз вы виде-

ли их живыми более месяца назад. Я правильно вас понял?

– Правильно, гражданин следователь, – тихо произнесла женщина и, достав из сумочки носовой платок, приложила его к глазам. – Скажите, неужели вы думаете, что я могла убить их?

Шел второй час ее допроса в отделе уголовного розыска. Этот худощавый на вид оперативник уже изрядно измотал ее своими вопросами, и сейчас она очень боялась, что ему удастся запутать ее. Поэтому, чтобы как-то обезопасить себя, она решила не спешить с ответами и отвечать на них довольно, односложно.

– А вот соседка Галициных, гражданка Хуснуллина, утверждает, что видела вас у них две недели назад. Так кто нас вводит нас в заблуждение – она или вы?

Галина смутилась. Она просто не знала, что ответить сотруднику уголовного розыска.

– Я же вам уже ответила, что последний раз приезжала к Галициным больше месяца назад. Соседка, которая утверждает, что видела меня за две недели до их убийства, по всей вероятности, спутала меня с кем – то. А верить мои показаниям или нет, решайте сами, я на этом не настаиваю.

Оперативник быстро записал ее показания и, оторвав свой взгляд от протокола, снова задал ей вопрос:

– Скажите, Морозова, вы знали, что ваша свекровь хранит у себя дома золотые изделия?

– Откуда я могла это знать? Я живу в Казани, а она – в

Зеленом Доле. Да и особо доверительных отношений у меня с ней не было. Были у нее золотые изделия или нет, я не знаю, а сама она мне об этом не рассказывала.

– Вам не знакомо вот это изделие? – спросил оперативник и положил на стол серьгу с большим изумрудом.

Женщина посмотрела на серьгу. Большой зеленый камень сверкал в лучах электрического света. Эти серьги она привезла ей месяца три назад, они когда-то принадлежали завхозу из ЖКО.

– Красивая вещица, – произнесла Галина. – Однако, я эти серьги никогда не видела у свекрови. Так и запишите – я никогда и не интересовалась, были ли у них какие-либо ценности или нет, мне это было не интересно.

Морозова снова бросила свой взгляд на серьгу, отметив про себя, что серьга была именно из той партии золотых изделий, что она передала свекрови на реализацию.

– Гражданин следователь, может, вы прекратите меня допрашивать? Я и так вам все рассказала, что знала о семье Галициных. Вы знаете, что после смерти мужа меня ничего не связывало с этой семьей и поэтому я ничего существенного не могу вам рассказать. Знаю лишь одно, что свекор, когда выпьет, бывал крайне несдержанным и постоянно провоцировал скандалы. Не исключено, что и здесь он мог нарваться на людей, которые не выдержали всего этого и просто разобрались с ним.

– Насколько я понял, ваш свекор мог нарваться на людей,

которые не стали с ним скандалить, а взяли и застрелили его. Но тогда почему они задушили его супругу и как они узнали, где она живет?

– Это не ко мне, гражданин следователь. На этот вопрос, наверное, может ответить лишь преступник. Мне кажется, что сам свекор мог рассказать им о своей семье, я имею в виду, о тех ценностях, что хранились у них в доме.

Оперативник вдруг улыбнулся и посмотрел на Галину. Похоже, высказанные ею предположения, вполне устраивало его. Попросив женщину расписаться в протоколе допроса, он проводил ее до выхода из здания.

***

Максимов снова вернулся к старым обязанностям, освободив временно занятую им должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом. Лосев, молча, наблюдал за тем, как Павел доставал из сейфа свои бумаги и складывал их в небольшую стопку. Очистив сейф, он положил ключи и посмотрел на Геннадия Алексеевича.

– Вот и все, – произнес Максимов, – как говорят, покомандовал. Рулите, думаю, что скучать вам не придется.

Взяв бумаги со стола, Павел направился к двери.

– погоди, Максимов! – остановил его голос Лосева. – Ты на меня не обижайся. Я же тебе тогда честно сказал, что я был против твоей кандидатуры. Может, это и сыграло решающую роль в твоём назначении.

– С чего вы взяли, что я обиделся, тем более на вас, – ответил Павел. – Рожденный ползать, летать не может. Побыл факиром на час и за это – спасибо.

Он толкнул дверь и вышел в коридор. Лавируя между посетителями, он двинулся в сторону своего кабинета.

– Начальник! – донесся до Максимова знакомый голос.

Павел оглянулся. По коридору в наручниках вели Хряща. «Интересно, за что его повязали», – подумал Максимов, вспомнив, что два дня назад он встречался с ним в пивной на разъезде Петрушкино.

Из кабинета, куда завели Хряща, вышел лейтенант Валиуллин.

– Рустем! Вы за что повязали Матвеева? – поинтересовался у него Максимов.

Валиуллин с интересом посмотрел на Павла, словно увидел его впервые.

– Мы, товарищ Максимов, просто так никого не задерживаем. Если он здесь, да еще в наручниках, значит, за дело. А почему вас это интересует?

Павел улыбнулся.

– Значит, по делу? – переспросил Павел Валиуллина. – Тогда работайте.

Еще раз, взглянув на оперативника, Максимов развернулся и направился дальше по коридору.

– Привет, Станислав Иванович! – поздоровался Максимов, входя в кабинет Яхина. – Надеюсь, мое место еще не

занято?

– Проходи, Павел. Рад, что ты снова с нами. Давай, включайся в работу. Много краж в последнее время: как личного имущества, так и госимущества. Похоже, действует устойчивая группа. Некоторые кражи совершены, словно под копирку.

– Был у меня один человек, который наверняка помог бы нам выйти на эту группу, а сейчас его, к сожалению, нет.

– Почему был? – спросил Максимова Яхин. – Что с ним случилось?

– Повязали его орлы из группы Валиуллина. Я поинтересовался у него за что, но он не стал говорить со мной на эту тему.

– Хорошо, я сам с ним лично поговорю. Если за ним ничего конкретного нет, то освободит.

– Станислав Иванович, он – очень авторитетный человек и «нагнать» его из камеры, просто так нельзя. Для этого необходимо разработать какую-то комбинацию.

– Ну, и разрабатывай....

– Как я могу это сделать, если неизвестно, сможете вы с Валиуллиным договориться или нет.

Павел посмотрел на Яхина, ожидая от него ответа.

– Чего смотришь? Я сказал, попробую, значит, попробую...

Максимов поднялся со стула и направился к двери. Проводив Павла взглядом, Яхин поднял трубку и начал звонить

Валиуллину.

***

Корнилов сидел за столом и слушал Галину, которая рассказывала ему о своем посещении уголовного розыска. Она была, как никогда весела и, прерывая свой рассказ, громко смеялась.

– Ну, ты и молодец! – похвалил ее Василий. – Здорово ты их обвела вокруг пальца. Пусть теперь думают, что это старик навел нас на хату. Как ты считаешь, может, поделить деньги и разбежаться в разные стороны. С такими деньгами можно жить до самой старости.

На лице Галины пробежала едва заметная тень сомнения. Она пристально посмотрела в глаза Корнилова. Заметив, что тот отвел свои глаза в сторону, произнесла:

– Я думала, что ты хоть немного поумнел за это время, Василий, а получается, что нет. Ну, ты уедешь из Казани и что дальше? Кто-нибудь из твоих дружков гульнет хорошенько и его тут же прищучат «мусора». И что дальше? Да, они землю рыть будут сутками, но выйдут на тебя, а там – лоб зеленой намажут и к стене. Поэтому денег пока никому не давай. Если нужны, пусть заработают – хат в Казани много.

Корнилов не стал с ней спорить, так как хорошо понял, к чему могут привести большие деньги. Он мысленно представил себя в одиночной камере, гул шагов вертухаев в коридоре и холодный ветерок по спине. Еще вчера вечером друзья

потребовали у него свои доли, однако, ему удалось уйти от этого непростого для него разговора.

– Вот, что Вася, – тихо произнесла Галина. – Есть одна торгашка с большими деньгами. Вы ее возьмите на гоп-стоп, вот и разживетесь деньжатами.

Корнилов промолчал. Он достал папиросу и, размяв ее пальцами, прикурил. Галина не спускала с него глаз, ожидая от него каких-либо вопросов.

«Неужели испугался? – подумала она. – Впрочем, зачем рисковать, когда в доме море денег. Я, наверное, тоже бы задумалась над этим предложением».

– Чего молчишь, Вася?

– А ты бы пошла? Мне вот не хочется....

– Я так и знала, что ты испугаешься, – словно подводя черту под сказанным, произнесла Галина. – Трус – ты Корнилов!

Она еще хотела ему сказать что-то обидное, но заметив, как его глаза наливались кровью, замолчала.

– Я же тебе уже не раз говорил, чтобы ты «фильтровала» свой базар! – прошипел он ей в лицо. – Мне все равно сейчас кого валить, тебя или ту торговку. Ты это поняла или нет, шкура?

Галина не на шутку испугалась. Она замолчала и попыталась увести разговор в иное русло, но это у нее не получилось.

– Ну, убей меня! – закричала она ему прямо в лицо, тем

самым заставив его отпрянуть от нее. – Убей! Я уже убила сына твоего, ведь ты приказал мне идти на аборт. Теперь ты можешь убить и меня, так же легко, как ты убил своего сына.

– Сучка! Тварь! – ответил ей Корнилов. – Как была сукой, так сукой и осталась. Это не я его убил, а ты! Это ты испугалась, что не сможешь сорваться от ментов с ребенком, а не я.

Корнилов встал из-за стола и подошел к окну. Достав папиросу, он закурил. За не столь длительное время их совместной жизни Галина хорошо изучила его. Глядя на Василия, она поняла, что победила его. Теперь она ждала, когда он сядет за стол и попросит ее ввести в курс предполагаемой акции.

– Что у тебя? – словно, между прочим, спросил он ее. – Кто такая эта баба и какие деньги под ней.

– Она продает пиво и каждую неделю собирает выручку, сдает ее в торг. Деньги приличные, да и хата у нее не пустая. Правда, когда она несет деньги, ее сопровождает муж. Он может поднять шум, но за деньги, думаю, умирать не станет.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил ее Василий. – Не будет умирать за деньги! А, если, это не так? Что тогда?

– А ничего, – как-то вполне буднично произнесла Галина. – Просто чикнете его, то есть – убьете.

– Тебе легко сказать, убьете, – как-то уже примирительно ответил, Корнилов. – Давай, адрес....

***

– Вот они, – тихо произнес Симаков, указывая Корнилову на мужчину и женщину, которые запирали на замок пивной киоск. Посмотри, а он не так и прост.

Мужчина был довольно крупным: рост порядка ста восьмидесяти пяти сантиметров, косая сажень в плечах. У него были поломаны уши, нос, что говорило о том, что он раньше занимался борьбой.

– Не дергайся, Петя, пусть немного отойдут от киоска, – ответил Василий и достал из-за ремня «Парабеллум». – Пусть еще поживут немного, подышат.... Ты сейчас, как Бог, Петр, их жизнь в твоих руках.

У мужчины в руках был большой кожаный саквояж, который он перекидывал из одной руки в другую.

– Вот они – наши денежки, – весело произнес Бабаев, потирая ладони. – Чур, мужик мой.

Корнилов похлопал по плечу водителя, давая тому понять, чтобы он приготовился и ждал сигнала. Когда водитель кивнул в ответ головой, Василий открыл дверь «Эмки» и медленно направился навстречу супружеской паре. Он шел, насвистывая какую-то популярную мелодию, и внешне казался самым обыкновенным прохожим. Это была лишь маска. Внутри Василия все мелко дрожало от предчувствия схватки.

– Здравствуйте, вам, – поздоровался с мужчиной Бабаев. – Чего несете, господа – товарищи. Чего молчите, небось, ворованное?

Мужчина с интересом посмотрел на Алексея. Мужчина улыбнулся, ему вдруг стало весело от слов Бабаева.

– Иди домой, пацан, ты еще домашнее задание не выполнил.

Алексей протянул руку к саквоюжу. Мужчина, переложив его из одной руки в другую, сильным ударом в лицо уложил на землю Бабаева. В этот момент Симаков резким движением вырвал из рук мужчины саквояж и ударил его ножом с живот. Рот мужчины широко раскрылся, словно у рыбы, выброшенной волной на берег. Из горла вырвался какой-то звериный рык и он, схватив Симакова за лацканы пиджака, увлек его на землю. Шум драки разорвал женский крик:

– Люди! Помогите, убивают!

Этот крик, словно ушат холодной воды, привел в себя стоявшего до сих пор Корнилова. Он поднял руку и выстрелил в лицо женщины. Пуля угодила ей в лоб и она, словно подкошенная невидимой косой, повалилась на землю. Василий подскочил к Симакову, который пытался столкнуть с себя тяжелое тело убитого им мужчины. Вдвоем с Бабаевым они оттащили в сторону труп, давая возможность подняться с земли Симакову.

– Уходим! – выкрикнул Корнилов и, подобрав с земли саквояж, бросился к машине. – Гони, Игнат, гони!

Из-за угла показался милицейский «воронок». Высадив одного сотрудника милиции, автомобиль устремился вслед за «Эмкой». Корнилов опустил стекло и, высунувшись из ок-

на машины, дважды выстрелил, в преследующую их автомашину. Василий отчетливо видел, как пули пробили ветровое стекло «воронка», но, похоже, не попали в водителя.

«Сейчас я тебя достану, «мусорок», – прошептал Василий, – сейчас.

Он снова выстрелил. В этот раз пуля, пробив стекло, угодила водителю в голову. Машина резко вильнула сначала в одну сторону, а затем, перескочив поребрик, рухнула в Булак.

– Вот и все, – произнес Корнилов, меняя пустую обойму пистолета на новую. – Игнат, высади нас пока где-нибудь.

Водитель, молча, кивнул головой. Свернув в узкий переулок, машина остановилась. Василий снял с себя старый пиджак и надел новый.

– Выбросишь по дороге, – приказал он Игнату. – Меня не ищите, я сам найду вас.

Взяв в руки саквояж, он сунул его в вещевой мешок. Закинув его за плечо, он направился в сторону железнодорожного вокзала.

***

Вечер был довольно теплым. В распахнутое настежь окно слышались голоса детей, играющих под окнами дома. Корнилов сидел на диване, наблюдая, как Галина пересчитывает деньги. Наконец она закончила считать и сложила пачки купюр в саквояж.

– Неплохо, – удовлетворительно произнесла она. – Я думала, будет значительно меньше.

– Галина! Нужно отдать доли ребятам пока не стали «возбухать», – тихо произнес Василий. – Да и те деньги нужно тоже разбросать по частям. Как-то нехорошо все получается.

– Щас, бегу и падаю, – с вызовом произнесла Галина, задвигая под стол саквояж. – Подождут, твои мальчишки.

По лицу Корнилова пробежала тень недовольства. Заметив это, сожительница усмехнулась.

– Что, хочешь ударить? Ударь, – с вызовом произнесла она. – Ударь, ударь...

– Ты не играй с огнем, Галина. Здесь я решаю, а ты исполняешь.

– Кого ты из себя изображаешь? Кто ты без меня – ноль без палочки. Живешь в тепле, вкусно жрешь, пьешь водку....., разве этого мало?

На лице Василия заиграли желваки. Это не сулило ей ничего хорошего, но отступить было не в ее правилах.

– Я что тебе сказал? Не понимаешь?

Удар Корнилова оказался на редкость сильным и точным. Он попал в самый кончик нижней челюсти. Женщина словно мешок свалилась на пол, потеряв сознание. В какой-то момент Василий понял, что малость переборщил. Он нагнулся над ней и плеснул ей в лицо из стакана воду. Однако, женщина, по-прежнему, лежала без движения.

«Неужели убил? – подумал Корнилов. – Этого еще не хва-

тало».

Он поднялся с колен и направился к двери. Приоткрыв ее, он выглянул в коридор. Он был пуст. Он быстро накинул на себя куртку и вышел во двор.

«Нужно позвонить Игнату», – решил он про себя и, закулив, направился к телефону – автомату. – Необходимо вывезти тело. Как же я так...».

Он быстро набрал номер и стал ждать ответа. Василий уже хотел повесить трубку, как услышал голос диспетчера.

– Мне бы Игната, – обратился он к ней.

– Он в рейсе. А с кем я говорю?

– С родственником, – соврал он. – Передайте ему, я буду его ждать у себя дома.

– А как ваша фамилия?

– Корнилов. Надеюсь, что больше вы меня пытаться не будете. Вам бы работать в прокуратуре или Министерстве государственной безопасности, – пошутил Василий.

«Идти домой или нет? – подумал он. – Наверное, нужно. Нужно как-то упаковать тело».

Он толчком руки открыл дверь и буквально остолбенел у порога. За столом сидела Галина. Левый ее глаз заплыл в темно-фиолетовом синяке, на подбородке сияла большая ссадина. Лицо женщины отекло и чем-то стало напоминать маску новогодней колдуньи.

– А вот и он, сволочь! – тихо произнесла Галина, указав местному участковому пальцем на Корнилова. – Это он так

меня отделал. Он меня и раньше бил! У меня есть свидетели – это мои соседи. Посадите его, нечего ему топтать грешную землю.

– Разберемся, – ответил участковый, вынимая из полевой сумки лист бумаги. – Вот и хорошо, гражданка Морозова. Заявление писать будете?

Она, молча, взглянула на Василия. Ее незакрытый опухолью глаз сверкнул злостью и Василий почувствовал, как по его спине, словно по полю, пробежала волна мурашек.

– Давайте, бумагу. Я этого гада...., – Галина не договорила, но Корнилов уже ничуть не сомневался в ее намерениях.

– Как же так можно было избить женщину, – обратился к нему лейтенант. – Вы же могли просто убить ее.

– Дело семейное, товарищ лейтенант. Мало ли что бывает между супругами. Погорячился – виноват, но с кем не бывает.

Он еще хотел что-то сказать, но вовремя спохватился и замолчал.

– Что же вы не пишете, гражданка Морозова? – обратился к ней участковый. – Без вашего заявления я не могу его забрать.

– Я передумала, товарищ начальник, – еле шевеля разбитыми губами, ответила Галина. – Боюсь остаться одной – без мужика. Он хоть и дерется, но все же – родной. Вы к нам чаще заходите, так, для профилактики, может, он и бросит это дело.

– Хорошо. Дело ваше... Тогда я пошел. Разбирайтесь здесь сами, чужая семья – потемки.

Сотрудник милиции надел на голову фуражку и посмотрел на Корнилова.

– А вы, пройдите со мной, – произнес он, обращаясь к Корнилову. – В отделении и поговорим.

Они вышли из квартиры и направились в отдел милиции.

***

Василий шел, молча, бросая свой взгляд с одной камеры на другую. Камера, в которую завели Корнилова, была небольшой по площади, однако в ней находилось уже шестеро, задержанных милицией, человек.

– Ты кто такой? – спросил Василия мужчина.

Он был небольшого роста, худой, побритый наголо. На его теле было множество татуировок, по которым Корнилов безошибочно определил в нем воровского авторитета.

– Привет, бродягам! – поприветствовал Василий сокамерников, тем самым сняв излишние к нему вопросы. – Как здесь с харчами, не голодуете?

– Где чалился? – снова спросил его, все тот же мужчина.

– В Мордовии. Еще вопросы будут? – коротко ответил Корнилов. – Где здесь можно приземлиться?

Мужчина пинком ноги согнал одного из арестованных с нар и рукой указал ему на место. Прежде чем занять место, Василий аккуратно разгладил лежавшую на «шконке» тряп-

ку.

– За что? – поинтересовался у него авторитет.

– Не понял?

– За что повязали?

– За бабу. Плохо понимала, пришлось немного поучить.

Его ответ вызвал смех сокамерников.

– И как? – спросил его один из мужчин. – Много отвалил?

Поняла?

– Вроде бы дошло. Бабы же такой народ, их нужно периодически ставить в стойло, а иначе залезут на шею.

Снова все засмеялись. Василий сбросил с себя пиджак и, свернув его, положил под голову.

– Слышь, учитель! Может, в карты перебросимся? – предложил ему один из мужчин. – Да ты не трусь, много не проиграешь...., но время убьешь.

– Спасибо, не играю... да и денег с собой нет, а на воздух не играю....

Прошло около часа, когда дежурный по КПЗ (камерам предварительного заключения) открыл дверь и выкрикнул фамилию Василия. Он вскочил с нар и, взглянув на сокамерников, неторопливо направился к выходу. В кабинете, куда завели Корнилова, сидел участковый и незнакомый Василию мужчина в штатском костюме.

– Что, успокоился? – обратился к нему участковый. – Смотри у меня, Корнилов, еще подобный случай и я тебя посажу. Ты понял меня?

– За что ты хочешь его посадить? – спросил участкового инспектора, мужчина в штатском.

– Злостный хулиган. Избил жену, – ответил участковый, не работает.

Оперативник еще раз взглянул на Корнилова и перевел свой взгляд на лейтенанта.

– Слушай! Ты только посмотри на него, – произнес оперативник. – Он тебе никого не напоминает?

Василий вздрогнул. Участковый инспектор внимательно посмотрел на оперативника и пожал плечами.

– Нет, никого. А что?

– Да он очень похож на одного из бандитов, которых мы так долго разыскиваем. Рост, цвет волос, один глаз немного косит...

– Чего вы говорите? Какой из меня бандит. Выпить могу, жену избить могу...

– Да, брось, ты это, – ответил участковый, обращаясь к оперативнику. – Какой из него бандит! Это просто – хулиган! Я был у них дома, все просто. Похоже, и денег в семье не так много, он же не работает.

Оперативник еще раз посмотрел на Корнилова, а затем поднял трубку. Он быстро набрал номер и стал ждать ответа. Не дождавшись ответа, он положил трубку обратно.

– Кому звонил? – поинтересовался у оперативника лейтенант.

– Максимову. Он говорят, видел этих бандитов и я хотел,

чтобы он взглянул на него. Вдруг опознает?

– Да, брось ты, все это. Тоже придумал, какой из Корнилова бандит.

Он выписал Василию штраф и, сунув ему в руки квитанцию, махнул ему рукой.

– Давай, вали отсюда. Не забудь оплатить штраф! Следующий раз за подобное – посажу.

***

Корнилов шел по улице, еще не веря в удачу. Стресс, пережитый им полчаса назад, давал о себе знать. Заметив пивной ларек, он направился прямо к нему. Купив две кружки пива, он сел на небольшой столик и с жадностью выпил кружку пива. Это несколько успокоило его и, он, достав из кармана, купленную им пачку «Беломорканала», закурил.

– Корнилов! Неужели ты? – услышал он знакомый голос. – Привет, кореш.

Василий обернулся и увидел своего хорошего знакомого, с которым отбывал срок заключения. Корнилов улыбнулся и махнул ему рукой.

– Привет, проходимец! – поздоровался с ним невысокий мужчина лет сорока и присел на свободный стул. – Давно откинулся, Вася? Как живешь на воле?

– Откинулся два года назад, – ответил Корнилов. – Как сам? Давно с «кичи»?

Мужчина промолчал, словно не услышал вопроса.

– Кто это тебя так? – спросил Василий, рассматривая изуродованное шрамами лицо приятеля.

– «Суки» порезали, – ответил мужчина и с жадностью посмотрел на кружку с пивом. – Может, поделишься?

Корнилов перехватил его взгляд и пододвинул к нему полную кружку пива.

– Пей, Рашпиль. Я еще сейчас возьму с прицепом и закуской, – произнес Василий, поднимаясь с места. – Я сейчас...

Через минуту другую, Корнилов снова присел к столу. Толстая с красным лицом буфетчица поставила перед мужчинами пиво, бутылку водки и бутерброды с салом и рыбой.

– Спасибо, Клава, – поблагодарил ее Корнилов.

– Давай, Рашпиль, ешь, не стесняйся, – произнес Василий, доливая в кружки с пивом, водку.

– Я смотрю, ты «при делах» Корнил? – спросил его товарищ. – Водка, пиво, сало, «хрусты».

– Не жалею, Рашпиль, есть, что выпить и чем закусить. Сейчас жизнь такая – хочешь жить, умей вертеться. А я смотрю, ты совсем на мели. Ты мне в свое время рассказывал, что сумел припрятать золотишко перед посадкой...., но глядя на тебя, выглядишь ты....

Он не договорил, так как в глазах Рашпиля мелькнули недобрые искры.

– Заткнись, Корнил! Ты забыл, кто тебе помог, когда ты залетел в камере в карты? – произнес Рашпиль и недобро улыбнулся. – Если бы не я, то мог и «запетушиться». Сейчас

не сидел бы здесь с честным воров, а «кукарекал»...

Он отодвинул от себя кружку с пивом.

– Не думал я, что ты меня укоришь..... Ты забыл, что от тюрьмы, и от сумы. Ты знаешь, Вася, у меня сейчас огромное желание порезать тебя. Да не просто порезать, а порезать на ленточки. Ты знаешь, я это делаю очень аккуратно и больно.

Он вытащил из-за голенища сапога нож и посмотрел на побелевшее лицо Корнилова.

– Что молчишь, Корнил? Язык проглотил?

– Прости меня, Рашпиль. Я не хотел тебя обидеть...

– Вот и я об этом. «Рамсы» путаешь, Корнил. Забыл кто я и кто ты. Ладно, не дергайся, просто фильтруй базар в следующий раз.

Он сунул нож за голенище сапога и похлопал Василия по плечу.

– Что, «обмочился», «босота?! Живи, так и быть.

«Надо валить, – подумал Корнилов. – Да, да – валить и чем быстрее, тем лучше».

– Слушай, Рашпиль! Я спешу домой, так что, бывай....

– Погоди, Корнил. Есть тема, нужно ее перетереть.

– Говори, я слушаю.

– «Волына» нужна чистая, сможешь достать? Сейчас без нее, сам понимаешь....

– Могу, – тихо ответил Корнилов. – Завтра в полдень на этом месте.

Он пожал руку «Рашпилю» и направился в сторону дома.

***

Максимов и Тамара вышли из кинозала клуба казанского льнокомбината. Она взяла Павла под руку и они, не торопясь, направились в сторону общежития, в котором проживала Тамара.

– Я вот смотрю этот фильм уже третий раз, и все время восхищаюсь игрой Бабочкина. Какой артист! Как хорошо он играет Чапаева...

Тамара, молча, взглянула на Павла и промолчала, так как тот жил еще сюжетом фильма.

– Ты что молчишь, Тамара? – спросил он ее. – Как тебе кино?

– Чапаева жалко. Мог бы еще пожить...

– Вот и я об этом. Вот что значит, нарушить дисциплину и заснуть на посту – сами погибли и Чапаева погубили.

Павел внезапно остановился и посмотрел на Тамару.

– Что-то случилось? Ты почему так смотришь на меня?

– Как смотрю?

Максимов обнял ее за плечи и крепко прижал ее к себе.

– Тамара! Переезжай жить ко мне, – неожиданно произнес Павел. – Как-то нехорошо получается, я в одном месте, ты в другом.

– Это что предложение? – спросила она Павла. – А что скажут люди? Да и кто я тебе – жена, любовница?

– Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.... Да мне за тебя

отдать жизнь не жалко! Хочешь, давай распишемся!

Тамара улыбнулась.

– Вот я смотрю на тебя, Максимов, ты даже нормально сделать предложение не можешь. Все у тебя как-то не так, как то по милицейски, наскоком. Да, ты на меня не обижайся, Павел, это я шучу. Все это как-то неожиданно для меня.... Мне нужно подумать.

С лица Максимова медленно сползла улыбка. Он сейчас просто не знал, как расценивать эти слова: как согласие или отказ. В какой-то момент ему стало жалко себя.

«Может, не стоило вот так, сразу, – подумал он. – Наверное, она права, ничего я не могу».

Заметив резкое изменение его настроения, Тамара взяла его под руку.

– Обиделся, я так и думала, что ты обидишься на меня. Не нужно дуться, Павел, я ведь не сказала тебе – нет. Мне и вправду, необходимо подумать над твоим предложением, проверить мои чувства к тебе. Не требуй у меня моментального ответа, я просто оказалась не готовой к этому разговору.

– И как долго ты будешь проверять свои чувства? – спросил он ее. – Сколько мне еще ждать: месяц, два, год? Встречаемся мы с тобой уже около года, а ты все еще не разобралась в своих чувствах.

– Ты знаешь, Павел, я просто боюсь ошибиться в тебе. Ты – хороший человек, но это не главное во взаимоотношениях

между мужчиной и женщиной. Ты знаешь, я иногда пугаюсь тебя, когда ты мне рассказываешь о себе. В тебе одновременно живут два человека – добрый и беспощадный. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил ее Корнилов, хорошо понимая, что начинает медленно «заводиться».

Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы немного привести себя в порядок. Тамара шла, молча, что-то разглядывая у себя под ногами.

– Павел! Как воспримет твой сын мое появление в вашем доме? Одно дело – просто зайти, а другое – жить. Он ведь у тебя взрослый, не осудит ли он тебя и меня, ведь он еще так хорошо помнить покойную мать?

– Если тебя только это беспокоит, то волноваться не стоит. Я с ним поговорю, думаю, что он нас поймет.

– Вот ты и поговори, а потом уж и делай мне предложение.

Она снова замолчала и прижалась к Павлу. Он снял с себя пиджак и набросил его на хрупкие плечи Тамары. Незаметно, за разговором они подошли к общежитию, где проживала девушка. Максимов обнял ее и прижал к своей груди. Едва уловимый запах женского тела, волос на какой-то миг ударил ему в голову, заставив его затаить дыхание.

– Тамара! Я тебя люблю, – тихо прошептал он ей на ухо. – Ты подумай над моим предложением.

– Хорошо, Павел, – так же тихо ответила она. – Мне нужно идти.

Она улыбнулась ему и, сняв с плеч пиджак, вернула его Максимову, поцеловала его в щеку и скрылась за дверь.

***

Рашпиль стоял около столика пивной и медленно потягивал пиво из кружки. Около него стояло двое молодых людей, которые, с интересом разглядывали проходящих мимо них людей

«Дружки», – с усмешкой подумал Корнилов, направляясь в сторону Рашпиля.

– Привет честной компании! – поздоровался с ними Василий. – Как пиво? Свежее?

– Разное, – ответил Рашпиль, – в зависимости от денег. Принес?

Корнилов кивнул головой и протянул Рашпилю сверток.

– Паленый? – поинтересовался у него товарищ.

– Не знаю – не мой, – коротко ответил Василий. – Маслята тоже там.

Рашпиль положил сверток на стол и стал его разворачивать.

– Я смотрю, пистолет-то трофейный.

– Да, «Парабеллум», а что не устраивает? Извини, что нашел, то и принес.

Рашпиль пристально посмотрел на Корнилова, прежде, чем ответить.

– Дело есть, Корнил. «Надыбил» я небольшой коммерче-

ский магазинчик. Не хочешь поучаствовать в деле?

– Нет, Рашпиль – это не мое. Я с государством в такие игры не связываюсь, слишком это накладно. Одно дело – хату «выставить» или «угол» на вокзале «свернуть»...

Молодые люди громко засмеялись.

– Слышишь, Корнил? Боишься? Кто не рискует, тот не пьет шампанское, – произнес Рашпиль. – Ты, как был трусом, так им и остался.

– Каждому свое. Я и без вашего шампанского обойдусь. Я могу и водку пить. Мне много не надо.

– Ну, смотри сам. За «волыну» расплачусь позже, когда срублю «хрусты». Ты что, какой смурной? Накати сотку водочки и все встанет на место.

– Не поможет, Рашпиль. Сожительница куда-то свалила, пока я «чалился» в ментовке.

– Боишься оголодать? – спросил его один из парней. – Бабы, как кошки, гуляют сами по себе, забыв про своих мужиков.

Корнилов усмехнулся.

– Ну, я пошел, Рашпиль, – произнес он и, повернувшись, направился по улице. Свернув в переулок, он случайно столкнулся с подругой Галины.

– Привет, Клава! Ты случайно не знаешь, где моя половинка? – поинтересовался он у подруги.

– А ты что, не знаешь? Она переехала в Зеленый Дол. Ей досталось большое наследство от покойной свекрови. А ты

что, не знал об этом? – произнесла женщина и ехидно засмеялась, глядя на растерянное лицо, Корнилова. – Вот видишь, Вася, какая она скрытная.

«Надо же, – подумал Василий, – а я и не знал».

– Она что-то говорила, но я почему-то не придал этому особого значения, – соврал Корнилов. – А я вернулся из командировки, а квартира пуста.

«Ну и врет, Корнилов, – подумала женщина, – как будто я не знаю, где он был на самом деле».

– Спасибо, – поблагодарил он женщину, – пойду домой.

– Иди, иди, – произнесла женщина и ехидно засмеялась. – Вася, а может ко мне в гости зайдешь? Соскучилась я без мужика...

Во дворе Корнилова ждали его дружки. Они сидели у сараев и резались в карты.

– Ну, как, Корнил? – спросил Василия Симаков. – Нашел жену?

– Да. Она в Зеленом Доле, где мы недавно побывали. Ей, оказывается, покойная свекровь, дом отписала.

– Надо же смоталась, курва, прихватив наши деньги. Я не знаю, как ты, но я бы на твоём месте ей бы голову отстрелил, – произнес Симаков и взглянул на Бабаева, ища у него поддержку.

Похоже, они уже договорились с Алексеем, что нужно требовать с Корнилова деньги.

– Корнил! Дело твое, как поступить с Галиной, но день-

ги то – наши. Верни наши доли, и мы разбежимся в разные стороны.

В глазах Корнилова забегали злые огоньки.

– Что, «съявки»? Забыли, кто вас на дело брал? Теперь права качаете!

– А ты не ори! – тихо произнес Симаков. – Мы просим свои доли и не более. Свою долю можешь подарить кому угодно, даже своей Галке.

Рука Корнилова скользнула в карман. Он забыл, что час назад он отдал свой «Парабеллум» Рашпилю и сейчас был без оружия.

– Но, но, – произнес Симаков. – Не дергайся, Корнил, я этого не люблю. Ты лучше подумай, как вернуть нам деньги.

– Хорошо. Мы поедem к ней завтра и там все решим.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Середина октября. Время, когда назойливые осенние дожди встречаются с еще летним теплом. Вот и накануне прошел сильный дождь. Лиловые тучи, застилавшие все небо, висели над землей так низко, что, казалось, будто они вот-вот упадут на серую ленту бесконечной и извилистой дороги. Темное серое небо почти слилось с напитавшейся дождем землей. Все погрузилось во мглу. Стерлось представление о текущем времени. Вроде бы еще продолжался день, но наступившая беспросветная серость больше напоминала осенний вечер. Дождь шел и шел, то крупными каплями стучал в

автомобильное стекло, то моросил беззвучным бисером, то дождевым смогом зависал в открывшемся взору пространстве.

«Эмка» свернула с дороги и остановилась в узком переулке. Бабаев приоткрыл дверцу машины и хотел выйти, но его остановил голос Корнилова:

– Куда рвешься! Сидеть!

– Я хотел осмотреть дом, – словно оправдываясь перед Василием, ответил Бабаев. – Зачем рваться в закрытые двери, если есть возможность войти тихо, пусть даже через окно.

– Пусть сходит, – примирительно произнес Симаков.

– Давай, но не долго.....

Бабаев выбрался из салона «Эмки» и, обходя разбросанные по дороге лужи, направился к дому. Улица была пуста. Он осторожно приоткрыл калитку и, оглядевшись по сторонам, направился к дому. На входной двери висел большой навесной замок. Алексей завернул за угол и направился вдоль стены. Остановившись около окна, он достал финку и ловкими движениями быстро снял штапики, а затем выставил и само стекло. Нащупав рукой шпингалеты, он быстро открыл створку, обеспечив свободное проникновение в дом через окно.

«Вот и все, через него и войдем, – подумал он. – Место хорошее, со стороны соседей окно не просматривается».

Прекратившийся было дождь пошел снова. Бабаев поднял воротник демисезонного полупальто, направился в об-

ратную сторону. При выходе со двора, он чуть не столкнулся с Галиной, которая, по всей вероятности, возвращалась с работы. Он вовремя успел укрыться за углом дома и стал ждать, когда она откроет дверь и войдет в дом. Дождь все усиливался и вскоре Алексей почувствовал, что у него промокло пальто. Бабаев осторожно прошел мимо освещенных окон дома и вышел на улицу.

– А вон и Лешка идет, – произнес Игнат. – Интересно, что он там «надыбал».

Бабаев залез в салон автомобиля и сразу же запросил водки.

– Замерз, дайте водки, иначе околею, – произнес он. – Дома она, Корнил. Сам лично ее видел.

– Что ты так долго копался? Я уж подумал, что ты рванул в Казань!

– Может быть, и рванул бы, если бы не деньги. Вот получу деньжата, на юг махну. Там тепло...

Выпив полстакана водки, он закурил, физически ощущая, как жидкость медленно перетекает по кишечнику. Заметив, что все внимательно смотрят на него, он продолжил свой рассказ:

– Я стекло выставил, Корнил, и теперь мы без шума и пыли проникнем в дом.

– Это хорошо, – произнес он и налил себе грамм сто водки. – Давайте, подождем еще минут тридцать и с Богом.

Все согласились с его решением и стали ждать его коман-

ды.

***

Галина возилась у плиты и не сразу заметила, как в доме появился Василий.

– Для кого готовишь? – услышала она за спиной, голос Корнилова. – Наверное, не для меня?

Морозова вздрогнула. Из ее рук выпал металлический половник и упал на пол. Женщина со страхом в глазах оглянулась и, увидев Василия, бросилась в соседнюю комнату. В дверях, упершись рукой в косяк, стоял Симаков, за спиной которого маячила фигура Бабаева.

– Верни деньги, Галина, – вполне спокойно произнес Корнилов. – Не заставляй меня делать тебе больно. Ты же знаешь, что эти деньги – наши и как-то не совсем хорошо, что ты пытаешься их присвоить себе.

– Сука, она! Тварь! – сорвавшись на крик, выкрикнул Симаков. – Крыса! А крыс, убивают!

Галина, взглянув на Корнилова, молча, села на стул. Она спокойно развязала тесемки и сняла передник.

– Нет у меня ваших денег, Вася. Нет, это ты понимаешь?

Сейчас Галина отчетливо понимала, что если вернет им все деньги, то они ее просто зарежут. Все эти деньги, которые она так ловко увела от Корнилова и его дружков, неожиданно для нее превратились в спасательный круг.

– Иди, поройся в комнатах, а я поговорю, – предложил

Корнилов Симакову.

Симаков зло посмотрел на Василия. Он не верил Корнилову, зная его характер, который может неожиданно поменять свой вектор в любую секунду. Он демонстративно сплюнул на пол и прошел в соседнюю комнату, где стал выбрасывать на пол все, что попадало ему под руку. Иногда до него доносился голос Василия, но он не прислушивался к разговору. Сунув руку за образа, он нащупал небольшой сверток. Достав его, он развязал его, в нем находилось шесть сберегательных книжек на предъявителя. Он открыл одну из них и невольно удивился увиденной им цифре. Сумма, указанная в ней просто впечатляла. Он сунул сберегательные книжки во внутренний карман пальто и снова продолжил поиски.

– Галина! Отдай, деньги, – уже в который раз обратился к ней Василий. – Выбирай, деньги или смерть? Я не шучу.

– Можешь убить меня, но деньги я вам не отдам. Их нет у меня, я их сожгла.

Лицо Корнилова исказила гримаса, он громко засмеялся и достал из-за голенища сапога нож. Он хорошо знал эту женщину, чтобы поверить ее словам.

– Я тебя убью. Там тебе деньги не понадобятся. Неужели ты мне не веришь или тебе деньги дороже жизни?

– Убивай! Убивай, сволочь!

Он ударил ей в лицо. Удар был таким сильным, что буквально снес тело женщины со стула. Он подошел к ней и два-

жды ударил сапогом ей в лицо.

– Отдай, сука, если хочешь жить, – снова обратился он к ней.

– Не отдам! – шепеляво произнесла Галина, выплевывая из разбитого рта выбитые Василием зубы.

– Корнил! Что ты с ней возишься? Давай повесим ее? – обратился к Корнилову Симаков. – Я уже и веревку приготовил.

– Не учи! – рыкнул на него Василий. – Мне деньги нужны! А повесить ее мы всегда успеем.

Он наклонился над Галиной, схватив ее за волосы, и усадил на стул.

– Где деньги? – снова спросил он ее и уперся ножом в ее горло. – Говори или я порежу тебя на ремни....

Женщина отрицательно покачала головой. Из порезанной шеи потекла кровь.

– Корнил! Смотри, что я нашел, – произнес Симаков, высыпая на стол из шкатулки золотые изделия. – Откуда у нее такие прелести?

Василий мельком взглянул на золотую россыпь, отметив про себя, что он уже видел эти изделия, которые ранее принадлежали убитому ими завхозу ЖКО. Он снова ударил Галину, которая повалилась со стула на пол.

– Корнил! Дай, я ее зарежу. Эта сука, похоже, ничего нам не отдаст. Я ее буду медленно резать, чтобы было ей очень больно.

– Ты что, Петя? Мне нужны деньги, а не ее смерть!

Симаков пнул лежащую на полу женщину в бок.

– Корнил! Она же «окочурилась»! Ты разве этого не видишь?

– Как «окочурилась»? Да я ее тихонько...

– Ты ее тихонько, а она ласты склеила.

Корнилов наклонился над телом и, взглянув на Симакова, попросил его принести из прихожей воды.

***

Галина пришла в сознание и тихо застонала. Корнилов достал из кармана папиросу и прикурил.

– Я смотрю, ты очнулась? А я подумал, что ты «зажмурилась»? – произнес он. – Даю тебе еще один шанс. Скажи, где деньги и живи. Разве ты жить не хочешь? Вставать рано и смотреть, как восходит солнце. Это же чудесно...

Женщина что-то прошептала невнятно. Василий нагнулся над ней, пытаясь расслышать то, о чем говорила Галина. Неожиданно для него, она плюнула ему в лицо кровью.

– Ах, ты, сука! – прохрипел Корнилов. – Крыса! Подстилка солдатская!

Он сдавил руками женскую шею. Лицо Галины сначала покраснело, она захрипела и засучила ногами, стараясь своими руками освободить сдавленную шею. Василий чисто физически ощутил, как покидала жизнь тело Галины. Когда она окончательно затихла, он поднялся на ноги и вытер лицо

краем скатерти.

«Вот и все», – подумал он и направился в комнату, где рылся в вещах Симаков.

– Ну, как? – спросил Василия Симаков.

Корнилов не ответил и лишь махнул рукой.

– Что нашел? – спросил он товарища. – Не могла она их сжечь! Ищите!

– Нечего существенного. Куда она могла спрятать столько денег?

Петр с подозрением посмотрел на Василия. Ему вдруг показалось, что Корнилов знает это укромное место, но не хочет говорить им об этом.

– Скажи, она тебе не рассказала, где спрятала деньги? – спросил его Симаков. – Неужели, промолчала? Тогда зачем ты ее убил, Вася?

– Ты что уставился? Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался. Может, ты прокурор или следователь из МГБ?

Симаков промолчал, тем самым давая понять Корнилову, что он ему не верит.

– Давайте, закругляйтесь. Нужно возвращаться, – произнес Василий. – Там мужики, наверное, устали нас ждать.

Симаков пристально посмотрел на Корнилова.

– Куда спешить, Корнил? Ты только посмотри, сколько здесь добра. Неужели все это бросим?

– Хорошо. Давай, собирай.....

Василий вышел в зал и посмотрел на тело Галины, кото-

рое лежало на полу.

«Может, не стоило ее убивать, – с сожалением подумал он. – Наверное, нужно было по-хорошему. Может, она бы вернула нам деньги».

Он снова закурил, прислушиваясь, как в соседней комнате пытит Симаков, пакуя вещи в узлы. Взяв в руки полотенце, Корнилов начал вытирать вещи, к которым он касался руками. Уничтожив следы, он высыпал из пепельницы окурки на тряпку, которую сунул в карман пальто.

– Ты еще долго будешь копать? – обратился он к Симакову. – Давай, заканчивай..

– А что?

– Запалить дом нужно, – как бы, между прочим, произнес Василий. – Наследили мы здесь с тобой, Симаков.

– Что-то раньше, Корнил, ты об этом не думал, а здесь....

– Я что-то тебя не понимаю, может, ты здесь решаешь, а не я?

Рука Василия скользнула в карман пальто, где лежал пистолет ТТ. Заметив это, Симаков криво ухмыльнулся.

– Ну, что, смотришь? Давай вали, одним больше, какая тебе разница....

– Дурак, – коротко произнес Корнилов и вышел из дома.

***

Максимов выходил из секретариата, когда его окликнул Лосев.

– Привет, Павел! – произнес он и дружески похлопал его по плечу. – Ты слышал, мы, наконец, покончили с этой бандой. Так что, все в прошлом, нет больше этих гадов.

Максимов с нескрываемым интересом посмотрел на радостное лицо Геннадия Алексеевича, которое буквально светилося, словно утреннее солнышко.

– Вы и тогда с москвичами тоже покончили с этой бандой, а получилось, что нет.

– Да хватит ерничать, Максимов! В этот раз все на сто процентов. Главный у них, был некто Рашпиль – человек довольно авторитетный в воровских кругах. Ты не поверишь, он даже вытащить «Парабеллум» из кармана не успел. Его прямо на месте и завалили. Двое других, попытались оказать сопротивление, но их тоже кончили. Все как ты и предполагал – трое, «Парабеллум»... Сегодня эксперты дали заключение по оружию – оно идентично тому, из которого были убиты все жертвы. Когда я узнал об этом, у меня словно гора с плеч свалилась.

– А деньги нашли?

– Какие деньги? – испугано переспросил Максимова Лосев.

– Ну, те, что были похищены из сберкассы Зеленого Дола?

– Пока нет, но найдем! Непременно, найдем! Ты почему так на меня смотришь, Максимов?

– Я почему-то не совсем уверен в этом. Вот вы скажите, Геннадий Алексеевич, если бы сорвали подобный куш в Зе-

леном Доле, вы пошли бы на новое дело из-за каких-то копеек? Думаю, что нет...

– А ты что сам думаешь, Максимов? Думаешь, что это – не они? А оружие?

– А вы вспомните, что я вам докладывал в свое время, что это – не «блатные». Иначе бы они давно засветились. Да и с деньгами, тоже вопрос...

По лицу Лосева пробежала едва заметная тень. От его радостного настроения не осталось и следа.

– Что ты за человек, Максимов. Ты обязательно с утра испортишь хорошее настроение.

– Геннадий Алексеевич, я же не специально. Просто спросил...

Лосев махнул рукой и направился дальше. Павел, подошел к окну и посмотрел на милицейский двор, в котором, словно, согревая друг друга, мокли два милицейских «воронка».

«Вот и осень, – подумал он, рассматривая струйки дождя, которые скатывались по стеклу. – Рашпиль был известным авторитетом в Казани, и Хрящ непременно был бы в курсе его дел. Однако, агент заверял меня, что это дело рук – не «блатных», и надо же, пистолет оказался в руках Рашпиля. Где-то здесь не стыковка. Нужно срочно встретиться с Хрящом и «перетереть» с ним эту тему».

Павел отошел от окна и направился в свой кабинет. Проходя мимо дежурной части, он забрал на время оперативные

сводки за последнюю неделю. Листая их, Максимов неожиданно наткнулся на преступление, которое его заинтересовало. Это была информация о пожаре и обнаруженном женском трупе гражданки Морозовой. Память автоматически вернула его к супругам Морозовым, которые были убиты в Зеленом Доле в конце лета этого года.

«Какое странное совпадение, – подумал Павел. – Сначала погибла семья, а затем и сноха».

Он вспомнил эту женщину, он видел ее и читал протокол ее допроса. Тогда семейная пара была убита из пистолета «Парабеллум», за которым тянулся шлейф из убийств. Вот и теперь – труп Морозовой был обнаружен за день, как люди Лосева ликвидировали банду Рашпиля.

Он прошел в информационный центр и попросил подобрать ему материалы по Морозовой и Рашпилю.

***

Максимов быстро поужинал и, поцеловав Тамару, направился к двери.

– Павел, это ты, куда на ночь, глядя? – спросила она его.

– По делам, Тамара. Я недолго... Ложитесь спать.

Женщина покачала головой и стала убирать со стола посуду. В углу комнаты сын делал уроки. Павел набросил на плечи армейскую плащ-палатку и вышел из дома. На улице шел мелкий осенний дождь. Одним движением руки он набросил на голову капюшон и шагнул в темноту. Пройдя несколько

кварталов, он повернул к пивной, окна которой были ярко освещены. Максимов вошел внутрь и невольно остановился на пороге. В небольшом помещении было так накурено, что он не сразу заметил сидевшего за угловым столиком Хряща. Увидев Павла, он кивнул ему головой и направился к выходу.

– Что нового, Хрящ? – поинтересовался у него Павел. – Я слышал, что твой знакомый Рашпиль закончил земную жизнь.

– Вы правы, начальник...

– Кто был с ним?

– Не могу сказать. Ребята говорили, что какие-то залетные, не местные

Максимов задумался и посмотрел на Хряща.

– Скажи, откуда у него «паленая» «волына»? Может, он тебе что-то рассказывал?

Хрящ закурил. Оглянувшись на дверь пивной, из которой, пошатываясь, вышел молодой мужчина, он стал быстро рассказывать.

– Рашпилю подогнал «волыну», какой-то его знакомый, с которым он отбывал последний срок. Как его зовут, и где он живет Рашпиль не говорил.

– Ты понимаешь, Хрящ, на этом стволе около двух десятков убийств. Не мог же он совершить все эти убийства?

– Нет, начальник, не мог. Когда все это началось, он еще торчал на зоне. Просто, мне кажется, эта сука специально

сплавил эту «волыну» Рашпилю, чтобы самому остаться чистым.

– Вот и я так думаю. Не стал бы Рашпиль «паленую» «волыну» таскать с собой.

Они замолчали. Каждый думал о чем-то своем.

– Слушай, Хрящ, – тихо произнес Максимов, – ты там понюхай. Все-таки ты «корешил» с Рашпилем. Помоги мне найти человека, который передал ему этот «Парабеллум».

– Да, понял я тебя, начальник. Ты же сам знаешь, сколько сейчас оружия на руках.

– В том то и дело, оружия много, но он почему-то взял не «ТТ», а «Парабеллум». Здесь другое. Думаю, что он хорошо знал этого человека, верил ему.

– Ладно, начальник, мне пора, а то ребятишки не поймут.

Павел пожал ему руку и двинулся по улице в сторону domu. Улица была абсолютно пуста, ни людей, ни транспорта. Казалось, что этот холодный морозящий дождь смыл все живое, даже собаки смолкли, укрывшись в своих конурах. Неожиданно из-за угла дома навстречу Максимову вышли двое молодых людей. Надвинутые на лоб кепки с маленькими козырьками, белые кашне на шее...

– Слышь мужик! Снимай часы! – произнес высокий парень. – Ты что не понял, фраер – «котлы» гони!

Павел сразу вспомнил этих двух парней, которых заметил еще в пивной.

– Ну! Что не понял, папаня! – повторил один из них.

Второй парень угрожающе обнажил лезвие финского ножа.

– Сынки! Вы что? – тихо ответил Павел, чувствуя, как его грудь обхватило каким-то тугим обручем, а сердце с силой застучало в его грудь. – Сынки! Нет у меня ничего, что вас интересует!

– Гони котлы! – прошипел тот, что был с ножом и, выставив лезвие финки впереди себя, сделал шаг в его сторону.

Максимов ловким приемом, которому обучился на фронте, моментально обезоружил нападающего, а последующая затем подсечка, опрокинула парня на землю.

– А, а, а! – закричал парень, почувствовав, как незнакомец заломил его руку. – Больно, сука!

Павел на какой-то миг испугался, вспомнив о втором парне. Но его он почему-то не увидел. По всей вероятности, тот все понял и, бросив своего товарища, ретировался с места преступления.

– Вставай, сволочь! – произнес Максимов и достал из кармана дождевика пистолет. – Руки подними вверх, чтобы я всегда их видел.

Они прошли квартала два прежде, чем увидели милицкий «воронок». Павел поднял руку. Машина, окатив грязной дождевой водой задержанного, остановилась около Максимова.

– А, Стариков! – улыбаясь, произнес приветливо Павел. – Вот возьмите этого пассажира. Оформите его как грабителя.

Завтра я с ним поработаю....

«Воронок» с преступником помчался дальше и быстро исчез в пелене дождя и ночи.

***

Корнилов вышел из машины и направился вдоль набережной Волги. Он шел, не оглядываясь назад, так как хорошо знал, что за ним неотступно следует Бабаев и Симаков. Наконец Василий остановился и посмотрел на Симакова.

– Давай! Предъявляй! – произнес он, обращаясь к Симакову. – Ты же долго ждал этого случая.

– А что и предъявлю, – произнес тот и посмотрел на Алексея. – Скажи, где наши деньги? Только не говори, что их спрятала Галка. Выходит, Корнил, под пули – мы, а ты – с деньгами?

– Я же вам уже говорил, что я не знаю, куда она спрятала деньги. Неужели вы мне не верите?

– А почему мы должны тебе верить? Ты же сам меня отправил в другую комнату, когда «базарил» с ней. Судя по тому, что ты с ней сделал, она не могла тебе не рассказать, куда спрятала наши деньги!

Корнилов посмотрел на Лешку, который с интересом наблюдал за разбором. Ему явно не хотелось самому впрягаться в это дело.

– Ты мне веришь, Лешка? – спросил его Василий. – Сейчас от твоего слова зависит многое!

Бабаев промолчал, он просто боялся оказаться крайним в этих разборках.

– Значит, ты тоже считаешь, что я знаю, где находятся деньги? Правильно я понял твое молчание, Лешка?

– Я не знаю...., – промямлил он. – Я же ушел из дома и стоял на улице. Я не слышал вашего «базара». Но, так не бывает.... Деньги – то, очень большие...

Корнилов достал из металлического портсигара папиросу и закурил.

– Выходит, ты мне не веришь, а ему веришь? – спросил Василий и глубоко затянулся. – Вот объясни мне, почему?

– Ты что меня пытаешь, Корнил?

– А вот и потому пытаю, чтобы ты мне ответил, почему ты мне не веришь? Можно подумать, что вот вы сейчас меня здесь завалите и у вас появятся деньги! Я если бы «хапнул» ваши деньги, то зачем бы я поехал с вами? Я бы сейчас загорал на море, а не оправдывался перед вами.

Папироса закончилась, и Корнилов отбросил бумажный мундштук в сторону. Он снова полез в карман и закурил вторую папиросу.

– Корнил! Верни деньги, и мы разбежимся без потерь, а иначе....

Он не договорил. Василий выстрелил в него, не вынимая руки из кармана. Симаков словно переломился. Он схватился за живот и медленно упал лицом в дождевую лужу. Это произошло так неожиданно, что Бабаев весь сжался и при-

сел. Корнилов достал из кармана пистолет и направил его на Алексея.

– Что теперь скажешь, Леша?

Бабаев побледнел. Он попятился назад, но споткнувшись об торчавшую из песка корягу, упал на спину.

– Ты чего, Корнил!? Я же за тебя....

Василий сунул пистолет в карман и направился к машине. Сев в машину, он посмотрел на Игната.

– Ты все видел? – спросил он водителя.

Тот, молча, кивнул головой.

– Лопата есть?

– Есть...

– Закопайте его с Алексеем. Теперь, ты будешь не только крутить баранку, но и помогать в налетах. Только не вздумай отказываться! У меня плохое настроение и я могу и тебя положить рядом с Симаковым.

Корнилов вышел из машины и, подняв воротник пальто, направился в сторону Большой улицы. Он не слышал за спиной голоса Бабаева, что Симаков жив, сейчас он больше думал о смерти Галины.

***

Шел последний месяц осени. Ночи стали длинными, а дни серыми и короткими. Около большого частного дома, что не так далеко от бывшего мужского монастыря, остановилась легковая автомашина. Было темно – ни людей, ни машин. Из

автомобиля вышли трое и, не спеша, направились к калитке.

– Постучи! – приказал один из мужчин, что был в кожаном пальто с пагонами старшего лейтенанта милиции.

Молодой парень, молча, кивнул и стал стучать в калитку. В сенях дома вспыхнул свет.

– Кто там? – раздался мужской голос.

– Открывай! Милиция! Проверка паспортного режима!

Из дверей дома показался мужчина и направился к калитке. Хозяин дома был небольшого роста, одетый в галифе и белую нательную рубашку.

– Что случилось, товарищ старший лейтенант? – обратился он милиционеру. – Я недавно приехал в отпуск и еще не привык к местным законам. Я – полковник танковых войск и служу в Германии.

– Привыкайте, товарищ полковник, – ответил милиционер, – время сейчас такое. Вот выполняю команду – проверяю паспортный режим, а это – понятия. Пройдемте в дом, что мы мокнем на дворе.

Они прошли в дом. Сотрудник милиции привычно присел за стол и попросил предъявить паспорта.

– А вы кто? – спросил старик сотрудника милиции. – А где наш участковый?

– Теперь я – ваш участковый. Старый участковый ушел на повышение.

Старик подозрительно посмотрел на офицера милиции.

– А где вы раньше работали? Я что-то вас не знаю?

По лицу офицера пробежала едва заметная тень. Корнилов, а именно он был в форме сотрудника милиции, промолчал, а затем, повернувшись к своим сопровождающим, попросил их осмотреть комнаты. Здоровый хмурый мужчина, молча, прошелся по комнатам и быстро вернулся обратно в зал.

– Больше никого нет, – ответил он на вопросительный взгляд своего офицера милиции.

– Предлагаю вам добровольно сдать деньги, золото и другие ценности, что хранятся в вашем доме.

– погоди, лейтенант! Я вообще не понимаю, что здесь происходит! – произнес полковник. – Может, мне кто-то объяснит?

– Это просто налет, – коротко произнес парень, стоявший за спиной Корнилова.

Он достал из кармана пальто «Наган» и направил его на полковника. Офицер побледнел, а сидевший рядом с ним старик, схватился за грудь.

– Деньги и ценности! – снова произнес Корнилов, чувствуя как от охватившего его волнения, у него пересохло в горле.

Семидесятилетний хозяин дома вдруг неожиданно вскочил с места и с кулаками бросился на могучего налетчика, но тот, одним ударом кулака погасил эту вспышку сопротивления. Корнилов выхватил пистолет и выстрелил в лицо полковника. Выстрел был таким громким и неожиданным, что

оглушил всех. Молодая женщина вскочила на ноги и стрелой бросилась в соседнюю комнату. Она попыталась закрыть дверь на крючок, но мощное тело Игната сорвало дверь с петель. Он схватил за горло женщину и моментально сломал ей шею.

– Ну, а ты что скажешь, старуха? – обратился Василий к пожилой женщине, которая по-прежнему сидела на диване.

– Корнил! Она, похоже, не только слепая, но и глухая как тетерев, – громко произнес Бабаев и засмеялся.

– Добро ищи! Смеяться будешь потом! – оборвал его Корнилов.

Они бросились по комнатам собирать добро. Вскоре, набив чемоданы и узлы одеждой и ценностями, они покинули дом.

***

Симаков, держась за стенку, подошел к ведру и, зачерпнув кружкой, стал с жадностью пить воду. Он плохо помнил тот вечер, когда в него выстрелил его старый приятель Корнилов. Его от смерти спас старый приятель – ветеринарный врач, который прооперировал его в домашних условиях. Утром его перевезли на квартиру Игнат и Бабаев.

– Что там произошло между нами? – поинтересовался у них Петр.

– «Зашквариваться» ты, Петр начал, – со вздохом ответил Алексей. – Ты же сам хотел убить Василия, вот и получил

от него пулю. Скажи спасибо, что он не добил тебя, видимо, пожалел.

Симаков промолчал, теперь он мог собрать в памяти отрывки того осеннего вечера.

– Что собираешься делать дальше? – поинтересовался у него Игнат. – Вчера вечером к тебе приезжали сотрудники с предприятия. Интересовались твоим здоровьем...

– Что вы им рассказали обо мне? – спросил он Игната.

– Сказал, что на рыбалке был, там и напоролся на оставленные кем-то грабли. Такое бывает.

– Поверили?

– Раз нет «мусоров», значит, поверили. Мстить будешь, али как?

Симаков промолчал.

«Если скажу да, то они меня просто убьют. Следовательно, нужно отрицать, а там покажет время», – подумал Петр.

– Зачем мстить? Я же тоже тогда немного погорячился. С кем не бывает?

Об этом разговоре Игнат сообщил Корнилову. Василий задумался. Судьба и жизнь старого друга была в его руках и сейчас билась в них, словно пойманная птица.

– Пусть живет, – ответил Корнилов. – Пули нам с ним все равно не избежать. Ты узнай у врача, какие ему нужны микстуры и таблетки. Пусть поправляется...

Молодой и сильный организм переборол кризис, и Петр стал довольно быстро поправляться. Он поднялся на ноги

и стал передвигаться: сначала, держась за стенку, а потом, упираясь на костыли. Через месяц он стал передвигаться самостоятельно.

***

Максимов обошел все комнаты дома Садыковых, останавливаясь перед каждым убитым членом семьи. Взглянув на дежурного прокурора, он вышел из дома и закурил. Павел дежурил в эту ночь по комиссариату и звонок дежурного по министерству не застал его врасплох. Захватив с собой чистые листы протоколов, он направился вниз, где уже собралась вся оперативная группа.

– Павел! Захвати по дороге дежурного следователя прокуратуры и судмедэксперта, – крикнул ему дежурный, когда они садились в «воронок».

Максимов кивком головы дал ему понять, что указание дежурного понял и принял к исполнению. Когда они подъехали к месту преступления, около дома уже собралась толпа зевак. Заметив Максимова, к нему бросился молоденький участковый. Он приложил руку к форменной фуражке и начал торопливо ему докладывать об обстоятельствах обнаружения трупов.

– погоди, не тараторь! – остановил его Павел. – Что ты трещишь, как пулемет.

Максимов и участковый инспектор прошли на кухню и сели за стол. Из доклада участкового следовало, что трупы ро-

дителей и родственников обнаружила дочь хозяина квартиры, которая вернулась домой с ночной смены. Увидев убитых, она с криками бросилась к дому участкового инспектора, который проживал через пять домов от дома убитых.

– Я сразу же организовал охрану места преступления и позвонил дежурному по МГБ.

– Хорошо. Нужно опросить всех соседей. Может, кто-то что-то видел или слышал, – приказал ему Максимов. – Опрашивать нужно тщательно, понял? Здесь каждая зацепка может вывести на преступников.

– Все понял, товарищ Максимов. Разрешите исполнять?

– Выполняйте, – произнес Павел и направился в зал, где находился дежурный следователь прокуратуры и судмедэксперт.

– Паша! – обратился к нему следователь прокурор. – Есть что-то новое?

– Нет, – коротко ответил Максимов. – Гриша, тебе по под черку совершения это преступление ничего не напоминает? Смотри, какая неоправданная жестокость. Вот ты сам посуди, что мог сделать этот старик налетчикам? Однако, его все равно убили.

– Мне трудно сказать, Паша, я же выезжал не на все убийства...

– Почему ты меня спросил об этом? Насколько я понял тебя, ты считаешь, что его совершили все те же бандиты? Но насколько я знаю, эту банду уже дважды уничтожали – один

раз москвичи, а второй раз – Лосев.

– Вот и я об этом. Если банда ликвидирована на самом деле, то она, наверняка, не могла бы воскреснуть и снова приступить к налетам и убийствам.

– Не спеши с выводами, Максимов. А вдруг это не она? Мало ли маньяков ходит по земле. И еще, Павел. Посмотри, вот у этого трупа старика страшно деформирована голова, словно он попал под кузнечный молот. Такой удар мог нанести лишь очень сильный человек.

Павел не успел ответить, так как в этот момент в комнату вошел Лосев. На нем был кожаный плащ, черная каракулевая шапка, белые бурки. Он был больше похож на какого-то директора продовольственной базы, чем на начальника отдела по борьбе с бандитизмом. Заметив стоявшего около стола Максимова, он направился прямо к нему.

– Что скажешь? – обратился он к Павлу. – Ты разобрался?

– Пока ничего, Геннадий Алексеевич. Я сюда прибыл как дежурный оперуполномоченный. А где ваши люди? Почему их нет?

Лосев усмехнулся и смерил его удивленным взглядом.

«Кто я такой, чтобы задавать ему подобные вопросы?», – с укором подумал Максимов.

Лосев, не обращая внимания на сотрудников уголовного розыска и участкового, обратился к следователю прокуратуры.

– Что скажите? Есть что-то интересное?

– Что вас интересует, товарищ Лосев? Насколько я знаю,

четких следов пригодных для интенсификации личности не имеется. Вот тут Максимов высказал одну интересную мысль...

Он не договорил, Лосев махнул рукой и отошел от него, давая понять следователю, что его не интересует мнение этого товарища. В комнату, осторожно ступая, вошла молодая женщина и с опаской посмотрела на Максимова.

– Вы можете сказать мне, что пропало из вашего дома? – спросил ее Павел. – Меня интересуют: вещи, золотые изделия. Ну, сами понимаете...

– Не могу, – тихо ответила девушка. – Мне сейчас не до этого. Вы сами знаете, мы – мусульмане и сейчас для меня важнее, как можно быстрее похоронить родителей и родственников.

– Я это хорошо понимаю, но и вы поймите меня правильно, нам нужен список похищенных вещей и их приблизительная ценность.

В зал вернулся Лосев и дежурный следователь прокуратуры.

– До окончания дежурства осталось еще два часа, – произнес следователь прокуратуры, обращаясь к Павлу, – так что, не расслабляйся, Максимов. Сходи, узнай, опрошены ли соседи, если нет, то организуй эту работу. Здесь есть, кому работать....

Павел вышел на улицу и, достав из кармана пальто папиросы, закурил.

«Молодец, Лосев, – подумал Максимов. – Похоже, уговорил следователя, чтобы тот не искал следов сходства этого налета с предыдущими преступлениями. Впрочем, через два часа все это закончится, и я пойду домой, пусть люди Геннадия Алексеевича ломают голову над раскрытием этого убийства».

Заметив участкового инспектора, Петр махнул ему рукой, давая понять тому, что он тоже хочет принять участие в опросе соседей.

***

Жена Игната сидела за столом и с изумлением смотрела на груды вещей, разложенных на обеденном столе, которые накануне вечером принес домой супруг. Женщина с каким-то явным недоверием щупала шелковое покрывало на кровать, гладила черно-белый мех чернобурки. Взгляд ее застыл на столовом серебре, которое отдельной кучкой лежало среди носильных вещей. Наконец ее взгляд сфокусировался на большой пачке денег, с купюр которых укоризненно смотрел на нее вождь мирового пролетариата.

– Игнат! Откуда у тебя такое богатство? Наверняка, стащил у кого-нибудь, – игриво спросила его супруга.

– Какая разница, Клава, откуда я все это притащил. Хватит нам жить в нищете. Ведь я тебе, помнишь, обещал красивую и сытную жизнь. Вот она, это – все твое!

Супруга со страхом посмотрела на веселое лицо Игната.

Сотни мыслей роилось в ее голове, одна страшнее другой.

– А тебя, Игнатушка, за это не арестуют? – спросила она его.

– Нет, меня еще поймать нужно, – коротко ответил он и громко засмеялся. – Если не арестовали, значит, не арестуют. Ты, Клава, только поменьше болтай и все будет хорошо. Ты поняла меня?

Жена, молча, кивнула ему головой и снова перевела свой взгляд с мужа на разложенные перед ней вещи.

– Игнат! Можно я померю вот это платье? – спросила она его. – По-моему оно должно подойти мне?

Супруг улыбнулся. Ему самому было очень интересно наблюдать за своей женой. Клава осталось сиротой в десять лет, и воспитывалась в большой семье родной тетки. Ей, как самой маленькой, приходилось донашивать платья своих старших сестер, и сейчас при виде столь красивых вещей она не могла сдержать свое желание померить красивое платье из незнакомой ей ткани. Она прошла в соседнюю комнату и стала переодеваться.

– Клава! Ты слышишь, меня! Ты эти вилки, ложки убери от греха подальше. Пусть полежат немного. Вот накопим денег, уедем жить на юг, вот там и будем, есть с серебра.

Игнат достал из кармана папиросы и закурил. В клубах голубоватого табачного дыма он увидел Клаву, которую не сразу и узнал.

– Вот это, да! – восторженно воскликнул он. – Да ты у

меня – настоящая красавица!

– Нравится? – спросила она его, и легкий румянец разлился по ее щекам.

– Не то слово. У меня даже не хватает слов, чтобы выразить свой восторг.

Принесенное им платье сидело на его жене так, словно с нее снимал мерку хороший закройщик. Только сейчас он заметил в глазах Клавы слезы. Это были слезы радости, и ее, сейчас, уже не интересовало, откуда все это. Она снова исчезла в другой комнате. Через минуту-другую, женщина вышла в дорогом темно-синем бостоновом костюме.

– Ты у меня, просто красавица! – восторженно произнес Игнат.

– Давай, снимай с себя наряды, Клава. Ты, наверное, уже поняла, что сейчас эти наряды носить нельзя.

Женщина сделала обиженное лицо и молча, вышла в соседнюю комнату.

***

Корнилов сидел за столиком ресторана и внимательно наблюдал за красивой женщиной, которая сидела через столик от него. Женщина о чем-то шепталась с импозантным мужчиной. На нем был прекрасный костюм из английской шерсти. На столе перед ним лежал золотой портсигар с какой-то монограммой.

Василий посмотрел на Симакова и кивком головы указал

ему на мужчину. Петр улыбнулся. Это был его первый выход на дело после ранения.

«Сладенький, – подумал о мужчине Василий. – Ишь, как крутит хвостом перед женщиной, словно фазан. Да и она тоже хороша. Похоже, часто здесь снимает жирных и сладких гостей».

Корнилов взмахом руки подзвал к себе официанта.

– Милейший! Это что за пара? Уж больно хороши, как два голубка.

– Это – Валька, кто ее здесь не знает. А мужика вижу впервые.

Василий расплатился за ужин и сунул крупную купюру в карман официанта.

– Это тебе на чай.

Накинув на себя пальто, он вышел на улицу. Около входа в ресторан стояла легковая машина черного цвета. Закурив папиросу, Василий направился к машине.

– Как? – спросил его Игнат. – Работаем?

– Все нормально, – ответил Корнилов. – Чувствую, хороший куш сорвем....

Корнилов докурил папиросу и достал из-за пазухи «ТТ». Вынув обойму, он убедился, что она, полная патронов.

– Главное не суетиться, – назидательно произнес Василий. – Ты, Лешка, пойдешь за ним. Смотри не спугни... А мы с Петром – прокатимся.

Игнат посмотрел на Бабаева, который тоже вытащил из

кармана пальто «Наган» и крутанул барабан. Ждать пришлось чуть более часа. Наконец в дверях показалась пара – женщина и мужчина, на котором была наброшена дорогая волчья шуба.

– Это – они, – коротко бросил Корнилов. – Давай, Леха, топай за ними. Раз не берут машину, значит, живут не слишком далеко от ресторана.

Василий оказался прав. Пара свернула в узкий переулок, и остановились около большого одноэтажного каменного дома. Мужчина попытался обнять и поцеловать женщину, но она отстранила его от себя.

– Георгий! Ну, ты же не юноша, чтобы вот так целоваться на улице. Пойдемте в дом...

Мужчина долго пытался открыть входную дверь ключом, но тот никак не хотел попадать в скважину от замка.

«Надрался», – злорадно подумал Бабаев, наблюдая за мужчиной.

Наконец мужчине удалось открыть входную дверь и, пропустив женщину вперед, он скрылся внутри дома. Бабаев махнул рукой и, убедившись, что его сигнал заметили, открыл калитку и направился к двери. Дверь, к его удивлению, оказалась не закрытой, и он слегка приоткрыл ее.

– Корнил! Ты только посмотри, они даже не закрыли за собой дверь, – произнес Алексей. – Вот к чему приводит человеческая беспечность!

В прихожей было темно и Симаков, шаря перед собой ру-

кой, нащупал дверь в комнату. Он толкнул дверь, как ни странно, но и она оказалась не запертой. В ярко освещенной комнате на кровати сидела женщина и стаскивала с себя шелковые чулки.

– А вот и мы! – громко произнес Алексей. – Картина Репина «Не ждали».

Из соседней комнаты вышел мужчина в белой нательной рубашке, в брюках, со спущенными подтяжками.

– Кто вы? – удивленно спросил он мужчин. – Как вы сюда попали?

– Дед мороз и зайцы, – явно дурачась, ответил ему Симаков. – Вот пришли за морковками. Ха-ха – ха!

– Короче, папаша, если хочешь жить, то гони ценности, – грозно произнес Корнилов. – Что замерз? Не понял? Может, тебя ускорить?

Он вытащил из кармана «ТТ» и положил его на стол. Василий невольно посмотрел на женщину, которая буквально застыла от охватившего ее страха. Для большей убедительности, Петр нанес сильный удар в лицо хозяину дома. Тот ахнул и схватился за лицо. Между его пальцев показался ручеек крови.

– Ты осторожней, а то зашибешь бедного, – произнес Василий и посмотрел на Симакова.

«Старается. Хочет вернуть утерянный авторитет», – подумал Корнилов.

Петр снова ударил мужчину, который рухнул на пол. Па-

дая, он стащил со стола скатерть. На пол со звоном полетела посуда: рюмки, тарелки с закуской, вилки, открытая бутылка вина.

– Нам долго ждать? – обратился к нему Корнилов, наступив мужчине на лицо своим сапогом.

Симаков прошел в другую комнату и вернулся обратно с большим чемоданом в руках, куда начал аккуратно укладывать приглянувшие ему вещи и посуду. Он складывал это как-то по хозяйски, стараясь все уложить так, чтобы ничего не разбилось.

– Я – заместитель директора военного завода, – произнес мужчина, вытирая разбитое лицо скатертью. – Вы товарищи, пожалеете, что связались со мной. Мой двоюродный брат – большой человек в Министерстве государственной безопасности СССР.

На что рассчитывал мужчина, было не совсем понятно. Его реплика вызвала смех у налетчиков. Неожиданно для Корнилова мужчина бросился к окну. Он боком выдавил стекла и оказался на улице. Однако меткий выстрел Василия свалил его с ног, буквально у самого забора.

– Затащите труп в дом, – приказал он Симакову.

И пока тот, выйдя во двор дома, пытался затащить труп хозяина дома, Василий, угрожая женщине оружием, стал насиловать ее.

– Кто еще будет? – поинтересовался он у товарищей, однако, те промолчали. – Ну и зря, баба уж больно хороша.

Достав из-за голенища сапога нож, он с силой всадил его в грудь женщины. Собрав все ценное, что было в доме, они вспороли подушки, а затем, осыпав трупы перьями и облив все найденным в доме керосином, подожгли квартиру.

***

Максимов проезжал мимо сгоревшего ночью дома. На пепелище еще работали пожарные, разыскивая среди головешек и всяческого металлического хлама человеческие останки.

– Кого-то нашли? – спросил он одного из пожарных.

– А ты кто такой, почему интересуешься?

– Я – из уголовного розыска, Максимов, – ответил Павел и предъявил ему удостоверение личности.

– Двоих, – ответил пожарный, – сгорели почти полностью. Врачи в морге разберутся...

Максимов еще раз окинул пепелище и направился дальше. Поздоровавшись с дежурным по МГБ, он направился к себе в кабинет. Он не успел раздеться, когда на его столе зазвонил телефон.

– Максимов, – привычно произнес он.

– Зайди, – коротко ответил начальник отдела Яхин.

Павел поправил ворот рубашки и, взглянув в зеркало, направился к начальнику.

– Присаживайся, Павел, – произнес начальник. – Есть разговор.

Яхин сделал небольшую паузу и, взглянув на Павла, продолжил:

– Я только что от комиссара. Ему звонили из Москвы. Звонил очень большой человек. Ты знаешь, вчера вечером сгорел дом на Корельской?

– Знаю, – ответил Павел. – Там два тела....

Он не договорил, так как его взмахом руки остановил начальник отдела.

– Все правильно, Максимов. Одним из погибших оказался близкий родственник ..., – он снова не назвал фамилии. – Займись этим делом вплотную. Дело – очень серьезное.

– Станислав Иванович! Причем здесь мы? Отдел пожарами не занимается. Если это – умышленный поджог или что-то в этом роде, пусть занимается госбезопасность.

– Ты как всегда прав, Максимов. Это – исключительный случай. Все нужно делать так, чтобы никто не пронюхал, что ты занимаешься этим делом. Все нужно сделать так, чтобы.....

Максимов, молча, кивнул головой.

– Мы не должны скомпрометировать имя этого человека.

Яхин замолчал и выжидающе посмотрел на Максимова. Он хорошо знал Павла и сразу же посчитал, что только он сможет провести дознание, сохранив все, что станет ему известно, в тайне.

– Разрешите приступить? – обратился Павел к начальнику.

Яхин кивнул головой. Максимов встал со стула и, взглянув на начальника, вышел из кабинета.

«Нужно ехать в морг и поторопить со вскрытием, – подумал Павел. – Не дай, Бог, если трупы криминальные».

Добравшись до морга, Максимов громко постучал в дверь. Через минуту раздался легкий щелчок щеколды и в дверях показался мужчина в белом халате и прорезиненном фартуке.

– А, Павел, проходи, – произнес врач. – Что нового?

– Любая новость хороша, кроме некролога, – в тон ему ответил Максимов. – Скажи, ты еще не вскрывал горелых?

– Пока нет, а что?

– Их нужно быстро вскрыть, товарищ Виноградов.

– А почему, товарищ Виноградов? Почему нельзя, как и в прежние годы, Алексей Степанович.

– Извини, Алексей Степанович, зарапортовался. Может, приступим?

Максимов проследовал за врачом. Алексей Степанович ранее работал простым участковым врачом, но после смерти местного патологоанатома по приказу исполкома занял эту должность. Алексей Степанович, надел резиновые перчатки и быстро перебросил тело со льда на оцинкованную тележку. Павел еще с фронта возненавидел запах горелого мяса и сейчас, испытав чувство тошноты, направился вслед за Виноградовым.

– Ну, что, приступим, – произнес Алексей Степанович,

взяв в руки скальпель.

***

Корнилов шел по привокзальной площади. Легкий морозец приятно пощипывал его щеки, а белый, выпавший ночью, снег, скрипел под его хромовыми сапогами. Навстречу ему попадались женщины, которые с интересом рассматривали его. На нем был черный кожаный плащ, белое модное кашне, на голове его была серая каракулевая шапка. Заметив подходивший к остановке трамвай, он ускорил свой шаг.

Настроение у Василия было хорошим. Утром на колхозном базаре, он встретился с «барыгой», который передал ему приличную сумму денег, за реализованный товар.

– Если будет что-то достойное, приноси, – прощаясь с ним, произнес старик. – Сюда не нужно, здесь много любопытных глаз, да и менты здесь часто устраивают облавы. Здесь можно случайно сгореть...

– Дай адресок, – тихо обратился Василий к старику.

– Я живу в Игумново. Спросишь Латыпа, там каждый покажет мой дом.

– Хорошо, Латып, – произнес Корнилов и, развернувшись, направился в сторону железнодорожного вокзала.

Латып сплюнул на землю и проводил Василия злым взглядом.

– Запомнил? – поинтересовался он у молодого парня, который подошел к нему.

Тот мотнул головой и посмотрел на старика.

– Ты знаешь, кто таков? Местный?

– Нет. Одно могу сказать – он не из блатных. Может, за-летный какой-то. Мало ли их сейчас после войны по стране мотается.

– Так проводи его, посмотри, а там и решим, что с ним делать.

Паренек моментально исчез в толпе покупателей и продавцов. Он шел вслед за Корниловым, стараясь держаться от него на безопасном расстоянии. Выйдя на конечной остановке трамвая, Василий, насвистывая веселую мелодию, двинулся вдоль улицы. Преследователь шел позади него, стараясь угадать в какой из домов войдет интересующий его мужчина. Осмотревшись по сторонам, Василий скрылся в подъезде двухэтажного барака. Паренек помялся еще мину-ту-другую и принял решение, что можно возвращаться.

На рынке он быстро отыскал Латыпа, который курил. Тот стоял в стороне от рядов торгующих и о чем-то говорил с незнакомым ему мужчиной. Дождавшись, когда мужчина отошел в сторону, паренек подошел к старику.

– Латып! Он – не «блатной», я имею в виду – не наш. Живет в бараке, на втором этаже. Я там немного «пошустрил», люди говорят, что он ранее судим за подделку больничных листов. Сидел с убиенным Рашпилем. Слушай, Латып! Может, он толкнул Рашпилю «паленый» «Парабеллум»?

Старик бросил сигарку под ноги паренька и примял ее

валенком.

– Вот что, Пострел! Об этом мужике никому не слова. Посмотрим, какой товар он принесет в следующий раз. Вот там мы его и прищучим... Посмотрим, как и о чем он запоет.

– А, может, не стоит тянуть, Латып? Он сейчас при «башнях», вот и пощупаем?

– Я тебе пощупаю, – грозно произнес старик. – Насмотрелся я на таких, как ты, щупающих... Сколько их сейчас лежит у стены, не сосчитать.

– Хорошо, Латып, договорились. Если что, дашь знать.

Корнилов, подошел к окну и, отодвинув занавеску в сторону, посмотрел во двор. Парень продолжал стоять рядом с деревом, делая вид, что случайно оказался в этом дворе. Василий «срисовал» его еще в трамвае и специально повел его по ложному адресу. Он хорошо понимал, что этот молодой человек, который сопровождал его с самого рынка, едва ли будет подниматься на второй этаж. Похоже, его больше интересовал дом, в котором жил Корнилов.

«Сейчас начнет собирать про меня информацию», – решил Василий.

То, что его направил за ним Латып, он не сомневался. Каждый из них пытался подстраховаться на всякий случай. Парень, достал папиросы и закурил. Во дворе, в котором проживал Василий, каждый знал его и поэтому собрать в отношении его информацию, не представляло большого труда. Он хорошо видел, как парень подошел к двум мужчинам и

начал о чем-то разговаривать с ними.

«Посмотрим, что будет дальше», – подумал Корнилов, отходя от окна.

Когда парень исчез из вида, он вышел из барака, пересек двор и вошел в дом напротив. Зайдя в квартиру, он вытащил из кармана пальто «ТТ» и положил его на стол.

***

Максимов закончил свой доклад и посмотрел сначала на начальника отдела, а затем на комиссара, который, сидел в кресле и внимательно слушал Павла.

– Значит, это – не простая случайность, Максимов, и не короткое замыкание? – спросил его комиссар.

– Я предполагаю, товарищ комиссар, что это был обычный бандитский налет. Преступники не пощадили не только хозяина дома, но и неизвестную нам женщину.

Комиссар встал с кресла и подошел к окну. Там за стеклом окна завывала вьюга. Он повернулся и, достав из коробки папиросу, закурил.

– Вот что, Максимов. Попробуйте установить личность погибшей женщины. Может, через нее мы выйдем на убийц.

Повернувшись к начальнику отдела, он произнес:

– Станислав Иванович, освободите Максимова от всех текущих дел, пусть занимается лишь этим делом. Ну, а ты, Максимов, сам понимаешь, чтобы никакой утечки.

Они поднялись из-за стола и покинули кабинет комиссара.

ра. Сейчас Павел сидел в кабинете, размышляя, с чего именно начать. За окном противно выл ветер, крутя и швыряя в стекло крупные снежинки. Максимуму нравился этот снег, он был чистым и независимым от желания людей. Он закурил и отошел от окна. Смеркалось. Он посмотрел на часы, они показывали начало четвертого дня.

«Как рано смеркается», – подумал он. – Зима...».

Павел вернулся к столу и, взяв в руки заключение патологоанатома, стал внимательно его изучать. Его внимание привлекло описание содержимого желудка погибших.

«Где они могли так обильно поесть таких деликатесов? – подумал Павел. – Осетрина, черная икра. Наверняка, в одном из ресторанов города».

Он накинул на себя пальто и направился к двери. Максимов вышел на улицу и невольно поднял воротник пальто. Снег прекратился, но с Волги потянул холодный пронизывающий ветер. Недалеко от министерства государственной безопасности находился ресторан «Казанка».

«Начнем с него», – решил Максимов и направился в сторону ресторана. Павел открыл массивную дверь и сразу его окутали тепло и запах специй.

– Товарищ! Вы не подскажите, отдыхал ли недавно у вас вот этот гражданин? – спросил он у администратора и протянул ему фотографию убитого гражданина.

Администратор долго всматривался в фотографию.

– Нет. Я что-то не припоминаю этого гражданина. Я хоро-

шо знаю своих постоянных клиентов, но он таковым не был. Сходите в другое заведение, может, вам там повезет.

Первый, второй, третий ресторан и все словно сговорились между собой – не знаем, не помним. Оставался последний – «Прибой».

– Скажите, вам не знаком этот гражданин? Он, возможно, был у вас со своей спутницей на той неделе? – спросил Максимов и положил перед администратором фото убитого.

Администратор мельком взглянул на фото и сразу же признал на ней гражданина Лукина.

– Это – наш клиент, зовут его Петр Тимофеевич, а фамилия его Лукин. Нравилось ему у нас. Он часто посещал наше заведение. В последний раз он был с Алевтиной Авериной. Красивая такая женщина с прекрасной фигурой.

– А где она живет? – поинтересовался у администратора Максимов.

– Не могу сказать, просто не знаю. А вы спросите у ее подруги, вон она сидит с офицером.

Павел поблагодарил мужчину и направился к указанному администратором столу.

– Здравствуйте! Я – из уголовного розыска. Капитан Максимов, – представился он. – Я бы хотел задать вам один вопрос. Скажите, где проживала ваша подруга – Алевтина Аверина.

Женщина взглянула на офицера, словно советуясь с ним, отвечать ли на вопрос сотрудника уголовного розыска или

нет. Офицер отвернулся в сторону, тем самым давая понять ей, что ему безразлично, будет она рассказывать о месте проживания ее подруги или нет.

– Она живет рядом со Льнокомбинатом. Желтый двухэтажный дом, второй этаж, квартира слева – первая.

Поблагодарив женщину, Максимов направился к выходу.

***

– Как живешь, старик? – спросил Латыпа Корнилов. – Вот посмотри, что я тебе принес, оцени.

Василий протянул старику мужской перстень с темно-зеленым камнем. Камень в солнечных лучах засверкал. Он буквально заморозил этого старого человека. У Латыпа задрожали руки. Он взял перстень и поднес его ближе.

– Как? Нравится?

Латып подкинул перстень на ладони. То, что изделие дорогое, было ясно с первого взгляда.

– Откуда это? – заинтересованно спросил он Корнилова.

– От верблюда! Не важно, Латып. Берешь или нет?

Старик сморщил лоб, давая понять Василию, что думает.

– У меня нет столько денег, сколько стоит эта вещь, – тихо произнес старик. – Нужно подумать, поискать.

Корнилов громко засмеялся и спрятал перстень в карман брюк.

– Денег нет, – произнес он. – Ну – ну! Накопить, говоришь, нужно... Вот и копи! Как накопишь, дашь знать.

Василий засмеялся и, развернувшись, направился вдоль торговых рядов. Шагая по сколькой дорожке, он спиной чувствовал пристальный взгляд уже знакомого ему паренька. Корнилов сделал крюк и снова подошел к Латыпу.

– Слышь, старый! – обратился он к нему. – Мне деньги нужны! Сколько отвалишь?

– Шестьсот рублей, – тихо произнес старик.

– Ты случайно не из цирка? Меня смешить не надо. Берешь или нет?

– У меня нет столько денег с собой, – признался старик. – Приноси завтра...

– Завтра не могу. Я вечером причаю, если будут «хрусты», – ответил Корнилов, ища глазами паренька.

Заметив его, он почему-то улыбнулся ему.

– Хорошо. Договорились. Буду ждать в семь вечера.... Приходи один.

– Конечно не с «мусорами». Все, «заметано», – произнес Корнилов и снова направился вдоль торговых рядов.

К Латыпу подошел паренек и посмотрел на старика.

– Возьми с собой еще двух дружков и ко мне, – в приказном тоне произнес старик.

– «Шпалеры» брать?

– Возьмите, лишними не будут. Посмотрим, какой ты масти, фраерок? – произнес старик и стал укладывать разложенные на ящике носильные вещи в мешок. Через минут десять он двинулся в сторону железнодорожного вокзала.

– Вот он идет, – произнес Корнилов, указывая на старика с мешком. – Иди, Алексей, проводи его. Будь осторожен, он может быть не один.

Алексей с явной неохотой выбрался из салона легковушки и, подняв воротник полупальто, направился вслед за стариком. Было холодно и Алексей, то и дело похлопывал себя по бедрам, чтобы как-то согреться. Наконец старик остановился и, оглядевшись по сторонам, вошел в калитку дома. В тот же миг около Алексея остановилась легковушка.

– Давай, в машину, – приказал ему Василий. – На, отогрейся.

Алексей взял в руки металлическую фляжку и сделал два больших глотка. У него перехватило дыхание. Это был спирт. Корнилов вырвал из рук Бабаева фляжку и сунул ему вместо нее соленый огурец.

– Жуй! – коротко произнес Василий. – Будем ждать....

Ждать пришлось не так долго. В дом один за другим вошли трое молодых парней.

– Ну, вот, каждой пары по паре, – тихо произнес Корнилов.

Что он хотел сказать ни Игнат, ни Алексей не поняли. Василий вышел из машины и направился в дом, Симаков укрылся за углом. Он должен был наблюдать за окнами. Стучать пришлось не так долго. Дверь открылась и на пороге из темноты возникла фигура Латыпа.

***

– Ты один? – спросил его Латып.

Василий обернулся и посмотрел назад.

– Нет, я с товарищем Лениным, но в сердце. Ты что, плохо видишь, старый? А ты один дома?

Хозяин посмотрел на Корнилова. Он посторонился в сторону, пропуская Василия в дом.

– Где товар? – торопливо спросил его старик. – Принес?

– Не гони пургу, Латып, – тихо ответил Корнилов, сжимая «ТТ» в кармане своего кожаного пальто. – Кто в гости ходит с товаром? Вот и я зашел к тебе, чтобы посмотреть, как ты живешь. Короче, проверка твоих бытовых условий, как в профсоюзе.

– Живу, как видишь! Чего это мы с тобой в сенях разговариваем? Пойдем в дом!

– Пойдем, – выдержав паузу, ответил Василий.

Он на секунду замешкался в сенях, сумев сбросить крючок с двери. Корнилов вошел в дом и остановился в дверях. В зале за столом сидело трое парней, и внимательно смотрели на гостя.

– Не бойся, это – мои сыновья, – произнес Латып. – Они ребята смирные. Выходит, ты без товара?

– Я уже сказал, товар дома, – тихо произнес Василий, чувствуя, как дрогнул его голос.

– Садись, мил человек, – предложил ему хозяин дома. – Как смотришь на то, что мои мальчишки поедут к тебе домой

и привезут товар сюда, а ты пока посидишь здесь у меня. Мы с тобой чайком побалуемся. Ты чай любишь или отдаешь предпочтение водке?

– Насколько я понял, выбора у меня нет?

– Сейчас я выбираю, а ты просто выполняешь. . . .

Он не успел договорить, как в комнату буквально влетел Бабаев. Звук выстрела ударил по ушам, заставив всех вжать головы в плечи. Пуля угодила в грудь знакомого Василию паренька, тело его вздрогнуло, и он с хрипом повалился со скамейки на пол.

– Что, суки, не ожидали! – закричал Алексей и выстрелил в потолок. – Стволы на стол, иначе всех порешу!

Ствол его «Нагана» медленно перемещался с одной груди на другую. Его появление было столь неожиданным, что все были просто шокированы. В комнату вошел Игнат и сел напротив старика.

– А теперь, гони ценности, – произнес Василий, обращаясь к старику. – Меняем жизнь на ценности.

Корнилов вытащил из кармана «ТТ» и всадил пулю в грудь одного из парней. Кровь обильно заструилась по его груди и стала крупными каплями стекать на пол.

– Чего молчишь? – спросил Корнилов старика и снова выстрелил. В этот раз пуля угодила в голову парню, окрасив стену кровью с мозгами.

– Ты можешь убить их всех, но я тебе ничего не отдам! – твердо произнес Латып. – Я в своей жизни видел и не такое.

Меня менты на зоне не сломали, не сломаешь и ты. Только запомни, фраерок, это тебе просто так это с рук не сойдет.

– Игнат, свяжи их, – тихо произнес Корнилов. – Я устал от этой болтанки.

Мужчина быстро связал старика, живого паренька и посмотрел на Василия, ожидая от него дельнейших указаний.

– Пошарь по дому! – предложил Игнату Корнилов. – Наверное, здесь есть чем поживиться.

– Слышь! Скажи, это ты Рашпилю паленый ствол толкнул? – спросил Василия Латып.

– А тебе, что?

– Просто интересно.

– Если просто, то я, – ответил Корнилов. – Нет больше Рашпиля и нет больше вопросов...

– Ну и сука, ты...

Василий поднялся из-за стола и вышел в сени. Вернулся он через минуту, держа в руке канистру с керосином. Увидев это, паренек заплакал.

– Чего сопли распустил? Испугался? – спросил паренька старик. – А ты, не бойся, он тоже вечно жить не будет. Найдется человек, который кончит этого беспредельщика.

Парень заплакал еще громче. Он, наверняка, догадался, что рассчитывать на жизнь при таком раскладе, не приходится. В комнату вошел Игнат. Он был сильно возбужден.

– Вот, смотри, что я нашел. В подтопке прятал, сука....

Он положил перед Корниловым женский ридикюль. Ва-

силий приоткрыл его, тот был полон золотых монет царской чеканки.

– Ну, вот и все, Латып, – произнес Корнилов и, открыв канистру с керосином, стал лить его на их головы.

Старик молчал, похоже, он уже простился с жизнью и сейчас просто наблюдал, когда это все закончится.

– Алексей! Уходим! – громко произнес Василий.

Он достал спички. Прикурив папиросу, он бросил ее на разлитый керосин. Люди вспыхнули, а Корнилов развернулся и, прикрыв входную дверь, вышел из дома.

***

Павел сидел за столом и внимательно читал заключение баллистической экспертизы. Проводимое им расследование убийства родственника, сотрудника Министерства государственной безопасности СССР, потихоньку заходило в тупик. Опрошенные накануне им соседи убиенного ничего дополнить не смогли, все они ссылались на его замкнутый образ жизни, на постоянные разъезды... Дополнительно выяснилось лишь одно, что накануне убийства он целый месяц провел в Москве у родственника. Где и при каких обстоятельствах он познакомился с погибшей женщиной, по-прежнему оставалось загадкой.

«За что его могли убить? – уже в который раз он спрашивал сам себя. – Откуда преступники могли знать о наличии у него денег и драгоценностей, если никто из соседей никогда

не был в его доме?»

Максимов закурил и посмотрел на заключение эксперта.

«Боек пистолета имеет характерную заточку, из чего можно сделать определенный вывод, что он был изготовлен кустарным способом», – прочитал Павел.

И «что это мне дает? А ничего. Искать, где могли выточить этот боек, бесполезно. В городе более десяти заводов, имеющих механические цеха. Да и вряд ли кто из рабочих добровольно признается в том, что именно он вытачивал этот боек. Вот снова тупик».

Максимов загасил папиросу и посмотрел на Яхина, который вошел в кабинет.

– Над чем задумался, Максимов? – спросил его начальник отдела.

– Вот сижу, размышляю, что делать дальше. Похоже, тупик. Никак не могу понять, это – случайный налет или нет?

– Ничем тебе помочь не могу, Павел. Слышал о пожаре с трупами? Так вот, практически все трупы с огнестрельными ранениями. Похоже, сначала всех кончили, а затем сожгли. Скажи, это тебе ничего не напоминает?

Максимов промолчал.

– Вот посмотри, что мне дали баллисты, – произнес Яхин и протянул ему заключение экспертов. – Стреляли из двух стволов – «Нагана» и «ТТ». Оба ствола паленые. «ТТ» проходит по трем убийствам, «Наган» стрелял и раньше, когда ты занимался бандами.

– Погоди, погоди, – произнес Павел, – я сейчас почитаю...

Яхин положил перед ним заключение эксперта и, заметив, что Максимов углубился в чтение, вышел из кабинета. Павел читал, перечитывал и снова начинал читать заново.

«Не может быть! – подумал Павел. – Банда о ликвидации, которой сообщалось дважды, на самом деле не только существует, но, как и прежде, творит кровавый беспредел. Выходит, убийство родственника сотрудника МГБ СССР, тоже совершила она. Но кто же, их наводит на эти дома?»

Павел снова закурил.

«Надо искать женщину. Только женщина способна быть наводчицей, – решил он. – Но, кто она такая, как ее найти?»

В кабинет тихо вошел Яхин.

– Что думаешь, Максимов?

– Не знаю, товарищ начальник. Думаю, что один я это дело не потащу. Это старая банда, я три года назад гонялся за ней.

– Почему ты так решил, Павел? Может, ты ошибаешься?

Максимов закурил и стал рассказывать Яхину то, что ему было известно об этой банде.

***

Из ресторана «Казань», покачивая бедрами в такт движению, вышла молодая красивая женщина. Ее золотисто-рыжеватые густые волосы были аккуратно уложены в какую-то замысловатую прическу. На ее плечах было накинуто манто из черно-бурой лисы.

– Люся! Люся! Погодите! – выкрикнул мужчина лет пятидесяти и, не обращая внимания на лужи, бросился вслед за женщиной.

Он схватил ее за руку, когда она садилась в черную «Эмку». Люся осторожно освободила свою кисть из руки мужчины и посмотрела на него.

– Люся! Золотце мое! Вы не можете так просто оставить меня. Давайте, встретимся завтра в удобное для вас время, – произнес мужчина и с надеждой посмотрел на нее. – Ну, что же вы молчите?

Женщина выдержала небольшую паузу и посмотрела на мужчину.

– Алексей Иванович! Зачем же так! Мы с вами знакомы всего два вечера, а вы так и норовите затащить меня в свою постель, как простую, дешевую проститутку. Я – не такая, вы ошиблись. Если бы все это мог видеть мой покойный муж..., – она не договорила.

Мужчина снова взял ее за руку.

– Вы только на меня не обижайтесь, Люся! Я не хотел обидеть вас! – четко произнося каждое слово, произнес мужчина. – Бога ради, простите меня!

Мимо них прошла супружеская пара и с нескрываемым интересом посмотрела на Алексея Ивановича. В мужчине они узнали известного в городе профессора Мельцина – светила мировой психиатрии. Год назад он похоронил супругу, с которой прожил около двадцати лет и сейчас, похоже, ис-

кал себе достойную пару.

– Алексей Иванович! Не устраивайте представления, здесь – не место для выяснения отношений, – строго произнесла женщина. – Не позорьте меня и себя.

– Может, вы и правы, Люся, но я не хочу вас отпускать обиженной на меня.

На лице женщины мелькнула едва заметная улыбка, которая моментально исчезла.

– Ничего удивительного, – словно рассуждая сама с собой, произнесла она. – Одинокую женщину может обидеть каждый.

– Боже мой! – произнес мужчина. – Что мне нужно сделать, чтобы вы простили меня?

Люся задумалась. На ее лице появилась едва заметная улыбка, которая сразу же преобразила ее лицо. Глаза ее за сверкали, словно два бриллианта.

– Поехали к вам домой, Алексей Иванович. Я не люблю шумные, пропитанные алкоголем и развратом места. Я – женщина домашняя, люблю тишину и домашний комфорт.

Мужчина радостно улыбнулся.

– Подождите меня, Люся. Я захвачу шампанского, икры...

– Хорошо. Только не долго, Алексей Иванович. Я не привыкла ждать...

Мужчина развернулся и чуть ли не бегом устремился обратно в ресторан «Казань». Из машины вышел Игнат и, посмотрев вслед мужчине, громко засмеялся.

– Ловко ты его раскрутила. Василий был бы доволен.

– А мне плевать, как на тебя, так и на Василия. Все вы – кобели. Вот срублю денегат и махну в Ленинград. Я ведь из города пролетарской революции, – произнесла она. – Может, найду кого-нибудь из родственников. Не все же они погибли в блокаде.

– Дело твое. С деньгами везде хорошо, – подытожил их разговор Игнат и стал садиться в машину, заметив профессора, который со свертками в руках, вышел из ресторана.

***

Машина свернула в Профессорский переулок и, скрепя тормозами, остановилась около двухэтажного каменного дома. Алексей Иванович вышел из машины и, открыв дверцу, помог выйти женщине.

– Вот здесь я и обитаю, Люсенька, – произнес он и громко рассмеялся, наслаждаясь произведенным на женщину эффектом. – Этот дом еще до революции принадлежал нашей семье. У меня отец тоже был профессором и преподавал в местном университете.

– И как же миновала вас карающая рука пролетариата? – поинтересовалась Люся. – Почему не отобрали?

– Мой отец хорошо знал семью Ульяновых, вот Владимир Ильич и попросил местных товарищей не обижать моего отца.

Он взял женщину под руку, и они направились к парад-

ному подъезду.

– У вас есть кто-то в доме? – поинтересовалась у него Люся. – Мне бы не хотелось никого видеть. Вы же знаете, я женщина замужняя. Зачем мне все эти разговоры и пересуды...

– Да, что вы! – ответил Алексей Иванович. – Я вот уже год, как живу один. А как ваш водитель? Он умеет держать язык за зубами?

– Он в этих делах – глухонемой, Алексей Иванович. Кстати, прикажите ему забрать из машины продукты, распорядилась женщина.

Квартира профессора была не только большой, а огромной. Посреди большого зала стоял белый концертный рояль. Люся открыла крышку и нажала на клавишу. Раздался звук, который словно застыл в стенах зала.

– Здесь у нас отличная акустика, – произнес Алексей Иванович. – Раньше люди знали, что строили.

Пока мужчина колдовал на кухне, Люся обходила зал, трогая руками каждый выставленный на обозрение экспонат.

– Нравится? – спросил ее Алексей Иванович, застав ее при осмотре антикварных предметов. – Это – табакерка императора. Не правда ли, хороша?

– Наверное, очень дорогая вещь? – поинтересовалась женщина.

Она взяла ее в руки. Табакерка словно заморозила ее.

– Трудно сказать, сколько она стоит. Табакерка сейчас имеет две ценности – художественную и историческую, – от-

ветил профессор.

Он открыл бутылку «Советского шампанского» и стал разливать его по хрустальным фужерам.

– Богато вы живете, Алексей Иванович, – тихо произнесла Люся. – Богато....

– Жаловаться на жизнь, не могу. Что дает Бог, все принимаю с молитвою....

Люся села за стол напротив профессора и взяла в руки протянутый им фужер. Алексей Иванович, взяв ее за руку, посмотрел ей в глаза. Ее зеленые глаза были похожи на два болота, которые буквально затягивали его в свою глубину. Ему показалось еще миг, и он просто утонет в них.

– Алексей! Можно я так буду вас называть? – обратилась она к нему. – Скажите, а как соседи относятся к вашему быту, я имею ввиду – к вашему богатству?

Произнесенные ею слова, словно, вернули его к реальности, он ухмыльнулся и, обняв ее за плечи, пристально посмотрел в ее глаза. Стараясь уйти от прямого взгляда, Люся села за стол.

– Я боюсь вас, Алексей Иванович, – произнесла она.

– Я не обижу вас...., – прошептал хозяин.

Держа в руках фужер, она поднялась из-за стола и подошла к окну. Отодвинув в сторону штору, в свете фонаря она увидела идущего по улице Корнилова.

– Люся! Может, все же выпьем? – произнес Алексей Иванович и, встав из-за стола, он подошел к ней.

Поставив фужер на подоконник, он обнял Люсю за плечи, а затем привлек ее к себе. Женщина почувствовала, как мужская рука расстегивает на груди блузку, как его горячие губы стали покрывать ее грудь поцелуями. Она в какой-то миг поняла, что попала в плен его теплых рук. Она попыталась отстраниться от него, но сил у нее просто не было. Тело было не подвластно ей. Она застонала от охватившего ее тела блаженства, перед глазами женщины поплыли предметы интерьера зала. Тело стало каким-то невесомым.... Алексей Иванович подхватил ее обмякшее тело и понес его в спальню.

– Что вы мне подсыпали в вино? Не надо..., – прошептала женщина, – не надо....

***

Алексей Иванович, наклонился над Люсей и стал ее медленно раздевать. Глаза его блестели, и в какой-то миг он стал напоминать стервятника. Он рассматривал ее белое, как мрамор тело, нюхал ее белье. Сердце профессора стучало где-то в районе горла, и он просто физически не слышал, как щелкнул замок входной двери квартиры профессора.

– Bravo, профессор! – услышал он у себя за спиной. – Bravo!

Поправляя свою выпущенную из брюк рубашку, Алексей Иванович оглянулся назад. В большом роскошном кресле спальни сидел молодой человек, глаз которого имел опреде-

ленный дефект.

– Кто вы? – с трудом выдавил из себя профессор. – Как вы попали в мой дом?

Появление посторонних людей в его доме было столь неожиданным для него, что вызвало у него определенный шок.

– Доктор! Для чего вам эта женщина? – спросил его незнакомец. – Только не вздумайте кричать или что-то из этого. Я вас убью сразу!

Пальцы профессора предательски выдавали его волнение, он никак не мог застегнуть пуговицы на рубашке. Он невольно подумал об уголовном розыске. Именно сотрудники этого аппарата могли так беспардонно врываться в жилище граждан.

– Кто вы? На каком основании вы ворвались в мой дом!?! – с испугом, громко закричал профессор. – Я сейчас позвоню в милицию!

– Что ты с ней сделал? – спросил его Василий, словно не слыша крика профессора. – Ты ее заколдовал?

– Что вы! Это обычный сеанс гипноза. Сейчас она очнется!

Он что-то произнес, и на глазах Корнилова женщина открыла глаза и стала озираться по сторонам, не понимая где она. Она взглянула на свое тело и, схватив в охапку одежду, присела на кровати.

– Давай, вставай! – приказал ей Василий. – Чего разлег-

лась!

В спальню заглянул Игнат. Он подошел к Корнилову и открыл портфель, в котором находились деньги и ценности.

– Смотри, что я собрал, – произнес он. – Кровосос! Нажился на войне!

Пока Корнилов разговаривал с Игнатом, профессор Мельцин медленно отходил в сторону. Неожиданно для всех он бросился бежать. Игнат дважды выстрелил ему в спину, но, похоже, промахнулся. Алексей Иванович резко развернулся и скрылся за дверью.

– Сейчас я его, – произнес Игнат и сильным ударом плеча сорвал дверь с петель, которая с шумом упала на пол.

– Убивают! – громко закричал профессор. – Помогите!

На его счастье недалеко от дома проходил наряд милиции, который, услышав крики о помощи, устремился к дому. Сержант Пахомов первый ворвался в дом и тут же повалился на пол. Пуля, выпущенная Корниловым, угодила ему в голову. Он скончался мгновенно. Второй сотрудник милиции разбил рукояткой пистолета оконное стекло и открыл раму окна. Он осторожно проник в дом и затаился у двери. Судя по доносившимся из-за двери голосам, он понял, что в доме находятся двое вооруженных налетчиков.

– Уходим! – донесся до сотрудника милиции голос одного из бандитов.

Он услышал шаги, которые стихли за дверью дома. Милиционер приоткрыл дверь и оказался в зале, посреди ко-

торого на полу лежал мужчина средних лет. На его шее он увидел женский шелковый шарфик. Заметив в углу на тумбочке телефон, милиционер направился в его сторону. Он успел сделать несколько шагов, как услышал за спиной шорох. Он обернулся, но выстрел Петра Симакова опрокинул его на пол.

***

В актовом зале было очень душно. Несмотря на широко открытые окна, духота не только не исчезала, а наоборот, с каждой минутой становилась все более нетерпимой. Шел второй час расширенной Коллегии Министерства государственной безопасности республики, на которую помимо представителей Областного комитета КПСС были приглашены начальники отделов государственной безопасности, уголовного розыска, отдела по борьбе с бандитизмом, военный комендант города и командиры воинских частей, дислоцирующихся в пригороде Казани. На повестке дня стоял один вопрос – борьба с бандитизмом.

Максимов наблюдал за начальником отдела по борьбе с бандитизмом Лосевым, который сидел и что-то постоянно записал в свой блокнот.

– Хотелось бы услышать, что думает о текущей обстановке Геннадий Алексеевич? – громко произнес министр. – Судя по вашим прежним докладам, вы уже давно уничтожили эту банду.

Павел заметил, как Лосев втянул голову в плечи и посмотрел по сторонам, словно ища поддержки у присутствующих сотрудников. Он с трудом поднялся с места и, по-стариковски шаркая подошвами своих хромовых сапог, направился на трибуну. Взглянув на министра, он начал свой доклад. Речь его была какой-то путанной и странной. Он много говорил о бандах Казани, которые буквально терроризировали местное население. У первого секретаря областного комитета КПСС его доклад вызывал саркастическую улыбку на лице. Он все время улыбался и что-то шептал на ухо министру ГБ.

– Подполковник! – прервал Лосева секретарь областного комитета КПСС. – Все о чем вы сейчас здесь рассказываете, оставьте для своих подчиненных. Здесь собрались серьезные люди, и мы бы хотели услышать от вас конкретные предложения, которые могли бы покончить с этим проявлением преступного мира.

Этот окрик партийного руководителя республики был до того неожиданным для Лосева, что он даже присел за трибуной. Он испугано посмотрел сначала на комиссара, а затем уж перевел свой взгляд на первого секретаря.

– Мы, мы, – начал что-то говорить Лосев, но его прервал снова голос секретаря.

– Вы что там мычите, майор! Давайте конкретные предложения....

Лицо Геннадия Алексеевича стало бледным. Он схватил-

ся руками за края трибуны, чтобы не упасть. Зал затаив дыхание, наблюдал за Лосевым. Он какое-то время еще стоял, а затем стал медленно оседать. Через секунду другую он уже лежал на полу. Кто-то, не обращая внимания на присутствующее руководство, бросился к Лосеву. Ему расстегнули ворот гимнастерки и сунули под нос ватку с нашатырем. Он затряс головой и открыл глаза. По приказу министра его под руки вывели из зала заседания. Гул быстро стих, стоило лишь к трибуне выйти министру государственной безопасности республики.

– Товарищи! Не нужно из Коллегии делать цирк. Что вы никогда не видели, как бывает плохо человеку? Если кто-то не видел, то увидели. Я предлагаю, – комиссар сделал паузу и посмотрел на секретаря областного комитета КПСС, – я предлагаю усилить патрульную службу милиции за счет армейских патрулей. Неплохо было бы, чтобы к этому делу привлечь и силы особых отделов воинских частей. Вы заметили, что жертвы бандитских налетов, это – не простые жители города, а руководители предприятий, профессора, а это, товарищи, уже акты терроризма.

В зале стало тихо. Из-за стола поднялся Первый секретарь областного комитета КПСС. Он громко откашлялся и посмотрел в зал.

– Товарищи! Я думаю, что министр, предложил правильное решение по борьбе с бандитизмом. Для успешной работы необходимо создать штаб, в который должны войти наи-

более опытные сотрудники: госбезопасности, офицеры особых отделов частей, дислоцированных в городе. Пусть руководители указанных ведомств подумают над этим вопросом и внесут свои предложения и кандидатуры, которые войдут в состав этого штаба.

Одним из последних, кто покидал расширенную Коллегию, был Максимов. У выхода его ожидал Яхин.

– Что скажешь, Павел? – поинтересовался он у Максимова.

– Я этим делом занимался с самого начала. Не верю я, что уплотнением милицейских нарядов мы задавим эту банду. Это уже было....

***

Корнилов открыл дверь автомобиля и сел рядом с Игнатом.

– Чего хотел? – спросил он водителя. – Чего звал?

Игнат посмотрел на Василия и головой кивнул на Люсю, которая сидела на заднем сиденье «Эмки».

– Корнил! – тихо произнесла она. – Беда!

– Говори конкретно, а то беда, да беда!

– «Мусора» устраивают зачистку города. Будут чистить весь блатняк.

– И что? Кто тебе это «начирикал»? Наверное, твой «ха-халь»?

– Какая разница, кто мне все это рассказал. Думаю, что

нужно на время «шмона» свалить из города.

Корнилов громко засмеялся.

– Что в штанах сыро стало? А я вот ничего и никого не боюсь. Жизнь, как игра в очко. Перебрал – плохо, недобрал – жалко. Валить никуда не нужно, просто нужно не сорить деньгами. Придержите товар, с голоду не умрете. И еще скажи этому придурку, чтобы не мотался с оружием. Сам сгорит и нас запалит.

– А что, сам не скажешь? – со злостью произнес Игнат. – Я тебе – не почта, чтобы телеграммы носить!

– Я дважды не повторяю. Бью один раз и тот по крышке гроба. Сейчас расходимся, я сам найду вас.

– Погоди, Василий. Ко мне зачистил участковый. Все пытает соседей, на какие деньги я купил эту машину?

– На советские деньги! – ответил Корнилов и снова громко засмеялся.

– Тебе смешно, а мне не до смеха, – ответил Игнат. – Да и жена вся на нервах.

С лица Корнилова сползла улыбка

– Ну, кончи его, – произнес Василий и, достав папиросу, закурил.

Ему не нравилось все это: милицейский «шмон», внезапно возникший интерес участкового инспектора к машине Игната и нерешительность его самого.

– Где он живет? – спросил его Корнилов.

– Кто живет?

– Твой участковый! Ты дурака, Игнат, не включай.

– В Соцгороде. Ты знаешь, там, рядом с его домом строится большой дом?

– Тогда поехали, – сказал Василий и достал свой «ТТ».

– Можно я с вами не поеду? – спросила Василия Люся.

– Выходи!

Стоило Люсе выйти из машины, как та рванула с места, обдав ее пылью и мелким гравием. Игнат остановил машину и посмотрел Корнилова, который сидел и молчал, о чем-то размышляя.

– Сними номера с машины, – приказал он Игнату. – Светло, люди могут запомнить.

Водитель быстро скрутил номера с машины и сунул их в багажник.

– Ну, что, пошли? – произнес Корнилов. – Если он дома, то поговорим с ним.

Они перешли дорогу и свернули в переулок.

– Вот здесь, – уверено произнес Игнат. – Здесь он живет, сука ментовская!

Василий толкнул калитку и вошел во двор частного дома. Женщина небольшого роста в мокром переднике развешивала выстиранное постельное белье.

– Дома? – обратился к ней Игнат.

– Спит, – ответила женщина. – Вы с работы?

– Да, – ответил Василий и вошел в дом.

Участковый спал на стареньком, продавленном от време-

ни, диване. Корнилов выдернул из-под головы подушку и, не дав ему опомниться, через подушку выстрелил участковому в голову.

– Пошли, – буднично произнес Корнилов и направился на улицу.

– Что так быстро? – спросила их женщина.

– Пусть спит, заедем позже, – ответил ей Игнат.

Машина привычно заурчала мотором, а затем сорвалась с места и исчезла за поворотом.

***

Максимов медленно шел по аллее Арского кладбища. Сегодня они хоронили участкового инспектора Ленинского РОВД, которого застрелили бандиты. Несмотря на то, что преступники унесли с собой гильзу от пистолета «ТТ», Павел был уверен, что убийство совершила все та же банда.

– Павел! – окликнул его Лосев. – Погоди! Хочу поговорить...

Максимов остановился. Он достал из кармана пиджака пачку папирос и, выбив щелчком одну, закурил.

– Слушай, Павел! Как ты смотришь на то, если я обращусь к комиссару и попрошу его, чтобы он вернул тебя снова в наш отдел? У меня и должность для тебя есть – будешь моим заместителем.

Максимов ухмыльнулся. Он хорошо помнил, как Геннадий Алексеевич подставлял его под приказы о наказании,

как выдавливал его из отдела, опасаясь, что он может занять его должность.

– Извини, Геннадий, вы уж без меня.... Два медведя в одной берлоге не живут.

– Что обижен? А ты хоть раз подумал, а мне было какво? Вот, вот – не думал. Вам всегда казалось это место сладким....

Лосев замолчал. После коллегии положение Геннадия Алексеевича было просто аховым – он висел буквально на ниточке, которая могла оборваться в любой момент. Вот и сегодня с утра его вызвал к себе комиссар и потребовал, чтобы он в самые кратчайшие сроки раскрыл убийство участкового. Но, как можно было его раскрыть, если кроме жены убитого не было не одного свидетеля. Да и та после убийства мужа тронулась умом.

– Чего молчишь? – снова спросил он Максимова.

– Я уже ответил. Мне легко работать с Яхиным. Он – мужик хороший, понимающий, не то, что некоторые...., – он не договорил, но и так было все понятно, кто такие некоторые.

Лосев снова замолчал.

– Как сын? А Тамара? – спросил Геннадий Алексеевич у Максимова.

– Ничего. Сын на каникулах, супруга работает. Почему ты меня спрашиваешь о них?

– А ты представь, Паша, что эти бандиты к тебе придут.... Вот ведь пришли к участковому. Если бы жена была дома,

то и ее, наверняка бы, завалили. Им все равно, кого убивать.

– Да, что ты вокруг, да около. Я же сказал, что не хочу работать с тобой. Извини, но это – правда.

Лосев бросил недокуренную папиросу на землю и, взглянув на Максимова, резко ускорил свой шаг. От этого разговора у Павла остался какой-то неприятный осадок.

«Вот, видимо, и время подошло, что вспомнили о Максимове», – почему-то подумал он. Был ли он обижен на Лосева, скорее, нет, чем, да.

Заметив подъезжавший к остановке трамвай, Павел, ускорил шаг. Запрыгну на ходу в последний вагон, он поехал на работу.

***

В городе началась «массовая зачистка», так называемая «паспортная проверка». Иногда она начиналась поздно вечером и продолжалась всю ночь. Облавы следовала за облавами. Камеры следственных изоляторов были переполнены задержанными и арестованными жителями Казани. Блатной мир города затаился. Многие решили на время оставить город и перебраться в пригород, однако, это не спасало их от карающего меча НКВД. Помещения отделов внутренних дел были переполнены, десятки задержанных людей толпились в коридорах. Сотрудники милиции, уголовного розыска, государственной безопасности вели бесконечные допросы, но выйти на следы банды не удавалось. Словно в насмешку над

ними, бандиты совершили очередной налет на промтоварный магазин. При попытке их задержать были убиты два солдата, принимавшие участие в патрулировании улиц. Москва, обеспокоенная разгулом преступности в Казани, требовала результатов, которых реально не было.

Максимов спал в кабинете, положив под голову несколько папок. За соседним столом на составленных в ряд стульях спал Яхин. На столе затрещал телефон. Павел, не открывая глаз, снял трубку и приложил ее к уху.

– Где Яхин?! – спросил его дежурный по министерству.

– Здесь, спит на стульях, – ответил Максимов. – Что случилось?

– Собирайтесь. У нас огнестрел в Кировском переулке. Жертва – молодая женщина. Давайте, поторапливайтесь.

– Мертвые не бегают, Хасанов, – ответил Павел и посмотрел на проснувшегося начальника отдела.

– Ты слышал? – спросил его Максимов.

– Да....

Они быстро умылись в туалете и направились вниз.

– Хасанов! Ты бы чайком побаловал с утра то...

– Приедете, напьетесь, – примирительно произнес дежурный по НКВД.

Павел вышел на улицу. Люди еще спали, и народу на улице практически не было. Яркое солнце, словно принуждало людей жить, любоваться природой, а не убивать себе подобных.

– Чего застыл? – спросил его Яхин. – Ехать нужно, Павел. Потом насмотришься.

Дежурная полуторка быстро их добросила до места обнаружения трупa. Убитой была молодая женщина, лет двадцати – двадцати трех. Около тела лежала маленькая женская сумка, в которой эксперт обнаружил паспорт на имя Шуваловой Людмилы Гавриловны. Собака, взявшая след, привела к углу улицы Чернышевского и Кирова.

Судебный медик перевернул труп женщины. Красивые белокурые волосы, большие глаза, в зрачках которых играло солнце, словно, противились смерти.

«Симпатичная женщина, – подумал Максимов. – Интересно, за что убили такую красоту?»

К месту происшествия подъехала группа участковых инспекторов и солдат внутренних войск, патрулировавших прилегающие к месту преступления улицы. Яхин собрал их возле себя и начал проводить инструктаж. Минут через пять, разбившись на пары, сотрудники разошлись по жилым домам.

– У нее два ранения, – произнес судебный медик. – Ножевое ранение в живот и огнестрельное в грудь. Оружие назвать не могу, установим при вскрытии, но ранение сквозное. Так что, уважаемые сыщики, начинайте искать пулю.

Пулю они нашли минут через тридцать интенсивного поиска.

– Вот она, – громко произнес Яхин, указывая пальцем на

отверстие в покосившейся березе. – Как будем извлекать?

– Как? Пилить нужно, – ответил эксперт, по-другому ее не извлечешь.

Кто-то принес пилу и они, меняя друг друга, стали пилить дерево.

***

Корнилов ударил Лешку в лицо и когда тот упал, он ударил его ногой в бок.

– Ты, что делаешь, сука?! – произнес Василий и достал из кармана «ГТ». – Может, тебя тоже, как Симакова?

– Просто, суку завалить хотел! – произнес Алексей, поднимаясь с земли. – Она хотела нас сдать!

– С чего ты это взял! Фильтруй базар!

– Да я сам слышал, как она с ментом о нас терла. Все интересовалась, сможет ли он ее от зоны отмазать, если она нас всех скопом сдаст.

Алексей сплюнул на землю кровью и со злостью посмотрел на Корнилова.

– Это ты эту «курву» привел! Ишь ты, переспал с ней и сразу же в компанию. Мне еще жить хочется!

Глаза Василия налились кровью.

– Дурак ты Лешка! Это я ей велел подцепить этого мента, что она и сделала. Чтобы жить дальше, нужно знать, что они там мутят.

Корнилов замолчал. Он порылся в кармане и, достав па-

пиросы, закурил. Рука его предательски тряслась.

– А ты зачем в нее стрелял? – спросил его Алексей.

– Чтобы не мучилась. Ты даже подрезать человека нормально не можешь. Вот и приходится за тобой подчищать.

– Она и так бы померла, – словно оправдываясь, ответил Бабаев.

– Не нужно оправдываться, нужно все делать основательно.

Корнилов докурил и бросил папиросу на землю.

– Слушай, Корнил! Скажи, может, и нам пока залечь на дно, что-то беспокойно у меня на душе.

Василий промолчал. Он уже давно думал о том, что нужно завязывать с этой «блатной» жизнью, а деньги, золото с камнями, все это есть. Алексей смотрел на него, ожидая ответа.

– Вот свершим еще три «скока» и завяжем, – тихо произнес он. – По мелочи больше крутиться не будем. Хотелось бы взять кассу, как в Зеленем Доле, и в тину.

Подъехал на машине Игнат. Он вышел из «Эмки» и направился к ним.

– Ну, что там? – спросил его Василий.

– Ментов, как мух на помойке. Всех опрашивают, проверяют.... Меня тоже остановили, проверили машину и отпустили. Не знаю, как вам, а мне девку жалко. Смазливая была.

Бабаев отвернулся в сторону. Винил ли он себя, сказать трудно. За последние три года ему приходилось неоднократно убивать людей и сейчас вид крови жертвы не вызывал у

него никаких эмоций.

– Что будем делать дальше? – спросил Корнилова Игнат.

– Заляжем на дно. Никому, ни-ни. Ты что, отошел в сторону? – обратился Василий к Алексею. – Ты слышал, о чем я говорю?

– Да слышал, слышал, – огрызнулся он. – Откуда я знал, что Людмила не «ссучилась»?

– Ладно, проехали, – примирительно произнес Корнилов. – Деньгами не сорить!

Игнат и Лешка промолчали. Они хорошо усвоили эту прописную истину, на которой сторело много братвы.

– Ну, что? Погнали? – тихо произнес Корнилов. – Меня не ищите, я сам вас найду!

– А если касса?

– Это меняет дело. Пока!

Алексей сел в машину к Игнату, а Василий пошел пешком.

***

Павел внимательно слушал Аркадия Самсонова – оперативника по работе с несовершеннолетними правонарушителями, который рассказывал ему о своем знакомстве с убитой Шуваловой.

– Вы знаете, я сначала не поверил ей, а затем, когда она мне стала рассказывать об убийстве профессора Мельцина, я сразу понял, что она или хорошо знает тех, кто непосред-

ственно принимал участие в налете или сама была там во время преступления.

– Слушай, Аркадий! Ты почему не написал об этом, не сообщил о своем знакомстве с этой девушкой?

– Вы знаете, сначала я ей не верил, а затем решил написать, когда узнаю о всех участниках банды.

– Ты вот скажи мне, почему она решилась довериться тебе? Ты для нее – «мусор», а она – проститутка?

– Запуталась она, товарищ Максимов. Сами понимаете, молодость. Говорит, познакомилась с одним молодым человеком, ну, там – ресторан, подарки, а затем повязали ее на преступлении. Когда поняла, испугалась, однако, пути назад уже не было. Вот она и хотела через меня выскочить из этих сетей.

Максимов задумался.

«Надо же, вроде бы все складывалось хорошо, а здесь – убийство. Похоже, засекла ее бандитская братва с Самсоновым, вот и решила кончить».

– Слушай, Аркадий! Скажи, может, ты кого-то подозрительного заметил, когда общался с ней?

Самсонов задумался. Когда он с ней говорил, много народа проходило мимо них. Однако, его внимание почему-то привлек всего лишь один человек. Ему было лет около тридцати, хорошо одетый. Но не одежда привлекла тогда внимание Аркадия, а его глаза. Один из глаз немного косил...

– Павел! Я, кажется, вспомнил. Когда я ней разговаривал

мимо нас прошел молодой мужчина. При виде его она почему-то вздрогнула и, схватив меня за рукав пиджака, потянула в сторону. У этого человека один из глаз, кажется, немного косил. Который, я не помню.

– Вот почитай ориентировку трехлетней давности. Мы тогда разыскивали банду, в которой один из преступников имел аналогичный дефект зрения.

– Но насколько я понял, тогда группе москвичей и операм Лосева, банда была уничтожена, – произнес Самсонов.

– Нет, Аркадий, она действует и сейчас. И твою Шувалову Людмилу убили именно они. Уж больно близко ты подобрался к ним...

В кабинете стало тихо. Максимов рукой нащупал пачку папирос и, достав одну, закурил. Сейчас он размышлял над тем, как ему поступить дальше. Доложить об этой информации Лосеву или попытаться раскрыть это преступление силами отдела. Наконец он решился. Павел поднял трубку и быстро набрал номер Лосева.

– Здравствуй, Геннадий Алексеевич! – поздоровался с Лосевым, Максимов. – Ты знаешь, Аркадий Самсонов, кое-что может рассказать тебе об убийстве Шуваловой. Оказывается, она была его агентом. Нет, он ее оформить официально не успел, но, встречался. Что значит, сейчас тебе некогда? А, вы, уже вышли на след убийц.... Тогда извини за беспокойство....

Павел посмотрел на Самсонова.

– Ты все понял, Аркадий? Мы сами с усами... Посмотрим.

А ты погуляй по городу, а вдруг. Если заметишь, звони.

– Понял, – произнес Самсонов и направился к двери.

На столе у Максимова зазвонил телефон. Он снял трубку, звонила Тамара.

– Как ты, Павел? Тебя ждать на ужин?

– Не знаю, милая, как получится. Я люблю тебя...

Он положил трубку и, взяв папку, направился в кабинет Яхина.

***

Корнилов бросил недокуренную папиросу в окно «Эмки» и посмотрел на полупорку, которая двигалась в их сторону. Грузовик ехал медленно, объезжая ямы и рытвины. Молодая кассирша предприятия явно переживала за деньги, которые везла из банка на предприятие. Это была ее первая поездка, и она то и дело бросала свой взгляд на дорогу, крепко прижимая к груди брезентовый инкассаторской мешок с деньгами. Сумма была достаточно внушительной, а охрану груза осуществлял лишь водитель – инвалид войны.

– Дядя Ваня! А вы раньше деньги возили? – спросила его кассир.

– Приходилось, – коротко ответил шофер. – Да ты, не переживай, довезем. Вот видишь, я всю войну прошел и ничего, если не считать ранения. Знаешь, чего только не пришлось видеть, вспомнить страшно.

– А я то, боюсь. Вот я слышала, два года назад бандиты на кассира напали. Ее, говорят, на смерть застрелили, да еще и прохожих постреляли.

– Да, мало ли, что люди брешут. Да и откуда бандиты знают, что мы с тобой деньги везем. А может, мы просто на базу ездили. Так что, не бойся!

Кассир немного успокоилась, но стоило только на дороге показаться очередной машине, снова схватила инкассаторский мешок и прижала его к груди. Заметив это, дядя Ваня громко рассмеялся.

– Двум смертям, дочка, не бывать, а одной не миновать.

Водитель, чтобы как-то успокоить девушку, поправил на поясе кобуру с «Наганом». Она нервно улыбнулась ему и снова стала наблюдать за дорогой. До кожевенного завода оставалось еще немного. Машина, объехав очередную яму, снова помчалась вперед. По лобовому стеклу застучали крупные капли дождя. Дождь был таким сильным, что дворники в какой-то момент остановились, не в состоянии перебороть этот дождевой поток. Водитель остановил машину и, достав из кармана папиросы, закурил.

– Какой ливень! Давно такого дождя не было...

Сверкнула молния, а затем раздался сильный удар грома. Кассир вздрогнула и на какой-то миг выпустила мешок с деньгами из рук.

– Господи, спаси! – прошептала она и неуклюже перекрестилась.

Дядя Ваня завел машину и медленно тронулся, стараясь не угодить в ямы, которые скрыла под собой вода на дороге. Впереди показалась стоящая у бровки черная автомашина, около которой, прикрывшись плащ-палаткой, махал рукой мужчина.

– Нужно помочь, – произнес дядя Ваня.

– Не положено останавливаться, – словно вспомнив инструкцию, произнесла кассир. – А вдруг это – бандиты?

– Какие бандиты, дочка? У них просто мотор заглох. Нужно помочь людям!

Он сбросил скорость и остановил свою полуторку напротив «Эмки».

– Отец! – крикнул ему мужчина в плащ-палатке. – Помоги!

– Что у вас? – поинтересовался дядя Ваня. – Вам далеко?

– Что-то с двигателем. Внезапно заглох, никак не можем запустить!

Дядя Ваня, что-то сказал и стал выбираться из кабины грузовика. Натянув на голову, выгоревшую на солнце пилотку, он подошел к легковушке и ловким движением руки поднял капот.

– Чего стоишь? – обратился он к мужчине. – Попробуй запустить двигатель, а я посмотрю, что у тебя с ним.

Дождик неожиданно прекратился. Из-за угла серой свинцовой тучи показался край солнечного диска. Мужчина повернул ключ зажигания. Движок несколько раз чихнул и за-

велся.

– Вот и все, – тихо произнес дядя Ваня. – Работает. А я уж хотел вас тащить на «галстук».

– Спасибо, – поблагодарил его мужчина в плащ-палатке и вытащил из кармана «ГТ».

***

Увидев пистолет в руках незнакомца, дядя Ваня попятился назад. Споткнувшись, он упал в лужу.

– Ты что, парень? Не шути....

– А я и не шучу, – ответил незнакомец. – Гони деньги, старик.

Из машины не спеша выбрались еще двое, один из которых был совсем молодым. Ему от силы было лет семнадцать-восемнадцать. В руке паренька был «Наган». Он с силой ударил водителя по лицу. От удара дядя Ваня снова упал в глубокую лужу.

– Оставь его! Займись кассиршей! – скомандовал главарь. – Деньги забери!

Алексей бросился к грузовику. Резко открыв дверцу полуторки, он сразу же схватился за инкассаторскую сумку.

– А, а, а! – закричала кассирша и пихнула налетчика ногой в лицо. Алексей от неожиданности отлетел в сторону и упал в лужу.

– Убью, сука! – закричал он и, вытащив из-за голенища сапога нож, бросился снова к кабине.

Женщина в очередной раз ударила Алексея сумкой по лицу, тем самым решив свою судьбу. Сильный удар финского ножа в горло, решил этот вопрос в пользу налетчика. Он вырвал из ослабевшей руки кассира инкассаторскую сумку и с гордым видом направился в сторону Корнилова. Решив отыграться на водителе, Алексей ударил его носком сапога в лицо. Голова дяди Вани дернулась в сторону, и он на время потерял сознание. Алексей протянул Василию сумку.

– Вот смотри, деньги, – произнес он, открыв сумку.

Василий заглянул внутрь сумки. На него смотрел лик вождя мирового пролетариата. Корнилов невольно улыбнулся. В этот момент громко застонал водитель полуторки. К нему подошел Симаков и носком сапога уперся ему в затылок. Он внимательно наблюдал, как напряглось тело шофера, а затем из ямы, наполненной водой стали показываться воздушные пузыри.

– Вот так без шума и пыли, – произнес он. – Раз – и нет человека, он просто утонул в луже.

Вдалеке показалась грузовая автомашина.

– Поехали! – громко крикнул Корнилов и сел в легковую автомашину.

– Может, убрать труп старика с дороги? – заводя «Эмку», спросил Игнат Василия.

Тот посмотрел на приближающуюся машину.

– Некогда. Поехали!

«Эмка», взревев мотором, рванула с места. Она быстро

поравнялась со встречным грузовиком и, набрав скорость, устремилась в сторону центра города.

– Подфартило, – произнес Алексей и улыбнулся, – неплохие деньги срубили.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – зло отреагировал Корнилов. – Игнат, машину загони в сарай, а ты – прикуси язык. Сейчас «мусора» когти будут рвать, смотрите, не попадите под замес.

– Да, хватит нас учить! То не делай, это не делай. Мы и так все это уже проходили не раз.

– Ты замолчишь, щенок? – с нескрываемой злостью произнес Корнилов и приставил к голове Алексея свой пистолет. – Здесь я команду! Один в этом начал сомневаться, сейчас сидит рядом и молчит. Может, ты тоже хочешь вот так, как он!

– Ты что, Корнил? Вот уже и пошутить нельзя!

– Ты уже пошутил с Люськой Шуваловой. Взял и порезал! Больше никаких шуток!

В машине стало тихо. Лешка сидел, отвернувшись к окну, и шевелил своими толстыми детскими губами. В эти минуты никто из них не говорил о деньгах, наверное, каждый боялся заикнуться о них.

***

Максимов стоял у окна. Там за стеклом шел дождь.

«Вот и лето, похоже, заканчивается, – подумал он. – Какой

холодный август...».

Мутная капля дождя катилась по запотевшему стеклу, разбухла на его глазах и, собрав оконную грязь, расплзлась как-то слякотно, а затем устремилась вниз к земле. Тощая муха пискляво прожужжала над ухом, ткнулась в сырое стекло, да и шлепнулась в образовавшуюся лужицу на подоконнике. Суетно перебирая лапками, добралась до края и свалилась на пол. Павел проводил падающую муху взглядом и, услышав за спиной шаги, развернулся.

– Что произошло, Максимов? – спросил его Яхин. – За время службы пора уж привыкнуть к Геннадию Алексеевичу. Неужели, ты его до сих пор не можешь понять, что этот человек никогда не смирится с твоей версией?

– Станислав Иванович! Вы хоть понимаете то, о чем я все время пытаюсь достучаться до нашего руководства министерства. Пока мы будем отмахиваться от всего этого, банда так и будет творить свой беспредел в городе.

– Павел! Последний налет явно не вписывается в твою общую схему. Нет оружия...

– При чем здесь оружие? Почерк, жестокость... Разве этого мало?

– Для тебя, может быть, и играет, но следствие опирается не на предчувствия оперативников, а на факты. А здесь, признайся, следов то нет.

Максимов достал из пачки папиросу и закурил. У него явно сдавали нервы. Сегодня утром прокурор города проводил

заслушивание, на которое почему-то был приглашен и Павел. Лосев отчитался о проделанной отделом работе и, сидя в кресле, внимательно наблюдал за сотрудниками уголовного розыска и следователями прокуратуры.

– Товарищи! Может, у кого-то есть и свои соображения по данному преступлению?

Павел хотел подняться с места, но его остановил жест Лосева.

– Товарищ прокурор! Я думаю, что не стоит слушать версию Максимова. Он – человек интересный, конечно, но нам нужна истина, а не его бредни о банде. В этот раз с места ничего не изъяли: ни следов обуви, ни отпечатков пальцев, но это, как видите, все равно не останавливает товарища Максимова. Иногда мне кажется, что у него какая-то мания, ему все время кажется, что существует банда...

Прокурор города посмотрел на Павла и махнул ему рукой, тем самым, не дав ему высказать свою версию совершенного преступления.

Взглянув на Яхина, Павел бросил папиросу в пустую консервную банку, приспособленную под пепельницу, и направился вслед за начальником в кабинет. Он сел за стол и, достав из металлического ящика наблюдательное дело, посмотрел на Станислава Ивановича. Дело о разбойном нападении на кассира два отдела: по борьбе с бандитизмом и отдел по борьбе с имущественными преступлениями вели как бы параллельно. Каждый отдел стремился опередить конкурента,

и иногда подобное отношение вредило только делу. Три дня назад оперативники ОББ чуть не перестреляли оперативников имущественного отдела, приняв их за бандитов.

– Остыл, Павел? – спросил его Яхин. – Ну, все, все... Работать нужно. Ты отработал всех рабочих с фабрики, которые знали о перевозке денег?

Максимов улыбнулся.

– Там проще найти человека, который об этом не знал, Станислав Иванович.

– Скажи, чем объясняет директор фабрики столь малую и незначительную охрану кассира?

– Да, ничем! Простите, кто знал, что будет нападение и так далее, и тому подобное. Сейчас им занимается госбезопасность. Может у них он что-то вспомнит...

– Едва ли. Рассчитывать на это, Павел, не нужно. Вот ты мне скажи, много ли у нас машин «Эмка» в частных руках?

– Нет, не очень много. Но я года полтора назад проверял эту версию – тупик.

– Полтора года назад был тупик. Нужно снова вернуться к этому вопросу. Ведь, насколько нам известно, везде крутится легковушка.

– Слушай, Станислав! Машина может быть зарегистрирована и в другом городе, республике.... Не утонем ли мы в этих проверках?

– Извини, но другого выхода у нас с тобой нет. Начинай эту проверку, я уже договорился с Госавтоинспекцией.

– Хорошо. Тогда я пошел, – произнес Павел и, взяв в руки полевую сумку, направился к двери.

***

Прошел месяц кропотливой работы. Максимов заканчивал отработку картотеки Госавтоинспекции, но реальных результатов она не дала. Машину, которую бандиты использовали во время налетов, вычислить не удавалось. Да и сама банда, словно зная об активной работе милиции по ее розыску, затаилась.

– Павел! Привет! Я давно хотел тебе рассказать, что со мной рядом живет мужик, который ездит на черной «Эмке». Правда, у него номера не наши – то ли марийские, то ли чувашские. Им в свое время интересовался покойный Лучкин, ну, тот, которого убили прямо в доме. Помнишь такого?

– Помню, – ответил Максимов. Хороший был мужик.

– Правда он сейчас почему-то на ней не ездит, то ли продал, то ли спрятал. Ты проверь его на всякий случай.

– Адрес скажи, – произнес Павел и взял в руки карандаш.

– Ягодинская, 11, – ответил участковый. – Зовут его Игнат, здоровый такой бугай.

– Хорошо. Спасибо за помощь, – поблагодарил участкового Максимов.

Павел посмотрел на часы, подходило обеденное время. Убрав документы в металлический ящик, он направился на обед. Дома его ждала Тамара. Вымыв руки, он прошел на

кухню и сел за стол.

– Как дела, Павел? – поинтересовалась у него жена. – Ты случайно не заболел?

Она коснулась ладонью его лба и покачала головой.

– По-моему у тебя температура, Павел. Сейчас я принесу термометр....

Она вышла из кухни. Максимову действительно нездоровилось, с утра болела голова, а тело ломило, словно он занимался разгрузкой вагонов. Он взглянул на Тамару и взял из ее рук термометр.

– Отдохнуть тебе, Павел, нужно, – с сочувствием произнесла она. – Смотри, исхудал как, кости да кожа.

Тамара взяла в руки термометр и покачала головой.

– Павел, да у тебя температура тридцать девять и шесть градусов. Давай, ложись.

– Тамара! Да мне на работу нужно. Я не могу вот просто так лечь и лежать!

– Ничего! Я сейчас позвоню твоему начальнику и сообщу, что ты заболел. А если, осложнение! Ты подумал об этом?

Максимов не стал спорить с женой и, пройдя в спальню, разделся и лег. Его стало знобить, и он укрылся тяжелым ватным одеялом.

– Паша! Ты пока лежи, я сейчас вызову врача и куплю лекарства.

Он услышал, как хлопнула входная дверь, и в доме стало тихо. Максимов открыл глаза от легкого прикосновения ру-

ки. Перед ним на стуле сидела женщина средних лет в белом медицинском халате.

– Давай, я тебя послушаю, – произнесла она.

Через минуту она встала со стула и, пересев к столу, стала что-то быстро записывать в медицинскую карточку.

– Хрипы у вас в легких, похоже, у вас воспаление легких. Вот что, Максимов, вам придется полежать с недельку, а там будет видно.

– Не могу я лежать, доктор. У меня работа....

– Ничего не поделаешь, придется полежать!

Врач сняла с себя халат и, взглянув на Максимова, вышла из комнаты.

***

Небольшой городок утопал в золотых листьях осени. Ветер нехотя перегонял их с места на место, словно подыскивал им место для долгой зимовки. Улицы городка были полупусты. Лишь иногда кто-то из жителей выходил на улицу и быстро скрывался за высокими добротными воротами и заборами. На стоявшую не так далеко от райкома партии черную «Эмку» никто не обращал никакого внимания. Из салона машины выбрался водитель и, подняв капот, стал ковыряться в двигателе. Стало смеркаться. Сумрак быстро захватывал улицы города. Из дверей магазина вышла женщина и, достав из сумки большой навесной замок, закрыла магазин.

– Проводи ее до дома, – произнес Корнилов, обращаясь

к Алексею. – Мне говорили, что он живет не так далеко от магазина, и еще посмотри, нет ли поблизости «мусоров».

Алексей направился вслед за продавщицей, насвистывая модный мотивчик. То ли он приблизился к ней довольно близко, то ли что-то другое, но женщина явно почувствовала что-то недоброе. Она оглянулась раз, затем второй и, заметив Алексея, который плелся за ней, ускорила шаг. Она свернула за угол и он, нет, чтобы подождать, когда она подальше отойдет от угла, тут же повернул за ней. Испугавшись, женщина бросилась бежать.

«Вот дура!», – подумал Алексей, разворачиваясь, но неожиданно встал, как вкопанный.

Ему навстречу шли два сотрудника милиции. Он явно не ожидал подобного и невольно испугался.

– Гражданин! Предъявите ваши документы! – обратился к нему сержант. – Вы слышите меня?

– Да, да, – ответил Алексей, чувствуя, как его спина покрылась потом, а к горлу подступил комок, от которого ему стало плохо.

Он пошарил рукой в кармане пиджака и протянул работнику паспорт.

– Вот, возьмите, – произнес он, протягивая сержанту документ. – Вы не подскажете, я успею на ближайший до Казани поезд или нет? Мне нужно в Казань.

Сержант посмотрел на парня и ухмыльнулся.

– А мне показалось, что вы преследуете женщину, – про-

изнес милиционер.

– Что вы! Что вы! Я только хотел спросить ее о поезде, а она – наутек. Как-то не хорошо, получилось.

– Вот и я об этом. Если на поезд, то вам, товарищ, нужно идти в противоположную сторону.

– Спасибо. Я мигом! – произнес он и бросился бежать в указанную милиционером сторону.

Минут через пять он оказался около машины.

– Что как долго? – спросил его недовольным голосом Корнилов.

– Чуть не погорел, на «ментов» нарвался. Ладно, «отмазался».... У меня же в кармане «Наган».

– Дурак, ты Леха! Учю, учю, а ты все как дерево... – тихо произнес Корнилов и сплюнул на землю. – Ладно, пошли.

Они подошли к магазину. Василий достал из кармана пиджака ключ и вставил его в замок. Удивительно, но замок моментально открылся и они вошли в магазин. Корнилов сразу же направился к печи и, открыв подтопку, сунул туда руку.

– А вот и деньги, – произнес он, держа в руках сверток. – Все правильно, не обманул.

Они быстро подтащили к двери магазина три ящика водки, ящик копченой колбасы, мешок сахарного песка и несколько коробок с конфетами. Корнилов остановился около двери и поднял правую руку. Алексей и Игнат замерли на месте. Василий приоткрыл дверь. Около автомобиля стояли два сотрудника милиции и о чем-то спорили. Один из них

достал из кобуры «Наган», и осторожно ступая, направился в сторону магазина.

– Захар! Здесь кто-то открыл замок! – крикнул милиционер и осторожно потянул на себя дверь.

Он включил фонарик, который висел у него на груди. Яркий луч разорвал темноту помещения и стал скользить по стене, затем медленно двинулся вдоль полок. В проеме двери показался второй сотрудник милиции.

***

– Слушай, Захар! А не могла Аглая забыть закрыть магазин? Как думаешь?

– Она – женщина ответственная, не думаю...

– Посмотри, что там, в подсобке, – произнес сержант Захару. Ты только посмотри, весь товар сбоку у двери, словно кто-то приготовился его вытащить.

Луч света метнулся в сторону и застыл на ящиках с водкой.

– Что скажешь?

Захар не успел ответить. Ослепительная вспышка выстрела буквально ослепила его. Он выронил фонарь и, схватившись за лицо, повалился на пол. Падая, он рукой сбил банки с консервами, стоявшие на полке, которые с грохотом покапались по полу. Сержант вовремя упал на пол. Пуля просвистела над головой и угодила в металлическую бочку с подсолнечным маслом, которое струйкой потекло на голову мили-

ционеру. Сержант дважды выстрелил и, похоже, промахнулся, так как в ответ по нему ударили выстрелы. Пуля преступника сорвала с головы фуражку и нанесла касательное ранение головы. Милиционер стал медленно отползать за дверь магазина. Снова раздались выстрелы. Одна из пуль угодила сержанту в руку. Оружие выпало из его руки.

– Ну, как, сука «ментовская»! – грязно ругаясь, произнес Корнилов, выходя из укрытия. – Добегался, «лягавый».

Он с силой пихнул раненого в бок и, заметив гримасу боли на лице милиционера, наступил сапогом ему на рану.

– Давай, быстро тащите все в машину, нужно сматываться!

Игнат и Алексей быстро схватили ящики и понесли их к машине. Тем временем, Василий подошел к раненому сотруднику милиции и наклонился над телом.

– Вот и все, – тихо произнес он. – Был «мент» и, нет «мента».

– погоди! Дай я, – остановил его Симаков.

Раздался выстрел. Тело милиционера вздрогнуло, а затем вытянулось в струнку.

– Что ты ему сказал? – спросил Корнилова Игнат.

– Помолился...

Все засмеялись и стали садиться в машину.

– Помчались! – громко скомандовал Василий, и машина сорвалась с места.

Из-за угла райкома КПСС, выехала милицейская машина

и устремилась за черной легковушкой. Они уже подъезжали к Зеленому Долу, когда Игнат заметил, что за ними неотступно движется машина.

– Василий! Мне не нравится автомашина, которая едет за нами.

– Ты думаешь, это – хвост?

– Не знаю. Сейчас проверю.

Игнат сбросил скорость машины и прижался к обочине дороги. Двигающаяся вслед за ними машина повторила их маневр. Все стало ясно, машина преследовала их.

– Игнат! Ты сейчас на повороте притормози машину, я выйду.

– Это зачем? – испугано спросил водитель.

– Так надо, потом подберешь меня, понял...

Машина притормозила за поворотом. Корнилов выскочил из машины и притаился в кустах. Через мгновение из-за поворота, сверкая светом фар, вывернул легкой «Опель», за рулем которого сидел работник милиции. Из кустов вышел Василий и разрядил всю обойму в лобовое стекло машины. Автомобиль запетлял по дороге, едва не сбив Василия, и уткнулся в придорожное дерево. Корнилов подошел к машине и приоткрыл дверцу. Из салона вывалилось окровавленное тело милиционера. Через минуту – другую, Василия подобрала машина Игната.

***

– Вот почитай! – произнес Яхин и положил на стол перед Максимовым машинописный лист бумаги.

– Что это? – спросил его Павел.

– Ориентировка из МВД Марийской АССР. Почитай, очень интересная информация.

Павел взял в руки ориентировку и углубился в чтение. Закончив читать, он посмотрел на Яхина.

– Станислав Иванович! Неужели это – наша банда?

– Наша банда, наша, Павел. Вот заключение баллистической экспертизы. Все в цвет. Теперь они, похоже, начнут грабить в других регионах...

– Ловко это они придумали. Мы их здесь ловим, а они бомбят в другом месте! – удивленно произнес Максимов.

– Хочу тебя отправить в МВД Марийской АССР. Съезди, посмотри, что там. Думаю, трех дней тебе хватит.

– Хорошо, завтра поеду, – произнес Максимов. – Можно мне оставить ориентировку и заключение эксперта.

– Конечно, для этого я тебе их и дал.

– Станислав Иванович! А люди Лосева не поедут? – спросил начальника Павел.

– Нет, поедешь ты один.

Начальник отдела развернулся и вышел из кабинета. Павел достал из сейфа дело и стал его перечитывать. Он вложил в дело ориентировку и, достав папиросу, закурил. Несмотря на перенесенное воспаление легких и запрет врача, он продолжал курить.

«Вот не было меня всего две недели, а сколько перемен. Лосев получил очередной выговор за пассивную борьбу с бандитизмом. Его заместителя уволили» – подумал Максимов.

Он снова перечитал ориентировку и, достав из стола свои записи, вдруг вспомнил об информации участкового инспектора о машине и ее хозяине – Игнате.

«Вот приеду из командировки, обязательно проверю информацию о машине», – подумал Павел.

Он позвонил Тамаре и предупредил ее о своей командировке.

– Павел! Может, не стоит тебе ехать, ты после болезни и еще слаб, – запричитала супруга. – Да и сыну ты обещал сходить в цирк на борцов.

– Я обязательно с ним схожу, но работа есть работа. Приказы, жена, не обсуждаются, а исполняются.

– Хорошо, – ответила она. – По дороге домой купи хлеба и еще чего-нибудь в дорогу.

Павел повесил трубку и потянулся к папиросе. Но в этот момент на столе зазвонил телефон.

– Максимов! Поехали, кража на Комлева...

***

Павел остановился напротив двухэтажного барака. Темное от времени дерево здания придавало ему какой-то мистический вид. Из подъезда выскочила ватага пацанов и с

криком устремилась за дом. Проводив их взглядом, Максимов направился к женщине, которая сидела на лавочке, около второго подъезда.

– Здравствуйте, – поздоровался с ней Павел. – Извините меня, гражданочка, вы не подскажете, кто из местных мужчин продает машину?

Старушка с удивлением посмотрела на Максимова, видимо, соизмеряя его внешний вид с покупкой автомобиля.

– Что-то ты не похож на человека, у которого имеются деньги, – произнесла старушка.

– Да я не для себя, – ответил Павел. – Брат у меня работает в Сибири, золото моет, вот он и интересуется машиной. Мне-то, конечно, правильно вы заметили, не до машины. Вот прислал письмо, просит подыскать ему продавца.

– Да у нас здесь всего один человек с машиной. Не знаю, он хочет ли продать машину или нет. Он купил ее в том году, такая красивая, черная. Это вам с ним нужно поговорить.

– Наверное, богатый. Трудно говорить с начальниками...

– Да какой он начальник? Раньше сам катал начальника, а потом уволился с работы, машину вдруг купил...

– Так, значит, он – не начальник?

– Какой начальник, – ответила старушка и тихо захихикала. – Сторожем он работает в местной котельной. Сутки работает, двое дома...

– Может, стоит поговорить с ним? Вдруг решит продать?

– Поговори, сынок, поговори. Он сейчас как раз дома, с

работы пришел... квартира у него на втором этаже, крайняя справа.

«Стоит идти к этому Игнату или нет? – подумал Павел. – Наверное, стоит. Ему все равно расскажет эта старушка обо мне».

Максимов бросил папиросу и вошел в подъезд. Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице и остановился около двери. На всякий случай он взвел свой «ГТ» и сунул его в карман пиджака. Только он захотел постучать в дверь, как она неожиданно распахнулась перед ним. Могучая мужская фигура возникла в проеме двери, закрыв собой дневной свет.

– Тебе кого? – спросил мужчина.

– Я вот интересуюсь машиной. Вы не хотите продать свой автомобиль. Мне ваша соседка подсказала, что у вас есть легковушка.

Мужчина удивленно хмыкнул. Он, молча, закрыл дверь и направился вниз по лестнице.

– Гражданин! Почему вы молчите? – спросил его Максимов.

Игнат повернулся к нему лицом и, посмотрев на Павла, коротко бросил:

– Нет, я не продаю машину.

– Как же так? Мне сказали, что вы продаете легковушку?

– Вали отсюда сохатый, пока я тебе рога не обломал. Передай своим бандюгам, пусть больше сюда не суются. Пой-

маю, ноги вам поломаю. Ты понял меня?

Они вышли из подъезда и направились в разные стороны.

***

Корнилов сидел на диване и смотрел на большую кучку ювелирных изделий, которые лежали перед ним на белой салфетке. После смерти Галины, реализация похищенных вещей и золотых изделий прекратилась. Похищенные деньги уходили довольно быстро, а вот золото.... Сам он не решился «толкать» товар, боялся «засветиться», а доверенного лица, которому бы он мог верить, у него не было. Глубоко вздохнув, он снова завернул изделия в салфетку. Он рывком отодвинул от стены диван и, нащупав рукой прорезь в обивке дивана, осторожно сунул туда свой сверток.

«Как бы все это «скинуть»? – подумал он. – Держать дома такие ценности – глупо».

В дверь его комнаты кто-то громко постучал. Василий вздрогнул, а затем сунул лежавший перед ним пистолет под подушку и направился к двери. Скинув крючок, он распахнул дверь. Перед ним стоял старший лейтенант милиции, а за его спиной – солдат с автоматом.

– Проверка, гражданин Корнилов. Предъявите свой паспорт, – произнес офицер и, оттеснив хозяина в сторону, вошел в комнату.

Бегло осмотрев комнату, старший лейтенант присел за стол.

– Вы один здесь живете? – обратился он к Василию.

– Да, товарищ старший лейтенант. Раньше жил с женой, но она скончалась в прошлом году. С тех пор живу один.

Офицер достал из полевой сумки школьную тетрадь и напротив фамилии Корнилов поставил какой-то значок.

– Где работаете, гражданин Корнилов?

– Временно не работаю. Имею судимость, поэтому не могу устроиться.

– На какие средства существуете? Надеюсь, не воруете?

По лицу Василия пробежала едва заметная тень страха, но ее никто из «гостей» не заметил.

– Боже упаси, гражданин начальник, – перейдя от слова товарищ, к слову гражданин, произнес он. – Хватит, один раз ожегся. Живу на оставленные средства покойной жены. У нее были накопления, вот на них и перебиваюсь.

Глаза старшего лейтенанта снова пробежали по стенам комнаты.

– Что-то не похоже, гражданин Корнилов, что вы перебиваетесь с хлеба на воду. Живете вы неплохо, каждому бы так жить. Вот вам срок один месяц, чтобы вы устроились на работу, а иначе...

– Что значит, а иначе, гражданин начальник?

– А иначе. Ты у меня уедешь.... У нас кто не работает, тот не ест.

– Но я же не ворую...

– Я дважды повторять не буду. Ты живешь на моем участ-

ке и здесь я – хозяин. Ты меня понял, Корнилов? Я просто тебя посажу, мне такие «пассажиры» на участке не нужны.

Офицер встал из-за стола и направился к выходу.

***

Вечером все они собрались в пивной. Оказывается, милиция посетила не только адрес Корнилова, но побывала и у Бабаева.

– Надо что-то делать, – тихо произнес Василий. – Может, свалить из города, а когда все стихнет, вернуться обратно в Казань.

– У меня родственников нет, чтобы бросить там якорь. Пусть сматывают из города те, кто боится «мусоров», – ответил Бабаев. – Я не боюсь их! Сунутся – убью!

– Дурилка ты картонная, – произнес Игнат. – Тебе – все равно, а мне вот – нет. У меня жена, дети...

– К тебе же не приходили, что ты здесь ветер гонишь, – произнес Симаков. – Корнилов дело говорит. Нужно найти какую-нибудь работу – не бей лежачего. Вот я работаю в котельной и ко мне нет никаких вопросов.

Рядом с ними, за соседний стол сел мужчина и Корнилову показалось, что он стал прислушиваться к их разговору.

– Что, интересно? – с явным вызовом спросил его Василий – Развесил уши, смотри подрежу.

Мужчина оказался не из робкого десятка.

– Ты кому угрожаешь? Мне? Да я тебя, слизняк...

В пивном зале стало тихо. Все повернулись и стали наблюдать за столиком Корнилова.

– Я – вор, – с угрозой в голосе произнес мужчина. – Ты на кого дышишь перегаром!

Дело стало приобретать не совсем хороший для Василия поворот. Ему как никогда сейчас не хотелось связываться с блатными.

– Что молчишь, «фраерок», – произнес вор, – да я тебя на полоску порежу!

Товарищи посмотрели на Корнилова. Василий побледнел, он уже забыл, как раньше буквально заглядывал на зоне в рот вора, ловил каждое их слово.

– Зачем же так, уважаемый, – произнес Игнат, закрывая своей широкой грудью фигуру Корнилова. – Молодой он еще, прости ты его.

Мужчина улыбнулся. Видимо, его устроила речь этого большого человека.

– Вон отсюда, – произнес он.

Корнилов, скрепя от злости зубами, первым покинул пивной зал. Когда вышли его товарищи, Василий нервно курил, то и дело, бросая свой взгляд на дверь пивной.

– Я его «замочу», – зло произнес он. – Сука, драная!

Игнат попытался успокоить разгоряченного товарища, но Корнилов так посмотрел на него, что тот быстро замолчал.

– Кто со мной? – спросил Василий друзей.

– Я пойду, – первым ответил Симаков.

– Я тоже. Возьми меня с собой, – предложил свои услуги Бабаев.

Корнилов посмотрел на Игната. Тот молчал.

– А ты? – спросил Алексей Игната. – Что ссышь?

– Зачем я вам? Вас и так уже трое...

– Вали домой! – зло произнес Корнилов. – Обойдемся без «сопливых».

Они развернулись и направились в темную подворотню, которая находилась в метрах сорока от пивной.

***

Блатной мир Казани переживал не лучшие времена. Неделю назад был обнаружен труп вора в законе Куприна по кличке «Жора Казанский». Он был убит выстрелом в голову. На лбу Куприна было вырезано слово «вор». Почему-то все «блатные» посчитали, что его убили сотрудники уголовного розыска или госбезопасности и теперь они начнут отстреливать «блатных» и воров.

– Как дела? – спросил Максимова начальник отдела.

– Как сажа бела, – в тон ему ответил Павел. – Вчера взяли группу квартирных воров. Почему-то все они уверены, что «Жору» убили сотрудники милиции. Говорят, что он был большим авторитетом среди «блатных» и вряд ли, бы среди них нашелся бы человек, кто решился бы поднять на него руку.

– Ну, а ты, что думаешь об этом?

– Я бы вам сказал, но вы будете смеяться. Судя по дерзости преступления, это сделали те, за кем я гоняюсь более трех лет. Да, вы не улыбайтесь. Блатные убить его не могли – это факт. Наши сотрудники – тоже.

Павел сделал паузу.

– Выходит, его убили – люди из банды, – продолжил Павел. – Думаю, что где-то или в чем-то их интересы пересеклись. Интересно, кто из отдела Лосева работает по этому делу, что они «накопали»?

Яхин достал папиросу и закурил. Рука Максимова, словно на автомате, достала папиросу, и Павел тоже закурил.

– Эх, Максимов, Максимов, – произнес Станислав Иванович. Ты сколько у меня работаешь? Год? Чуть больше года, а голова у тебя по-прежнему забита этой бандой.

– Мне что ее, отрубить? Наверное, я сошел с ума, Станислав Иванович, но я почему-то все время думаю о банде. Странно? Вот и я думаю об этом. Я словно охотничья собака, которая взяла след матерого зверя... Вы не улыбайтесь, но я все равно их поймаю.

– Мне кажется, что в тебе еще живет какая-то обида, Павел. Вот ты и хочешь доказать всему миру, что тебя недооценили. А это плохо, Максимов...

– Выходит, и вы этого не понимаете, считаете, что я ошибаюсь?

– Не в этом дело, Павел. Но вся твоя энергия направлена не на раскрытие краж, а на розыск этих неуловимых пре-

ступников.

– Станислав Иванович! Разве у меня показатели хуже, чем у других сотрудников? Да и последняя группа, которую я задержал, взяла уже более десяти краж.

– Да, претензий по работе у меня к тебе особых нет. Но мне кажется, что у тебя еще громадный потенциал, который еще не реализован, а эта идея поиска надуманных тобой бандитов, просто, мешает тебе. Пойми есть люди, которые их ищут, они не хуже тебя. Вот пусть они и ищут. А ты ищи квартирных воров, грабителей, аферистов – вот твоя задача.

Павел загасил папиросу и посмотрел на Яхина.

– Спасибо, Станислав Иванович, за наставление по работе сотрудника отдела имущественных преступлений. Я все понял....

– Ничего ты не понял, – ответил начальник отдела и, встав из-за стола, направился к двери.

«Наверное, он прав», – решил про себя Максимов.

Подняв трубку, он попросил дежурного по КПЗ доставить к нему в кабинет задержанного накануне им квартирного вора.

***

Корнилов залпом выпил налитую в стакан водку и пьяными глазами посмотрел на Бабаева.

– Чего уставился? – спросил он Алексея. – Думаешь, что нет больше Корнилова? Да мне плевать, что ты думаешь обо

мне. Мне сейчас все одно, что «мусорня» меня поставит к стене, что блатные. Вот ты для чего мне об этом сказал? Ты думаешь, что я испугаюсь? Вот им всем!

Василий сделал непристойное движение, чем вызвал улыбку у своих друзей.

– Вот мы с вами сколько дел натворили, а до сих пор на воле. А почему? Да потому, что мы умнее всех этих «ментов». У них звезды на погонах, а у нас в небе, понятно?

– Давай, Василий, завязывай с пьянкой, – тихо произнес Игнат. – Дело есть хорошее.

– Говори, – произнес Корнилов.

Его словно подменили. Взгляд Василия стал каким-то холодным и страшным.

– Только «фуфло» мне не гони, – тихо произнес Корнилов. – Я «тырить» по карманам не привык.

– Я неделю назад одного начальника возил. Сидит он в машине, двумя руками держит портфель, словно в нем не бумаги, а золото. Увидели мы женщину, что цветами торгует. Он мне и говорит, сбегай мол, купи букет, что подороже и попрличней. Я ему, сбегай сам, я, что тебе – мальчишка? Короче, вышел он из машины и за цветами, а портфель все не оставляет. Купил он букет и обратно в машину. Вези, говорит меня в Аракчино. Ну, я и повез его. Подъехали мы к дому, он букет хватить и в дом. Я смотрю, а портфель его в машине, на сиденье лежит. Я его и открыл...

В комнате стало тихо. Шесть пар глаз буквально буравили

Игната.

– И что? – тихо спросил на выдохе Бабаев.

Игнат ухмыльнулся.

– А в нем деньги. И много денег... Короче, выскакивает мужик из дома и в машину. Вези, говорит, меня домой. Я его и повез.

– И куда ты его отвез, Игнат? – поинтересовался у него Корнилов.

– На улицу Федосеевскую. Дом такой большой, купеческий. Поинтересовался я у местного дворника, кого это я привез. Оказалось – директора промтоварной базы.

– А что? Дело хорошее, можно рискнуть, – произнес Корнилов. – Нужно посмотреть, что это за дом. В темную идти не хочется.

– Корнил! Давай, мы с Игнатом посмотрим, кто там живет?

– Что значит, посмотрим? – переспросил Бабаева Василий.

– Ну, посмотрим, значит, разведаем, – ответил Алексей.

Корнилов посмотрел на горящие глаза Бабаева и, молча, махнул рукой.

– Вы там осторожнее, не «засветитесь», – произнес Василий.

Его рука потянулась к бутылке, но, заметив неодобрительный взгляд Симакова, отодвинул ее в сторону.

– Все, все. Не нужно на меня так глядеть, – произнес Кор-

нилов, обращаясь к Петру.

– Завтра у меня в пять вечера, – произнес хозяин квартиры.

Все стали расходиться. Оставшись один, Василий вылил остатки водки в стакан и опрокинул его в рот. Сморщившись от выпитого спиртного, он закусил куском сельди.

– Посмотрим, с кем будет фарт, – произнес Корнилов. – Удача любит сильных людей.

Он достал из кармана пиджака пистолет и, разложив газету на диване, стал чистить оружие.

***

Хрящ стоял около проходной Уксусного завода. Он явно нервничал и поэтому то и дело посматривал на наручные часы. Зайдя за угол дома, он закурил. Это на какой-то миг согрело его.

– Привет, Хрящ, – поздоровался с ним Максимов. – Давай, рассказывай, зачем звал? Если снова «ля – ля тополя», то я пошел.

– Погоди, начальник, уйти всегда успеешь. Сегодня у нас был «сходняк», выбирали «пахана».

– Выбрали? И кто теперь будет «смотреть» за городом?

Хрящ сплюнул себе под ноги и посмотрел на Павла, словно предлагая тому отгадать.

– Ты не тяни, Хрящ, говори, а то я уйду.

– Валька выбрали. Ну, ты знаешь его, он с Федосеевской.

– Заику выбрали? Что у вас там авторитетней товарищей нет?

– После убийства Жоры Казанского желающих заметно поубавилось. Кому охота «мусорскую» пулю получить.

Хрящ замолчал и, достав из кармана папиросы, снова закурил. Сейчас, заметив замешательство последнего, Максимов не стал его торопить.

– Короче, начальник, братва в «непонятках». Скажи, за что вы кончили Жору Казанского? Он только что-то «откинулся» и был вообще не при делах.

– Мы не имеем никакого отношения к убийству Жоры. Его застрелили те люди, за которыми я уже гоняюсь около трех лет.

– Я что-то не пойму тебя, начальник. То вы рапортуете о том, что положили эту банду, то убиваете Рашпиля и снова рапортуете о ликвидации все той же банды, и снова ты говоришь мне о ней.

– Ты что, Хрящ? Ты случайно не потерялся? Ты мне что, свои претензии предъявляешь или боишься? Не бойся, мы не стреляем! Если бы нам дали волю, то мы бы вас всех к ногтю прижали.

Слова Павла в какой-то степени отрезвили агента. Максимов хорошо понимал, что Хрящ просто-напросто боится. Сейчас он ждал от оперативника лишь одного, чтобы тот дал ему хоть какую-то гарантию в том, что его не убьют в ка-

кой-то темной подворотне неизвестные ему люди, но Максимов молчал.

– Начальник! Выходит уголовный розыск и госбезопасность здесь не причем? – переспросил Павла Хрящ.

– Конечно.

– Тогда это меняет дело. Мы сами найдем этих беспредельщиков и порежем их на куски.

Максимов засмеялся.

– Перед тем как их кромсать, ты хоть сообщи мне, кто они такие. Мне же интересно знать, за кем я гонялся.

– Договорились, начальник.

Хрящ осмотрелся по сторонам и, не прощаясь, зашагал по улице в сторону Льнокомбината. Выждав минуту-другую, Максимов направился в четвертое отделение милиции, которое находилось на другой стороне «горбатого» моста.

Павел открыл дверь и вошел в помещение отделения.

– Товарищ капитан! – обратился к нему дежурный по отделению. – Вас разыскивает Станислав Иванович.

Посмотрев на часы, Максимов последовал вслед за дежурным. Оказавшись в комнате дежурного, он стал звонить Яхи-ну.

***

Натан Моисеевич Штемберг открыл створку буфета и достал бутылку коньяка. Повернувшись, он с улыбкой приподнял бутылку над головой и посмотрел на своего гостя.

– Ну, как? Надеюсь, вы не откажетесь, – произнес он и стал разливать янтарную жидкость по рюмкам. – Давайте, Алексей Кузьмич, выпьем за наше партнерство. Хорошо иметь такого надежного человека, как вы.

Они чокнулись рюмками и выпили.

– Закусывайте, чем Бог послал, – произнес хозяин, пододвинув гостю черную икру, и стал намазывать белую булку маслом.

– Я вот смотрю на вас, Натан Моисеевич, и невольно удивляюсь. Кругом одни талоны, люди концы с концами едва сводят, а вы – барствуете.

По лицу Штемберга пробежала улыбка.

– Я думаю, что и вы, Алексей Кузьмич, не бедствуете. Сейчас время такое – сучье. Не оттолкнешь от кормушки, голодным будешь. Вот я вам и предлагаю выпить за тех, у кого сильные и надежные локти.

Хозяин снова разлил по рюмкам и они выпили.

– А где ваша хозяйка? – поинтересовался гость у Штемберга.

– Я ее в театр отправил. Не люблю лишние уши, Алексей Кузьмич. Деньги любят тишину.

– мудро, Натан Моисеевич, мудро.

Штемберг снова разлил коньяк по рюмкам и посмотрел на гостя. Сегодня он специально приехал с работы чуть раньше обычного. Он ждал гостя, предварительно договорившись встретиться с ним у себя в доме. Гостем был директор продо-

вольственной базы из Ижевска. Они познакомились на совещании в Москве и за довольно короткое время подружились. Натан Моисеевич гнал излишки промтоваров в Ижевск, получая в ответ продукты питания, которые успешно реализовывал в Казани. Вот и сегодня, Алексей Кузьмич приехал в гости не с пустыми руками. Он привез Штембергу большой изумруд. Хозяин хотел поинтересоваться, откуда у него столь дорогой камень, но взглянув на гостя, понял, что тот не ответит.

– Скоро и хозяйка должна подойти, – произнес Натан Моисеевич. – Вот и познакомлю я вас с ней. Превосходная женщина.

За окном послышался шум автомобильного мотора. Штемберг подошел к окну и отодвинул штору. Напротив дома остановилась черная «Эмка», из которой вышли четыре человека.

– Кого-то ждешь? – спросил хозяина Алексей Кузьмич, заметив беспокойство хозяина.

– Нет, – коротко ответил Натан Моисеевич, продолжая смотреть в окно.

Мужчины, осмотревшись по сторонам, направились в сторону его дома.

«Кого это черт несет? – подумал Штемберг. – А может, не ко мне, а к соседям?»

У хозяина неожиданно заныло сердце в предчувствии чего-то нехорошего. Весь его организм напрягся, отчего его

сердце застучало где-то около шеи. Он ожидал стука в дверь, но в дверь никто не стучал. От напряжения у него на лбу выступили капли пота.

– Что с вами, Натан Моисеевич? – поинтересовался у него Алексей Кузьмич. – На вас просто нет лица!

– Все хорошо, – ответил Штемберг. – Со мной подобное бывает. Не стоит беспокоиться.

Раздался стук в дверь. Натан Моисеевич хотел сделать шаг, но ноги словно прилипли к полу и не хотели подчиняться ему.

– Откройте! Уголовный розыск! – раздалось из-за двери. Пересилив себя, Штемберг направился к двери. Он приоткрыл дверь, но сильный удар в лицо, опрокинул его на пол.

***

Натан Моисеевич открыл глаза. Перед ним словно в тумане двигались какие-то человеческие фигуры. Сильная головная боль заставила его снова закрыть глаза.

– Смотри, Корнил, «очухался», – услышал Штемберг веселый голос. – Долго же он лежал в «отключке».

Кто-то плеснул ему водой, которая привела окончательно хозяина дома в чувство. Он попытался подняться на ноги, но руки и ноги оказались связаны бельевой веревкой. Рядом с ним лежал Алексей Кузьмич. Вокруг его головы растеклась большая лужа крови.

«Неужели мертвый? – со страхом подумал Штемберг. –

Вот и погостил в Казани».

Кто-то приподнял его за руки и помог присесть на стул. Перед Натаном Моисеевичем стоял молодой мужчина, сжимавший в руке пистолет. Один из его глаз, как показалось Штембергу, слегка косил.

– Где ключ от сейфа? – спросил его налетчик. – Говори!

– Я не знаю, – ответил хозяин дома.

– Ответ неправильный, – произнес мужчина. – Говори, а иначе мы убьем и твою супругу.

– Натан! Отдай им ключ! Они же никого не пощадят, – произнесла связанная по рукам и ногам супруга. – Вот видишь, они и твоего товарища не пощадил...

«Значит, убили», – подумал Штемберг и посмотрел на тело Алексея Кузьмича, которое лежало в какой-то неестественной позе.

– Я не знаю где ключ! – ответил Натан Моисеевич.

Выстрел буквально оглушил Штемберга. Он посмотрел на супругу, стараясь отгадать, насколько та испугалась выстрела. На белой кофте жены медленно расплывалось красное пятно, которое с каждой секундой становилось все больше и больше.

– А! – закричал Натан Моисеевич, догадываясь, что именно его ответ и стал причиной убийства его жены.

– Ключи! – в который раз произнес мужчина. – Я найду способ, чтобы ты отдал их мне. – Неси паяльную лампу. Сейчас он заговорит по-другому!

Молодой парнишка со светлыми и длинными волосами протянул мужчине лампу. Через несколько минут лампа запылала. Мужчина преподнес ее к бедру Штемберга. Он с явным наслаждением наблюдал, как загорелась штанина Натана Моисеевича. Сильная боль прострелила тело хозяина дома. Он закричал от боли и страха, а мужчина все держал и держал лампу у тела Штемберга. В комнате запахло горелым мясом. Перед глазами Натана Моисеевича поплыли радужные круги, которые, закружились в каком диком танце, он сполз со стула и потерял сознание.

Он снова очнулся от того, что ему не хватало воздуха. Он жадно вздохнул и открыл глаза. Налетчики выносили из дома узлы с вещами. За столом сидел мужчина, перед которым лежали пачки денег.

«Наверное, нашли ключ от сейфа», – первое, о чем подумал Штемберг.

Он медленно перевел свой взгляд на тело супруги, на труп Алексея Кузьмича и снова посмотрел на жену. Жалел ли он о том, что стал причиной смерти супруги или нет, он и сам не мог этого понять. Сейчас он думал совсем о другом – ему хотелось спасти свою жизнь. Но как это сделать, он пока не знал. Он застонал, стараясь привлечь внимание налетчика.

– Я отдам все, только не убивайте, – произнес он.

К нему подошел мужчина и улыбнулся.

– А нам больше и ничего и не надо. Все что нужно, мы уже взяли.

– У меня в правом кармане халата лежит крупный изумруд. Он уникален и поэтому стоит больших денег. Я хочу обменять свою жизнь на этот камень.

Налетчик вынул из кармана халата камень и посмотрел его на свет.

– Спасибо, – коротко поблагодарил он Штемберга и выстрелил ему в голову.

***

Когда Павел приехал на улицу Федосеевскую, там уже работала оперативно-следственная бригада районного отдела милиции, уголовного розыска и прокуратуры.

– Давай, подключайся к работе, – произнес Яхин. – Я поехал в наркомат, а ты здесь до упора.

Максимов посмотрел на часы, было начало восьмого вечера. Неожиданно для себя он вдруг вспомнил, что у него сегодня день рождения.

«Наверное, жена пирогов напекла, ждет меня, а я здесь на этом разбое», – подумал Павел.

Он переступил порог дома. В нос ударил приторный запах крови и горелого мяса.

– Что морщишься? – спросил его судебный медик. – Что, первый раз подобное видишь?

– Я на фронте не такое видел. Меня сейчас ничем не удивишь.

Взгляд Павла застыл на трупe хозяина дома.

«Похоже, что пытали», – решил он.

Заметив начальника уголовного розыска районного отдела, Максимов направился к нему.

– Что здесь? – спросил Павел начальника розыска.

– В 18-00 поступил сигнал от соседки Глуховой, что из квартиры Штембергов неизвестные выносят вещи. По приезде обнаружили три трупа. Предположительно, все убиты из пистолета «ТТ». Из показаний гражданки Глуховой установлено, что в налете принимало участие четыре человека, один из которых довольно молодой человек со светлыми и длинными волосами. Преступники при налете использовали черную легковую машину. Марку назвать она не может. Пока ясно одно, что хозяева сами пустили преступников в свою квартиру. Не исключено, что они кого-то из них знали. В спальне обнаружен вскрытый сейф, в дверце ключ.

– Что пропало?

– Трудно сказать, товарищ капитан. Жили они замкнуто, с соседями практически не общались. Вот ждем дочь, может, она поможет в чем-то.

– Хорошо. Продолжайте опрос соседей, может, повезет и кто-то из них еще видел преступников.

Максимов обошел все комнаты. Картина налета была ясна. Преступники хорошо знали: куда и зачем шли. Сожженное бедро хозяина говорило о том, что последнего перед смертью пытали, по всей вероятности, требовали ключ от сейфа...

«Судя по жестокости преступников, это могли сделать лишь участники банды, за которой я так долго охочусь, – подумал Павел. – Интересно, что покажут баллисты?»

– Смолин! – обратился он к начальнику розыска. – Насколько я знаю, где-то здесь недалеко живет Заика. Ты знаешь его?

– Знаю, товарищ капитан.

– Пошли за ним людей, пусть доставят сюда.

В комнату тихо вошла молодая девушка и с криком бросилась к телу убитой женщины. Это была дочка Штембергов.

– Уведите ее отсюда, – приказал следователь прокуратуры. – Вы что, не видите, что она мешает работать.

Максимов отвел ее в соседнюю комнату и налил ей полный стакан воды.

– Выпейте, – предложил он ей. – Сейчас с вами поговорит начальник уголовного розыска.

– Смолин! Подойдите, – пригласил его Павел. – Это дочка потерпевших, поговори с ней.

Павел достал папиросу и закурил. Как он и ожидал, дочка не могла ответить или просто не хотела, ни на один поставленный Смолиным вопрос.

– Она сейчас в шоке, – произнес Максимов, обращаясь к начальнику розыска. – Поговори с ней утром, думаю, что она многое знает.

Павел загасил папиросу и, взяв с собой «амбарную книгу», направился к двери.

– А, я к тебе, – произнес начальник отдела по борьбе с бандитизмом, – столкнувшись с Максимовым в дверях. – Есть разговор, Павел.

– Спешу, сейчас у нас утренний «намаз» у начальника, – ответил оперативник.

– Ничего, я с ним договорился в отношении тебя. Что, так и будем стоять в дверях кабинета?

Павел пропустил Лосева впереди себя и направился вслед за ним. Они сели за стол.

– Я слушаю вас, Геннадий Алексеевич, – тихо произнес Максимов.

Лосев пристально посмотрел на Павла, словно взвешивая и оценивая возможности сидящего перед ним противника.

– Ты, Максимов, коммунист или нет? – задал он свой первый вопрос.

Павел удивленно посмотрел на своего бывшего начальника. Поставленный им перед ним вопрос ввел его в своеобразный нокдаун.

– Я, что-то не понял вас, Геннадий Алексеевич. Уточните, я ведь – человек простой и со мной нужно говорить по-простому, а не загадками.

Лицо Лосева стало медленно краснеть, пока не приобрело пунцовый оттенок. Это был признак большого раздражения Геннадия Алексеевича.

– Хорошо, – еле сдерживая себя, произнес он. – Вчера вечером было заслушивание по убийству семьи Штеймбергов. Так вот, твой начальник Яхин с твоей подачи сообщил комиссару, что данное убийство совершено членами банды, за которой тянется целый шлейф других убийств и разбойных нападений. Что, якобы, у тебя два тома оперативного дела по этой самой банде, и, что я, заметь это, считаю, что подобной банды давно уже нет, что ее якобы дважды уничтожил. Что оружие, используемое преступниками, просто сейчас в руках совершенно других людей. Вот ты мне и скажи, разве я подобное тебе говорил, Максимов?

Лосева начинало «штормить». Он достал папиросу и смог прикурить лишь с шестой спички. Руки у него тряслись и не хотели ему подчиняться.

– А, разве вы мне об этом не говорили, Геннадий Алексеевич? Может, напомнить вам наш разговор? Сначала вы мне это сказали, когда московские оперативники доложили в центр о ликвидации банды. Затем, когда ваши «волкодавы» застрелили Рашпиля. Затем подобное я услышал от вас после нападения на кассира Кожзавода. А теперь ответьте мне на мой вопрос, причем здесь я – коммунист или нет?

Лосев снова раскурил потухшую папиросу.

– Вот что я тебе скажу, Максимов. Я всегда отмечал в тебе карьеризм, стремление занять мое место. Могу сказать лишь одно, пока я работаю в уголовном розыске, начальником ты никогда не станешь, а будешь копать под меня – ломаешь

шею. Это – предупреждение. Я не настолько прост, как кажусь. Тебе меня не сковырнуть – сломаешь ногти.

Геннадий Алексеевич демонстративно бросил папиросу на пол и раздавил ее носком сапога. Взглянув на Максимова, он вышел из кабинета, сильно хлопнув дверью.

«Вот и поговорили, – подумал Максимов, подняв с пола окурок. – Видимо ему вчера хорошо влили».

В кабинет вошел Яхин и посмотрел на растерянное лицо своего подчиненного.

– Что случилось, Павел? Почему тебя не было на оперативке?

– Разговаривал с Лосевым.

– О чем, если не секрет?

– Выясняли – коммунист я или нет.

– Выяснили?

– Да.

Начальник отдела засмеялся и похлопал Павла по плечу.

***

Черная «Эмка» затормозила около пивной, подняв столб мелкой серой пыли. Из машины вышли четыре человека и направились к ларьку.

– Здравствуй, Зоя, – поздоровался с продавщицей Игнат. – Налей-ка нам по кружечке свеженького пива.

– Оно у меня только свежее, – ответила Зоя и кокетливо посмотрела на Василия.

– Конечно, но нам самого свежего, – поддержал разговор Корнилов. – Нам бы еще раков, икорки и водочки в довесок.

Буфетчица улыбнулась Василию. Ей нравился этот худощавый молодой человек. Немного косящий глаз не только его не портил, но придавал ему какой-то таинственный шарм. Она быстро выполнила заказ и, виляя бедрами, направилась за стойку. Она специально задела Корнилова своими грудями, чем вызвала невольные улыбки у мужчин.

– Ты смотри, Вася, как бы она не уложила тебя сверху, – произнес Игнат. – Такая женщина на все пойдет...

Он не договорил, так в пивную вошел «блатной». Кожаные сапоги в «гармошку», белое кашне, кепка «чаечка», сверкающая на солнце золотая фикса, заметно выделяла его из общей группы посетителей заведения. Сплюнув папиросу под ноги, он направился к стойке буфета. Он что-то сказал буфетчице, отчего женщина побелела. Корнилов заметил, как у нее мелко затряслись руки. «Блатной» окинул посетителей взглядом и почему-то направился к столику, за которым сидел Василий с друзьями.

– Я смотрю, вы здесь неплохо «приземлились», – произнес незнакомец. – Нехорошо, одни бедствуют, а другие жируют.

Мужчина сунул свой палец в емкость и, зацепив им икру, сунул его в рот.

– Вкусно, – произнес он. – Это на какие деньги «шикуем»?

– Не на твои, – ответил Корнилов, сжимая в кармане рифленую ручку «ТТ». – Что нужно?

«Блатной» улыбнулся. Чувство превосходства над посетителями пивной буквально читалось на его небритом лице.

– Ты что не понял, «фраер», кто перед тобой? Может, тебя «перышком» пощекотать, чтобы твоя «копилка» соображала лучше?

Корнилов посмотрел на друзей, словно хотел заручиться их поддержкой.

– Может, ты освободишь «горизонт» или тебя подвигнуть? – произнес Игнат, вставая из-за стола.

– Считай, что ты уже мертвый, – ответил «блатной» и, развернувшись, вихлявой походкой направился к двери.

К ним подошла буфетчица.

– Ребята! Зря вы связались с этим Червем. Он обид не прощает, может и подрезать.

Корнилов улыбнулся.

– Если бы он знал на кого нарвался, то давно бы сидел дома, – бравируя перед женщиной, произнес Василий.

Буфетчица пожала плечами, и направился к стойке буфета. Допив пиво и водку, компания направилась к выходу. Около пивной стоял Червь и рядом с ним, словно оруженосец, маячил худой паренек.

– Ну и что, «фраера», – сплюнув между зубами, произнес «блатной». – Четыре сбоку, ваша не пляшет...

– Может, не нужно ссориться, мы не в претензиях, – ответил Игнат.

– Ты видел, Черный, «трухнули» фраера-то, назад хотят

сдать. Давай, выкладывай из карманов, а там посмотрим...

Он не договорил. Мощный и тяжелый кулак Игната опустился на голову Червя. Он охнул и стал, словно на голову меньше. Ноги у него подкосились, и он повалился на землю.

– Иди сюда, – позвал Игнат паренька и поманил его пальцем.

Тот развернулся и быстро исчез между сараев.

***

Игнат вошел в комнату и остановился у порога. За столом в комнате сидел капитан милиции и что-то писал.

– А вот и муж, – произнесла жена.

– Кожин?

– Да, Кожин Игнат Семенович. В чем дело?

Сотрудник милиции поднялся из-за стола.

– Я бы хотел осмотреть вашу машину и задать вам несколько вопросов. Машина в гараже?

– Нет, – произнес Игнат, чувствуя сухость во рту. – Зачем вам моя машина?

– Два дня назад черная «Эмка» сбила женщину. После наезда автомобиль скрылся, вот мы и разыскиваем машину и водителя.

Игнат облегченно вздохнул.

– Пойдемте, товарищ капитан. Убедитесь, что на моей машине повреждений нет.

– Вы судимы, Кожин?

– Нет, товарищ капитан, я не судимый.

– Вы фронтовик?

– У меня броня была. Болезнь у меня серьезная – сердце.

Капитан удивленно посмотрел за Игната. Его слова явно не соответствовали действительности. Перед ним стоял здоровенный детина – косая сажень в плечах. Они вышли во двор и направились к «Эмке».

– Вот машина, можете осмотреть.

– Интересно, почему у вашей машины государственные номера соседней республики. Почему вы ее не переоформили?

– Виноват, товарищ капитан. Переоформлю в самые ближайшие дни.

Капитан обошел машину, заглянул в салон и стал быстро составлять протокол осмотра.

– Скажите, а как ваша фамилия, товарищ капитан?

– А зачем вам моя фамилия? Максимов, если это так важно для вас. Вот здесь подпишитесь, – произнес сотрудник милиции и ткнул пальцем. – У меня к вам вопрос. Как давно вы владеете этим автомобилем, на какие деньги она приобретена?

Максимов заметил, как вздрогнул от этого вопроса Кожин.

– Приобрел у знакомого два года назад, – растягивая слова, ответил Игнат. – В отношении денег...

Он замаялся. Максимов посмотрел на Кожина. В глазах

Игната читалась паника.

– Я жду, – произнес капитан.

– Были сбережения, родственники помогли..., – промямлил Кожин.

– Вот что, зайдите ко мне через неделю с документами, подтверждающими ваши сбережения.

– Какими документами? – переспросил его Игнат. – Деньги я копил дома, на книжку их не клал.

– Вот все и принесите, все что есть. Вы меня поняли, Кожин?

– Да, – коротко ответил Игнат, чувствуя, что от сухости во рту еле шевелит языком.

Офицер развернулся и направился вдоль улицы.

«Неужели погорел? – подумал Кожин. – Неделя... Его надо кончать или он кончит меня».

***

Максимов шел по улице, рассуждая про себя. Ему не понравился Игнат Кожин, он явно чего-то скрывал. Однако, привязать его к банде едва ли удастся. Прокурор санкции на обыск ему не даст, так как все эти разбои, убийства они передали отделу Лосева.

«А, может, поделиться своими размышлениями с Лосевым? Что это даст? Лосев палец о палец не ударит, если ему расскажу об этом человеке я. Может, стоит переговорить я Яхиным? Это – тоже не выход. Да и будет ли Станислав Ива-

нович это делать. Я же сам видел, как он обрадовался решению руководства министерства передать эти дела Лосеву. Тогда, что делать?».

Павел остановился и, достав из кармана папиросы, закурил. Впервые за все это время его погони за бандой он почувствовал, что вышел на ее участников. Сейчас он был в полной растерянности. Он просто не знал, что делать дальше.

«Установить наружное наблюдение было бы очень здорово. Оно могла бы выявить не только участников банды, но и адреса их проживания. Однако, Яхин – не дурак и подписывать документ о наблюдении без уголовного дела он не будет. Если я ему все расскажу, да брось ты, Павел мечтать, тебе никто не поверит ни Яхин, ни Лосев».

Максимов бросил окурочок папиросы в первую, попавшуюся ему по дороге урну. Около Павла остановился «черный воронок».

– Товарищ капитан! Вы в отдел? – спросил его, открыв дверь машины, водитель. – Садитесь, подброшу.

Максимов улыбнулся, признав в водителе старого приятеля, и быстро забрался в кабину.

– Вы случайно не болеете? – поинтересовался водитель у Павла. – Вид у вас больно болезненный.

– Вроде бы нет, – ответил Максимов. – Устал просто – работы много.

– Как жена? Ладите?

– Все хорошо, Николай. Раньше было намного хуже. Парень был без надзора, а сейчас он сыт, обстиран и при просмотре.

– А у меня дома чуть ли не каждый день скандалит. Все ей не так, пришел поздно, денег мало. Ушел бы, да деток жалко – она себе-то мужика найдет, а вот детишкам отца – нет.

За разговором они не заметили, как доехали до отдела МГБ. Павел поблагодарил Николая и, выбравшись из кабины, направился в отдел.

– Разрешите, – произнес Максимов, приоткрыв дверь кабинета начальника отдела.

Яхин оторвал свой взгляд от бумаг и махнул Павлу рукой.

– Заходи, – произнес он. – Что у тебя, Максимов?

Павел вкратце доложил ему о Кожине. Закончив доклад, он посмотрел на Яхина, ожидая от него какой-то реакции, но начальник молчал.

– Что скажете, Станислав Иванович?

– Сказать честно? Слушай, Павел. Я очень тебя уважаю, как оперативника и человека. Однако, твоя навязчивая версия о банде известна всему Наркомату внутренних дел. Вот представь себе, пойду я сейчас к комиссару и все это ему выложу. Первый же вопрос, кто это все накопал, вызовет у него усмешку. Я не пойду ни к комиссару, ни к Лосеву. Не хочу, чтобы надо мной смеялись. Это я тебе честно говорю, так что не обижайся.

– Спасибо за откровенность, Станислав Иванович. Выхо-

дит, я здесь в роли шута. Так получается?

– Я такого не говорил, Максимов. Но эта твоя банда стала какой-то навязчивой темой для руководства.

Павел посмотрел на своего начальника и, поднявшись из-за стола, направился к двери.

***

Корнилов с друзьями сидели в его комнате и играли в «очко». Ему ужасно не везло. Вот сейчас он пристально наблюдал, как Игнат открывал себе карты. Василий набрал двадцать очков, и он то и дело бросал свой взгляд на деньги, которые большой кучей лежали перед ним на столе.

– Не тяни, Кожин, рожай быстрее, – произнес Корнилов, – давай, открывайся.

Шестерка, восьмерка легла на стол. В комнате стало тихо. Хорошо было слышно, как муха бьется в стекло. У Василия от нервного напряжения выступил на лбу пот.

– Открывай, – скорее прохрипел, чем произнес Корнилов.

На стол легла еще одна карта – валет.

– Будешь еще брать? – спросил Василий Игната.

Немного подумав, Кожин кивнул и положил карту вверх рубашкой на карты. Корнилов раскрыл свои карты.

– У меня двадцать, – улыбаясь, произнес Василий. – Что у тебя?

Игнат открыл свою последнюю карту. Бабаев и Симаков засмеялись.

– У меня тоже двадцать... Твоя не пляшет, Корнил.

Василий вскочил из-за стола и грязно выругался.

– Вы видели, вы видели... Вот же везет дуракам и пьяницам, – выкрикнул он.

– Надо обмыть выигрыш, – предложил Симаков. – Надо отблагодарить ее – фортуна.

– Слушай, Василий. Три дня назад ко мне домой приходил «мусор», интересовался машиной. Потребовал документы и объяснительную, на какие деньги я купил «Эмку». Я сначала подумал, что он из автомобильной инспекции, а оказывается – из уголовного розыска. Что скажешь?

Корнилов замер и стал походить на кошку перед броском на голубя.

– Это плохо, Игнат, – тихо произнес Василий. – Выходит, мы где-то засветились. Уголовка свое дело знает...

В комнате стало тихо. Все смотрели на Корнилова. Все они отлично понимали, что сейчас в этой небольшой коммунальной комнате пахнуло смертью.

– Игнат! Ты хоть мне и родственник, но я тебе ничем не обязан. Жизнь у нас у каждого своя и я не хочу, чтобы меня расстреляли из-за тебя. Ты засветился, тебе и решать, что делать дальше. Я за тобой больше подчищать не буду.

– Валить его надо! – горячась, произнес Алексей.

– Кого? – испугано переспросил его Кожин. – Меня?

– Ну, ты и дурак, Игнат! Зачем тебя? «Мусора»!

Корнилов поднялся из-за стола и подошел к двери. Он

резко открыл дверь, за ней никого не было.

– Вот что! Пока ты не завалишь этого «мусора», встречаться у меня больше не будем. Это понятно? Второе, наверное, настало время для того, чтобы разбежаться. Деньги есть и каждый может жить, как хочет. Будет лучше, если мы все исчезнем из Казани. Когда этот «мусор» велел тебе подойти? – спросил Василий, обращаясь к Игнату.

– Во вторник, – ответил Кожин.

– Выходит через три дня, – словно подводя итог, произнес Корнилов. – Три дня, не убьешь, убьем тебя.

Лицо Игната побелело. Он с трудом сглотнул слюну.

– И не только тебя, но и твою жену. Она же в курсе, чем ты занимался. Ты, наверняка, рассказывал ей и о нас. Нам свидетели не нужны.

– Да она здесь причем? Она – баба!

– Это ничего не меняет. А сейчас пошли в пивную, обмоем удачу Игната.

Они, молча, встали и один за другим направились к выходу.

***

Максимов и Яхин вышли из здания прокуратуры, где происходило заслушивание по нераскрытым преступлениям. Павел достал папиросу и протянул пачку начальнику.

– Не хочу, – ответил Станислав Иванович. – Здорово они нас раскатали? Наверное, они правы. Ты же сам знаешь,

сколько у нас сейчас «глухарей», нужно что-то менять.

– Вот скажи мне, начальник, а что они предложили нам?

Критиковать всегда проще, чем работать.

– Служба у них такая – критиковать. Поверь мне, работа у них – тоже не сахар.

– Ты сейчас куда? – поинтересовался у Яхина Павел.

– Поеду на работу, – ответил Станислав Иванович. – Нужно доложить начальнику уголовного розыска о результатах заслушивания.

– Тогда я поеду тоже, но домой. Я же после суточного дежурства, устал. Хочу немного отдохнуть.

Максимов посмотрел на солнце.

– Сейчас бы за город, посидеть с удочкой. Давно не рыбачил.

Павел пожал руку Яхину и направился в сторону остановки трамвая. Стояла чудная летняя погода. Теплый южный ветерок ласкал сочную зеленую листву, неся какой-то тонкий цветочный аромат. Неожиданно для него всю красоту летнего дня словно разорвали пополам пьяные выкрики и какой-то нервный мужской смех. Он уже хотел продолжить свой путь, но ему показалось, что один из доносившихся мужских голосов был ему знаком. Максимов оглянулся назад и увидел группу нетрезвых мужчин. Среди них был его знакомый Игнат Кожин.

– Здравствуйте, Кожин, – поздоровался с ним Павел. – Вы не забыли, что я вас жду во вторник?

– А это вы? – ответил Игнат. – Что вам от меня нужно? Что вы мне жить не даете?

Рядом с Кожиным стоял молодой парень, который прошлой зимой чуть его не зарезал.

– Что вы шумите? – стараясь придать голосу спокойствие, произнес Павел. – Вы что хотите, чтобы я вас оштрафовал?

– ШтрафуЙ! – бравируя перед товарищами, ответил Игнат. – Ты что, думаешь, что у меня нет денег?

«С четырьмя я, явно, не справлюсь, – подумал Максимов. – Нужна помощь».

Он с облегчением вздохнул, заметив идущих по дороге сотрудников милиции.

– Товарищ сержант! Задержите этих людей. Пристают к прохожим, к женщинам...

– А вы кто будете? – поинтересовался у него сержант.

– Я, капитан Максимов из уголовного розыска. Доставьте их в отделение милиции.

«Если это – бандиты, то, наверняка, сейчас попытаются скрыться, – подумал Павел. – Странно, но никто из них даже не помышляет об этом. Неужели, это не они, неужели я ошибся».

Корнилов с друзьями стали возмущаться задержанием, но сотрудники милиции были непреклонны. Вскоре им на помощь подоспел еще один наряд милиции и задержанных молодых людей доставили в отдел.

Максимов пообедал и стал собираться на работу.

– Павел! Это ты куда собрался? – спросила его супруга. –

Ты же должен отдыхать после дежурства.

– Мне на работу нужно. Я вернусь скоро...

Он быстро добрался до отдела и, проходя мимо дежурной части, попросил привести к нему задержанного, который немного косил.

– А кто там косой? – спросил его лейтенант.

– Тот, что в черном пиджаке.

– Все понял, товарищ капитан.

***

Максимов сел за стол и достал папиросы. В коридоре слышались тяжелые шаги конвоя. В дверь постучали.

– Да! – крикнул Павел.

Вошел старшина.

– Товарищ капитан, задержанный Корнилов доставлен.

– Заводи.

В кабинет завели Корнилова. Судя по его поведению, и выражению лица, он был сильно напуган.

– Присаживайся, – предложил ему Максимов и рукой указал на стул.

Перед ним сидел человек с растрепанными волосами, в ботинках без шнурков, в пиджаке, который сразу же стал некрасиво помятым.

Максимов повернул рефлектор лампы на Василия, и тот зажмурился от яркого света, бьющего в лицо.

– Корнилов! Вы находитесь в Министерстве государственной безопасности республики. Я хочу предъявить вам обвинение по статьям 59 часть 3, 72, 182, 73, 73 часть 3, 107. 59 часть четыре УК РСФСР. Вам понятно?

Называемые статьи словно молот били по голове Василия, все больше и больше вжимая его в стул.

– То есть, вы обвиняетесь в участии в бандитской группе, подделке документов, незаконном ношении стрелкового оружия, сопротивлении представителям власти, спекуляции краденым имуществом, принуждении к спекуляции несовершеннолетних и уклонении от воинской службы. Вам понятен смысл статей?

Корнилов, словно затравленный зверек, сжался, готовясь к последнему отчаянному броску.

– Кстати, я забыл тебе сказать о статье 193 УК. Это – разбойные нападения на представителей, осуществляющих свои профессиональные функции, – это речь идет о кассирах предприятий.

Корнилов молчал, только дышал часто и тяжело, как человек, взбежавший на десятый этаж.

– Вам понятен смысл статей, гражданин Корнилов? Хотел вам еще напомнить о нападении на сотрудника уголовного розыска, когда вы и ваш товарищ Алексей Бабаев пытались зарезать меня. Вспомнили?

Максимов приподнялся из-за стола и в упор посмотрел на Корнилова.

– Ну, Корнилов, чего молчишь? Будь мужиком. Умел паковать, умеешь держать ответ. Может, ты захотел в камеру? Если я шепну им о том, как ты подставил Рашпиля, тебя «блатные» порежут на ленточки.

В кабинете стало тихо.

– А суд твое чистосердечное признание всегда учтет. Хочешь пойти в «отказ»? Ради бога, ведь это только до камеры, где тебя встретят. И еще, По военному времени тебе лишь по одной 93 части три светит высшая мера наказания, то есть расстрел.

– Я никого не убивал, – прохрипел Корнилов.

– Тогда кто из вас убивал? Расскажи мне? Может, убивал твои товарищи: Симаков, Бабаев, Кожин? Чего ты молчишь?

– Я никого не убивал и не грабил. Докажите!

– Хорошо, Корнилов. Сейчас поедem к тебе домой, и сделаем обыск. Ты этого хочешь?

Василий побледнел. Он моментально представил, как оперативники делают обыск, изымают деньги, ценности, пистолет.

– Чего молчишь? Спасай жизнь, Корнилов. Ты думаешь, что я просто так с тобой разговариваю? Я уже разговаривал с твоим Кожиным, он мне все рассказал. Так что доказывать мне ничего не нужно.

Павел блефовал и почему-то сам верил в то, о чем говорил сидящему перед ним молодому парню.

– Все, Корнилов, конец тебе и твоим друзьям!

Василию стало плохо. Какой-то комок подступил к его горлу, отчего ему стало трудно дышать. Он медленно сполз со стула и потерял сознание.

***

Солнце скрылось за крышами ближайших домов. В открытое окно кабинета Максимова повеяло прохладой. Вот уже четвертый час Василий Корнилов, потев и откашливаясь, писал явку с повинной.

– Начальник! Давай перекурим, – обратился к Павлу Корнилов. – Рука устала писать. Я – не писарь.... Да и пожрать не мешало бы.

– Хорошо. Бери папиросу, кури, – произнес Максимов, протягивая ему пачку папирос. – Я сейчас распоряджусь, чтобы тебе еду сюда принесли.

Опыт подсказывал Павлу, что Корнилова сейчас нельзя «опускать» в камеру. Пока он «горячий» его необходимо «дожимать». На столе у Максимова зазвонил телефон.

– Да, это я. Задержанный Корнилов у меня. Принесите ему еды и чая.

Василий с интересом прислушивался к разговору оперативника. Он сразу понял, что капитану звонил дежурный по КПЗ и интересовался им. Он загасил папиросу и стал ждать, когда дежурный занесет в кабинет еду. Раздался тихий стук в дверь.

– Заходи! – крикнул Максимов.

В кабинет вошел дежурный и, молча, поставил перед Корниловым кружку с чаем, четвертинку черного хлеба и небольшой сверток с килькой. Василий развернул кулек и начал с жадностью поедать кильку. Пальцы его дрожали, и он часто не мог ухватить ими маленькие тушки рыбы. Заметив на себе пристальный взгляд оперативника, он отодвинул от себя кулек и начал большими глотками пить уже остывший чай.

– А кто еще «треснул» кроме Кожина? – неожиданно для Максимова спросил его Василий. – Бабаев? Петька?

Павел улыбнулся.

– Какая разница, Корнилов. Будут очные ставки, вот там и узнаешь. Скажу, что вся ваша бандитская дружба оказалась мыльным пузырем. Вот Кожин говорит, что главарем банды был ты, да и стрелял в людей в основном ты. Так что, загрузили тебя по полной программе.

– Сука! – выдавил из себя Василий. – А еще родственник. Нужно было его гада давно удавить...

– Давай, Корнилов, пиши – спасай себя.

– Сейчас, начальник. Надо же, «слил» сволочь.

Он снова начал писать. Павел достал папиросу и закурил. Он еще не верил, что ему удалось задержать участников банды, за которой он гонялся около четырех лет. Прошло еще три часа, прежде чем Корнилов закончил писать явку с повинной. Максимов прочитал исповедь Василия и сложил исписанные листы в папку.

«Куда сейчас поместить Корнилова? – подумал Павел. – Содержать их в одной камере КПЗ было уже нельзя».

Он поднял трубку и позвонил в следственный изолятор. Переговорив с дежурным, он лично отвез Корнилова в изолятор. Когда за ним закрылась камера одиночки, дежурный посмотрел на Павла.

– Я тебя уважаю, Максимов, но могу его здесь держать лишь до десяти часов утра. Сам понимаешь, он же не арестованный, а задержанный, а мы здесь такую категорию не держим. Вдруг прокурорская проверка – кому нужны неприятности.

– Я все понял. Думаю, что до десяти часов утра я решу этот вопрос.

Они пожали руки и разошлись.

***

Вернувшись в отдел, Максимов позвонил Яхину.

– Станислав Иванович! Вы знаете, мне сегодня удалось задержать участников банды. Их четыре человека: Корнилов, Бабаев, Кожин и Симаков. Главарь – Корнилов. Я его «расколол». Все в цвет, Станислав Иванович.

На другом конце стало тихо.

– Алло! Вы слышите меня, Станислав Иванович?

– Кто еще об этом знает?

– Пока только вы. Думаю, что нужно обратиться в прокуратуру, ведь их нужно арестовывать.

Снова стало тихо.

– Я Корнилова отвез в следственный изолятор, но они могут его продержать до десяти часов утра. В десять у них сдача смены, могут «нагнать» из изолятора.

– Давай,ждемся утра. Утро вечера мудрее.

В трубке раздались гудки отбоя. Павел положил трубку и посмотрел на часы, они показывали начало третьего утра. За окном зарождался новый день. Первые лучи солнца коснулись крыш домов. Где-то совсем рядом с отделом прокричал проснувшийся петух.

«Вот и утро, – подумал Максимов. – Нужно сходить домой, а то жена, наверное, извилась».

Он быстро убрал документы в сейф и направился домой. Как он и предполагал, жена не спала.

– Павел! Где тебя черт носит, – громко произнесла она. – У других мужа, как мужа, а у меня – оперативник. Я весь вечер сидела и ждала тебя: гадала, жив ты или нет. Разве так можно издеваться надо мной.

Максимов прошел через прихожую и нежно обнял жену.

– Не ругайся, дорогая. Я больше так поступать не буду.

– Да я это не первый раз слышу. Ты подумай о сыне, он, наверное, забыл, как ты выглядишь.

Павел понял, что сейчас спорить с женой не стоит, ведь она абсолютно права в своих претензиях к нему. Еще немного поворчав, она улыбнулась.

– Есть будешь?

Только сейчас Максимов понял, что ужасно хочет есть.

– Да, – коротко ответил он. – Я так голоден, что смог бы съесть быка.

– Быка я тебе не обещаю, но борща налью, – ответила жена, наливая ему в тарелку борщ. – Добавить?

– Дай сначала съесть, а там будет видно. Я сейчас поем и снова пойду на работу, – произнес он. – Работы море... Я бандитов поймал.

Супруга развела руками и, молча, направилась в спальню.

– Сумасшедший, ты Павел. Похоже, ты женат не на мне, а на своей работе.

Он быстро доел борщ и налил себе чая. Закончив с едой, он нацепил на голову кепку и заглянул в спальню. Жена спала, широко разбросав по сторонам руки. Стараясь не шуметь, он осторожно вышел в сени, а затем во двор.

– Привет, Павел! – поздоровался с ним сосед. – Ты куда в такую рань? На рыбалку?

– На работу, ответил Максимов. – Я уже поймал крупную рыбу, вот и буду разделывать ее.

– Что за рыба? – поинтересовался у него сосед. – Крупная?

– Крупней не бывает.

Максимов закурил папиросу и направился на работу.

***

– Дай, почитаю, – обратился к Павлу начальник отдела. –

Интересно, что он там тебе написал.

Максимов протянул Яхину явку с повинной.

Станислав Иванович читал долго, то и дело, бросая свой взгляд на подчиненного. Закончив читать, Яхин сунул явку в папку и вышел из кабинета. Максимов посмотрел на часы.

«Как быть с Корниловым? – подумал он. – До его освобождения осталось чуть больше двух часов».

В кабинет вошел Лосев и сел напротив Павла.

– Что-то не вижу особой радости на твоём лице, – произнес Геннадий Алексеевич. – Ты знаешь, Максимов, мне кажется, что эту явку он написал под твою диктовку. Дело оперативного учета у тебя, о преступлениях ты осведомлен хорошо, вот ты его и уговорил взять на себя все эти преступления. Ты думаешь, что ты утер мне нос? Не смейся! Ты представляешь, что сейчас начнется? Вот я думаю, что не представляешь. По этим делам осуждено около пятидесяти человек, тринадцать из которых были расстреляны. Спросят ведь не только с меня, но и с комиссара.

Максимов, молча, выслушал Лосева и улыбнулся.

– Геннадий Алексеевич! Я вам об этом неоднократно говорил. Вспомните наш разговор после отъезда московской бригады. Вспомнили? Затем я вам об этом сказал, когда вы так рьяно докладывали комиссару о ликвидации банды Раппиля. Могу еще напомнить...

– Не убедительно, Максимов.

– А я и не стараюсь вас в чем-то убеждать. Время все рас-

ставило на свои места. Я думал, что вы зашли ко мне, чтобы решить вопрос об аресте Корнилова, а вы мне здесь какие-то обиды высказываете. Наверное, главное, что мы, наконец, поймали этих бандитов.

Лосев встал и, посмотрев на Максимова, направился к двери. Павел облегченно вздохнул. Сейчас нужно было что-то предпринимать, а не сводить счеты. В кабинет вошел Яхин и глубоко вздохнув, опустил на стол.

– Ну, ты и заварил кашу, Максимов. Доложил заместителю министра. Если честно – не поверил. Нужно еще кого-нибудь «развалить». Ты меня понял?

– А что делать с Корниловым? Лосев не хочет ничего предпринимать, считает, что явку с повинной Корнилов написал под мою диктовку.

– Я это уже слышал, Павел.

– Дайте мне машину, я перевезу его из следственного изолятора в районный отдел милиции.

По лицу Станислава Ивановича пробежала едва заметная тень. Максимов сразу понял, что и тот не совсем верит показаниям Корнилова.

– Хорошо, возьми дежурную машину, – произнес Яхин. – Одна нога здесь, другая – там. Понял?

– Как быть с обысками, Станислав Иванович?

– Я – не прокурор и санкции на обыск не даю.

– А, если я проведу самостоятельно.

– А, если ничего не найдешь, Максимов. Ты представля-

ешь, что тебе будет?

– Догадываюсь. Победителей не судят, Станислав Иванович. Я обязательно найду...

Павел понимал, что Яхин не хочет рисковать, но и не против того, чтобы сорвать лавры победителя.

– Хочешь рискнуть – рискуй. Но если что-то не так, то я был против обыска.

Максимов вскочил со стула и устремился к двери.

***

Максимов в сопровождение: дворника, участкового уполномоченного и двух понятых остановились напротив двери коммунальной комнаты Корнилова.

– Открывайте, – произнес Павел, обращаясь к дворнику.

Тот достал из кармана фартука связку ключей и стал подбирать ключ к замку.

– Вот вроде бы и все, – посмотрев на Максимова, произнес дворник. – Входите....

Прежде чем войти, Павел вновь проинструктировал понятых и лишь затем все они вошли в комнату. Ощупав висящую на вешалке одежду, Максимов вытащил из кармана пальто пистолет «ТТ». Сердце у него забилося с такой силой, что ему показалось, что стук его был услышан не только им, но и понятыми. Под кроватью он обнаружил небольшой фанерный ящичек, в котором оказались патроны.

– Посмотри, что в подтопке, – приказал Максимов участ-

ковому инспектору.

Тот открыл дверцу и сунул в отверстие руку. На лице лейтенанта промелькнула улыбка.

– Смотрите, товарищ капитан.

Он развернул узел. На грязной тряпице сверкнули на солнце ювелирные изделия.

– Посмотрите, товарищи, что мы нашли, – произнес Максимов.

Понятые окружили стол.

– Возьми бумагу и пиши протокол. Я сам посмотрю, что здесь он попрятал.

Вскоре под подушками дивана Павел обнаружил крупную сумму денег. Понятые с удивлением рассматривали пачки денег, обмениваясь впечатлениями. Максимов закончил обыск лишь через пять часов. Заполнив все необходимые документы, он попросил участкового инспектора, чтобы тот вызвал дежурную машину. Пока тот исполнял его приказ, Павел сложил все обнаруженные ценности и оружие в сумку, которую он обнаружил в комнате Корнилова. Однако, неизвестно почему, но эйфории он не испытывал. Навалившаяся усталость сказывалась с каждой минутой. Он закрыл глаза и буквально провалился в черную бархатную и мягкую темноту.

В коридоре раздались тяжелые шаги. Он с трудом открыл глаза. Рука автоматически потянулась к пистолету. В комнату вошел Яхин.

– Как? – коротко спросил он Максимова.

– Все здесь: оружие, деньги, ценности.

– Давай, бери сумку, – произнес Яхин. – Поехали в отдел.

Закрыв и опечатав дверь комнаты, они вышли на улицу.

– Станислав Иванович! Скажите, что происходит? Я ничего не понимаю. Задержаны участники банды, за которыми десятки убийств и налетов, но аппарат бездействует. Почему нет никакой реакции?

– А ты сам, как думаешь? – уклоняясь от прямого ответа, спросил Павла Яхин.

– Я не знаю – Лосев с обидами, вы молчите, руководство НКВД затаилось...

Начальник взглянул на Максимова. По лицу Станислава Ивановича пробежала легкая усмешка.

– Езжай домой, Павел. Отдохни немного, завтра можешь не выходить на работу.

– Это почему?

– Это решение заместителя наркома. Что, не рад?

– Рад, но не совсем.

– Иди, отдыхай.

Максимов развернулся и медленно побрел по улице в сторону дома.

***

Павел вернулся домой и, молча, сел за стол. Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Заметив это, супруга поста-

вила перед ним миску с гречневой кашей и крынку молока. Впервые за все время работы в уголовном розыске он испытывал глубокое разочарование. Проглотив пару ложек каши, он отодвинул миску в сторону.

– Паша! Что с тобой? – поинтересовалась у него супруга.

Он поднялся из-за стола и махнул рукой. Подойдя к буфету, он достал из него бутылку водки и стакан. Налив полный стакан, он не морщась, опрокинул его в себя.

– Сломался я! Понимаешь, сломался!! – произнес он.

– Успокойся, Павел. Все нормализуется. Ты только верь и все будет нормально.

Он прошел в спальню и, сняв с себя верхнюю одежду, повалился на койку. Ему не спалось, он просто лежал с закрытыми глазами. В голове крутилась лишь одна фраза, сказанная Лосевым:

– Ты думаешь, что ты утер мне нос? Не смейся! Ты не представляешь, что сейчас начнется! Вот и я думаю, что, не представляешь. По этим делам осуждено около пятидесяти человек, тринадцать из которых были расстреляны. Спросят ведь не только с меня, но и с комиссара.

Павел встал и стал быстро собираться.

– Это ты куда? – поинтересовалась у него супруга.

– На Волгу пойду, порыбачу немного. Не могу я дома, хочу побыть один.

– Иди, раз тебе дома тошно. Может, это поможет тебе.

Максимов взял удочки и направился к реке. По дороге

он накопал червей и, размотав леску, забросил снасть в воду. Первая поклевка произошла минут через тридцать, затем вторая, третья... Рыбалка отвлекла Павла от проблем. Садок быстро заполнялся пойманной им рыбой. Возле него, в метрах пятнадцати присел еще один рыбак. Стало смеркаться.

– Вы не подскажете, сколько сейчас времени, – обратился к нему Максимов.

– Начало девятого вечера, – услышал он в ответ. – Извините, мне что-то лицо ваше знакомо. Вы случайно не из уголовного розыска?

– Вы угадали. А вы откуда?

– Я из Республиканской прокуратуры. Волков моя фамилия, зовут меня Герасим Матвеевич.

– Кажется, мы с вами незнакомы.

– Я в основном веду хозяйственные дела. Как ты смотришь, не выпить ли нам по кружечке пива? Здесь недалеко кафе есть, может, зайдём. Они свернули снасти и направились в сторону конечной остановки трамвая номер один. Зайдя в кафе, они присели за крайний столик.

– Кафе закрывается в девять вечера, – произнесла официантка, толстая, неприятная на вид женщина. – Так, что пейте и валите отсюда.

Волков улыбнулся и, встав из-за стола, направился к буфетчице. Он что-то сказал ей и вернулся за стол.

– У нас с тобой еще часок есть, – произнес он и поднял кружку.

– Вот вы мне скажите, Герасим Матвеевич, как так в жизни, получается, – произнес Павел и начал рассказывать свою непростую историю.

Он долго и подробно рассказывал о всех перипетиях дела, замечая, как Волков внимательно прислушивается к его рассказу. Наконец, он закончил свой рассказ и сделал глоток пива.

– Занятная история, Максимов. Очень занятная. Значит, ты считаешь, что Лосев и руководство министерства могут освободить этих бандитов?

– Не исключаю такую возможность, товарищ Волков.

– Хорошо, Максимов, я завтра доложу об этом прокурору республики. Посмотрим, что будет дальше.

Они допили пиво, и вышли на улицу. Попрощавшись, они направились в разные стороны.

***

Корнилов проснулся от скрипа открываемой двери. Он приподнял голову от «шконки» и посмотрел на дверь. Свет падал из коридора, и лишь могучая фигура человека, стоявшего в дверях, наглядно свидетельствовала о том, что это – конвоир Гарипов.

– Корнилов! На выход, – громко выкрикнул он. – Давай, Корнилов, быстрее...

Василий схватил кепку и буквально бросился к двери. Он хорошо знал, что с этим человеком шутить не стоит. Он уже

почувствовал тяжелую руку конвоира и теперь предпочитал выполнять все его команды быстро и без разговоров.

– К стене!

Корнилов прижался и уперся лбом в стену. Лязгнула тюремная дверь.

– Пошел!

Василий шел по длинному коридору изолятора, чувствуя на спине тяжелый взгляд конвоира.

– К стене!

Дверь открылась и сильный толчок в спину буквально занес Корнилова в комнату допросов. За столом сидел мужчина, который с интересом посмотрел на арестованного.

– Присаживайся. Я начальник отдела борьбы с бандитизмом, подполковник милиции Лосев. Надеюсь, что ты слышал мою фамилию. Кури, – предложил Геннадий Алексеевич, пододвинув ему пачку папирос.

Он пристально посмотрел на Корнилова, словно стараясь угадать, как вести с ним разговор.

– Значит, это ты убивал и грабил граждан? – то ли спросил, то ли утвердительно произнес Лосев. – Что-то я в этом сомневаюсь?

– Я уже дал показания, гражданин начальник. Что вам еще от меня надо?

Лосев встал из-за стола и закурил. Он подошел к двери. За дверью было тихо.

– Слушай меня внимательно, Корнилов. Я хочу сохранить

тебе жизнь. Это ты понял?

Василий кивнул головой, хотя ничего не понимал, о чем говорит этот большой начальник.

– Жить хочешь?

– А кто не хочет, гражданин начальник.

Лосев остановился перед Корниловым.

– Завтра тебя будет допрашивать следователь. Ты должен сказать ему, что никаких преступлений ты не совершал. Что все ранее данные показания ты давал под давлением Максимова. Именно он диктовал тебе явку с повинной. Если сделаешь это, то через день – два выйдешь на волю. Ты понял меня?

Тело Корнилова напряглось. На лбу его выступили крупные капли пота. Страх перед наказанием парализовал его.

– Гражданин начальник, но он на меня не давил. Он лишь сказал мне, что мой родственник Игнат Кожин уже все рассказал.

– Обманул он тебя, Корнилов. Все твои друзья пока в «отказе». Ты понял?

– А вы не обманите меня?

– Нет, Василий. Скажешь, что я тебе говорил, уйдешь домой. Промолчишь – поставят к стенке.

Корнилов с недоверием посмотрел на Лосева. В его голове был настоящий «винегрет».

– И еще. О том, что я говорил с тобой – ни слова. Если будут интересоваться, говори, что я допрашивал тебя по на-

летам.

– Скажите, а почему вы решили помочь мне?

– От этого зависит не только твоя, но и моя судьба. Так что, мы с тобой, Корнилов, повязаны одной веревкой. Вот видишь, нет больше твоей явки с повинной. Ничего ты не говорил и ничего не писал. Все это придумал Максимов.

Лосев подошел к двери и громко в нее постучал. Когда дверь открылась, он попросил конвоира отвести арестованного в камеру.

***

Все произошло, как и планировал Лосев. Утром Корнилова вызвали на допрос. Следователем оказался молодой человек, лет двадцати пяти. Он был небольшого роста, щуплый. На его узком продолговатом лице как-то несуразно выделялись круглые очки с тонкими душками.

– Проходите, подследственный, – произнес он. – Моя фамилия Горшков. Я буду вести следствие по вашему делу.

– Какое следствие, гражданин начальник? Я ничего не совершал.

– Как не совершали? Вы же сами написали явку с повинной, которую я читал?

– Сам я ничего не писал, гражданин начальник. Мне диктовали, я и писал. А диктовал мне капитан Максимов. Вы знаете его? Страшный человек, сначала пугал долго, а затем заставил писать. Ему, видишь ли, майором захотелось

стать...

Следователь усмехнулся. Корнилов шел в отказ от своих первоначальных показаний.

– А как же быть с уликами, Корнилов. Во время обыска в вашей комнате были обнаружены ценности, деньги, оружие...

Корнилов громко засмеялся.

– Вы посмотрите на меня, гражданин следователь. Какие деньги, ценности? Разве я похож на богача? Меня на обыске не было и все, что нашел капитан Мельников, он подбросил ко мне в комнату. Он – очень хитрый и опасный человек.

Василий увидел, как в глазах следователя появились искорки недоверия. Кому он сейчас не верил – ему или Максиму.

– Вы спросите моих товарищей, что они расскажут обо мне? Выходит, и они – бандиты? Вы поймите меня правильно, да я – ранее судимый, но «грузиться» чужими преступлениями я бы не стал. Зачем мне тащить «четвертак»?

– Да, двадцать пять лет – срок не малый, Корнилов. Вот вы скажите мне, зачем же вы дали такие показания Максиму? Ваши друзья молчат, а вы...

Василий промолчал, пропустив вопрос следователя мимо себя, показывая всем своим видом, что он больше не намерен повторяться.

– Почему вы молчите, Корнилов?

– Я уже наговорил на «четвертак», гражданин следова-

тель.

– Выходит, вы не совершали никаких преступлений?

– Так точно. Я – человек мирный...

«Как все хорошо складывается. Все будет хорошо, если я так и буду валять дурака», – подумал Василий, разглядывая следователя.

Это был первый допрос следователя МГБ Горшкова. Он совсем недавно окончил Следственную школу и по совету своего родственника поступил на службу в следственную часть министерства ГБ. Почему ему поручили вести следствие именно по этому уголовному делу, он не знал.

Он быстро заполнил протокол допроса и протянул его Корнилову.

– Прочитайте. Вот здесь распишитесь, – произнес он и ткнул пальцем.

Василий долго читал, прежде чем расписаться, он посмотрел на Горшкова.

– А вы меня не обманите, гражданин следователь?

– Нет, Корнилов. Подписывайте...

Он опустил перо в чернильницу и поставил свою подпись.

– Скажите, а меня скоро отпустят?

– Думаю, что скоро.

Горшков положил протокол допроса в папку и вышел из кабинета.

***

Прокурор республики сидел за большим столом и, слушая рассказ следователя Волкова, делал какие-то отметки в своем блокноте.

– У вас все, Герасим Матвеевич? – спросил прокурор Волкова.

– Да, товарищ прокурор.

– Хорошо. Можете быть свободным.

Когда Волков покинул кабинет прокурора, тот поднял трубку и попросил оператора чтобы тот связал его с Управлением государственной безопасности. Ждать пришлось недолго.

– Полковник Матвеев, – услышал прокурор в трубке.

– Здравствуйте, Александр Павлович. Извини, что отрываю от дел, это Белоконь.

Они быстро обменялись любезностями.

– Ты слышал, что сотрудники уголовного розыска, наконец, поймали этих бандитов, которые четыре года терроризировали город. Их четверо, сейчас они находятся в КПЗ. Там творится что-то непонятное. Разберись, пожалуйста, с этим. Я уже подписал распоряжение о передаче этого уголовного дела в ваше производство. Там есть неплохой мужик – Максимов, он тебе все расскажет. Что, что? Ты знаком с ним, тогда тебе и карты в руки.

Вызов Максимова к начальнику управления государственной безопасности остался не замечен для руководителей министерства. Павел остановился на пороге кабинета

полковника Матвеева. Он уже догадался, с чем это связано, сейчас его больше интересовало, как руководство министерства расценит этот вызов.

– Проходите, Максимов, – произнес Матвеев и рукой указал ему на кресло. – Как в отношении чая? Думаю, что разговор у нас будет длинным, и чай нам не помешает.

Когда Павел сел в кресло, Александр Павлович, попросил его рассказать о задержании бандитов, о результатах обыска в комнате Корнилова. Максимов лишь на минуту задумался, размышляя о том, с чего начать. Он не стал кривить душой и все рассказал полковнику.

– Значит, тебе сейчас запретили заниматься этим делом.

– Так точно, товарищ полковник. Мне предложили уйти в отпуск... Сейчас этим делом занимается лично начальник отдела по борьбе с бандитизмом подполковник Лосев. Я слышал, что Корнилов отказался от своих показаний, мотивируя тем, что он написал свою явку с повинной под мою диктовку. Но, это – не правда!

– Успокойтесь, Максимов. Я уже приказал, чтобы дело передали в наше производство. Все это согласовано с прокурором республики. Я хотел бы, чтобы ты принял участие в работе оперативно-следственной группы.

– Товарищ полковник...

– Ты не переживай, я уже согласовал это с Москвой – она не против твоего назначения.

– Товарищ полковник, можно вопрос?

– Спрашивай...

– Как вы считаете, понесет ли ответственность руководство НКВД и судьи за все это. Ведь осуждены десятки людей, много расстреляно, за преступления, которые они не совершали?

– Сложный вопрос. Первое, что нам предстоит сделать, это задокументировать все эти преступления, закрепить все экспертизами. Вот когда все это мы с тобой сделаем, тогда можно говорить и об ответственности.

В кабинете стало тихо.

– Что будет с Лосевым?

– Пока его и целый ряд товарищей мы отстранили от работы. Иди и работай. Доклад – каждый вечер.

***

Противно лязгнула металлическая дверь КПЗ. В камере стало тихо.

– Корнилов! На выход с вещами! – выкрикнул конвоир. – Давай, быстрее!

– Вот видите, что я вам говорил, – радостно затараторил он, собирая свои вещи. – Да здравствует воля!

– Ты, что там умер? Я кому сказал, давай быстрее!

Василий выскочил в коридор и привычно уткнулся лицом в стенку. Дверь снова лязгнула и закрылась. Теперь этот лязг был ему сродни ласковой и приятной музыки.

– Вперед!

Они долго шли по лабиринтам коридоров пока не оказались в тюремном дворе. Яркий солнечный свет заставил Корнилова зажмуриться. Он хотел повернуть направо, к воротам, но сильный толчок в спину заставил его остановиться. Он обернулся и посмотрел на конвоира.

– Принимайте пассажира, – произнес конвоир.

Только сейчас Василий заметил «воронку» и стоявших около него двух конвоиров.

– Это вы меня куда? – испугано спросил он сержанта.

– Туда, откуда редко кто возвращается, – ответил военнослужащий и засмеялся. – О внутренней тюрьме госбезопасности слышал? Вот туда и поедем....

Что-то екнуло внутри Корнилова. Ноги стали ватными и не хотели ему подчиняться. Сейчас он сожалел о том, что послушал подполковника Лосева и отказался от первоначальных показаний.

– Давай, двигай, что встал! – произнес сержант и с силой ударил Василия прикладом автомата в спину.

Машина въехала с тюремный двор и остановилась, прижавшись правой стороной к стене. Из «воронка» выбрался конвой.

– Пошел! – командовал сержант, обращаясь к Корнилову.

Василий быстро прыгнул и сев на корточки, заложил руки за спину. Из дверей показалось фигура офицера.

– Отведите арестованного в 215 кабинет, – приказал он конвою.

– Я – не арестованный, гражданин офицер, – возразил Корнилов и моментально пожалел об этом.

Удар прикладом в спину был таким сильным, что Василий упал на колени. Он стоял посреди лужи, ожидая нового удара.

– Встать! Вперед!

Поднявшись на второй этаж, он прижался лицом к стене, гадая, что его ждет за этой массивной дверью. Кабинет был небольшим и каким-то несоразмерным с тяжелой дверью. Посреди помещения стоял стол, за которым сидел знакомый Корнилову капитан Максимов.

– Садись, – произнес оперативник и указал ему на привинченный к полу табурет.

Какое-то нехорошее предчувствие возникло у Василия, когда он присел на табурет.

– Вы арестованы, гражданин Корнилов. Расследование передано органам государственной безопасности. Делайте из этого вывод.

Василий был буквально в трансе. Все, что ранее ему обещал, подполковник Лосев растворялось в воздухе словно мираж.

– Так, вернемся к нашим баранам. Вы, по-прежнему отрицаете, свое участие в банде? – спросил его Максимов.

Корнилов выслушал вопрос. Лицо его исказила кривая улыбка.

– Доказывайте, гражданин начальник. Я не из тех, кто

встает на табурет и надевает на себя петлю. Докажете, значит, мое, а не докажете....

– Хорошо. Я вас понял, Корнилов. Здесь не уголовный розыск и методы допросов здесь другие. Сломаетесь, здесь не такие, как вы, ломались.

– Шмаков! – громко крикнул Максимов.

В дверях показался старшина, от вида которого у Корнилова внутри все оборвалось.

***

Геннадий Алексеевич Лосев проснулся от настойчивого звонка. Он по привычке поднял телефонную трубку, но она молчала. Только теперь он понял, что это звонил дверной звонок. Он включил настольную лампу и посмотрел на часы, они показывали три часа утра. Он поднялся и, сунув ноги в домашние тапочки, направился к двери.

– Кто там? – спросил он.

– Откройте, госбезопасность, – послышалось из-за двери.

Он обернулся. В проеме двери в спальню стояла супруга в наброшенном на плечи шерстяном платке. Она была явно напугана столь ранним визитом. Лосев открыл дверь и пропустил в квартиру трех молодых человек с армейской выправкой.

– Геннадий Алексеевич? – обратился к нему мужчина в шляпе.

– Да, – коротко ответил он. – В чем дело?

– Вы арестованы. Вот санкция на арест. Одевайтесь!

– А, а, а, – тихо завывала жена Лосева.

Рука Геннадия Алексеевича дрожала, а строки постановления на арест превратились в сплошные темные полосы.

– Извините, но здесь явно закралась какая-то ошибка. Я – начальник отдела по борьбе с бандитизмом.

– Вы – уже не начальник, гражданин Лосев, – словно чеканя каждое слово, произнес мужчина. – Сдайте оружие!

– Оно в ящике стола, – ответил Геннадий Алексеевич, чувствуя, как предательски задрожал его голос.

Мужчина подошел к письменному столу и достал из ящика револьвер. В свете вошедшего солнца матово блеснула латунная полоска с именной гравировкой на ручке.

– Пригласите понятых и приступайте к обыску, – распорядился мужчина в шляпе. – Что вы копаетесь, Лосев. Вот вам две минуты, а иначе я вас выведу в нижнем белье.

«Может быть, выброситься в окно, – подумал Геннадий Алексеевич. – Наверное, не стоит. Здесь явно какая-то ошибка. Разберутся и выпустят».

Он быстро натянул на себя брюки, рубашку и, накинув на плечи пиджак, направился к двери. Около двери он оглянулся и посмотрел на жену.

– Прощай, Оля, – произнес он и вышел в коридор.

Они быстро спустились вниз, где их ожидал «черный воронок». Мужчина открыл дверь и рукой указал Лосеву, что его место внутри фургона. Все это происходило, словно во

сне, и Геннадия Алексеевичу казалось, что он еще спит и когда он откроет глаза, весь этот кошмар моментально исчезнет. Машина резко тронулась и он, не удержавшись на скользком отполированном десятками задниц сиденье, повалился на пол. Больно ударившись головой о край, он словно проснулся. Схватившись за голову, он завыл, как воют пойманные собачниками собаки. Машина въехала в тюремный двор внутренней тюрьмы госбезопасности.

– Выходите! – произнес конвойный. – Конечная остановка.

Сейчас Лосеву было не до шуток. Он, словно затравленный охотниками зверь, готовился к своей последней схватке с законом. Геннадий Алексеевич вошел в камеру, чувствуя каждой клеткой своего тела, как за ним закрылась тяжелая тюремная дверь. Это была не просто дверь, а дверь, которая поделила его жизнь на до и после ареста. Геннадий Алексеевич опустился на холодный бетонный пол, так как «шконка», была пристегнута к стене и похоже, откидывалась лишь на ночь.

«Не все еще потеряно, – почему-то подумал он. – Посмотрим, что они мне предъявят».

***

Время шло. Группа оперативников и следователей госбезопасности работала слажено. Вслед за Василием Корниловым дал показания и его родственник Игнат Кожин. Слож-

нее было с Петром Симаковым.

– Симаков! Вы по-прежнему утверждаете, что ваши друзья: Корнилов и Кожин лгут про вас?

– Лгут, гражданин начальник. Они дважды пытались втянуть меня в свои делишки, но я наотрез отказывался. Сами подумайте, зачем мне все это. У меня была хорошая работа... Да, я один раз оступился, но все понял и осознал. За свой отказ я поплатился своим здоровьем – Корнилов тяжело ранил меня, и только благодаря хорошему человеку мне удалось выжить.

Максимов улыбнулся. Он хорошо знал эту историю, рассказанную ему Корниловым и Кожиным и теперь, слушая Петра Симакова, он с интересом наблюдал за тем, каким изворотливым оказался этот человек. Неожиданно для Павла сидящий перед ним Симаков начал медленно дергаться. Сначала у него задергалась левая рука, затем правая. Он повалился с табурета на пол. Тело его затряслось, из горла стали вырываться какие-то звуки, мало напоминавшие человеческую речь.

Оперативник вскочил на ноги и хотел помочь ему сесть на табурет, но у него ничего не получалось. Тело Симакова дрожало и он снова и снова сползал с табурета на пол.

Максимов нажал на кнопку звонка. В дверях показался военный служащий.

– Посмотри за ним, я сейчас позвоню в санчасть, приглашу врача. Этого только не хватало, чтобы этот бандит «за-

зжмурился» в этом кабинете.

Минут через десять после звонка в кабинет вошел врач. Выслушав рассказ оперативника, он склонился над телом Симакова.

– Товарищ капитан! А он не страдает психическими заболеваниями? – спросил врач Максимова. – Я – не психиатр, поэтому мне сложно поставить диагноз вашему клиенту. Я бы, на вашем месте, рисковать не стал бы, мало ли что? Отправьте его на экспертизу, так будет проще.

– Ну, а сейчас, что мне с ним делать?

– Отправьте его в камеру.

– Спасибо, доктор.

Павел вызвал еще дополнительный наряд, который положил Симакова на носилки и отнес в камеру. О состоянии арестованного он доложил начальнику Управления госбезопасности Матвееву.

– Хорошо, Максимов. Я распоряжусь, чтобы его отправили на психиатрическую экспертизу.

Павел положил трубку и, надев кепку, вышел из кабинета. Мимо него провели Лосева. Он не сразу узнал в этом человеке своего старого начальника отдела по борьбе с бандитизмом. Лицо Геннадия Алексеевича было сине-желтым от большой гематомы, распухшие разбитые губы, белая рубашка порвана на груди. Он шел, низко опустив голову, и как показалось Максимова, он просто его не видел. Вслед за ними шел молоденький лейтенант, сверкая своими золотыми

погонами.

– Здравия желаю, – поздоровался с Максимовым лейтенант.

Павел, молча, кивнул.

– Что вы его так? – спросил он лейтенанта.

– Как со всеми, сбили спесь, – ответил тот. – Сейчас он податливый, как пластилин. Почему-то считает, что это ты его «засветил».

Максимов проводил взглядом сгорбленную фигуру Лосева и, тяжело вздохнув, направился к выходу из здания.

Э П И Л О Г

Шел 1949 год. Уголовное дело по обвинению в бандитизме: Василия Корнилова, Петра Симакова, Алексея Бабаева и Игната Кожина было передано в суд. Бандитам вменялись 22 грабежа, 33 кражи, 22 убийства, в том числе, трех милиционеров и одного солдата внутренней службы, 14 человек получили ранения различной тяжести во время этих бандитских налетов. Все статьи ранее были расстрельные, но убийцы не могли не знать, что с 1947 года в СССР действовал мораторий на смертную казнь. Все они были приговорены к 25 – летнему сроку заключения.

Факты нарушения законности не остались без внимания Верховного Суда СССР. Решением Политбюро ВКП (б) СССР Министр внутренних дел Татарии был исключен из

партии и снят с занимаемой должности. Вслед за ним были уволены Министр юстиции и Председатель Верховного суда ТАССР. Несколько сотрудников ОББ во главе с начальником отдела, а также надзирающий за их деятельностью прокурор вскоре предстали перед судом, который приговорил их к различным срокам заключения.

12 января 1950 года, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о применении высшей меры социальной защиты – расстрела к лицам, виновным в контрреволюционной деятельности, к разряду которых относились как бандитизм, так и совершение террористических актов.

Вскоре состоялся пересмотр уголовного дела по обвинению: Корнилова, Симакова, Бабаева, Кожина и других участников банды. Верховный Суд СССР приговорил: Корнилова, Симакова, Бабаева, Кожина к высшей мере наказания – расстрелу.

Несколько иначе сложилась судьба капитана Павла Максимова. Он получил досрочно звание майора милиции, Орден Боевого Красного Знамени и вскоре был назначении на должность заместителя начальника Управления уголовного розыска МГБ ТАССР.